

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

3. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

25.03.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Разида ЭРСЕНОЙ. *Спецпереселенцы*. Повесть.
Продолжение. Начало в № 2.....2
Тауз ИСС. *Украденная Родина*. Главы из романа.....23

ПОЭЗИЯ

- Елена СЕРДЮКОВА. *Не ищи декорации фраз*. Стихи.....19
Марьям НОХЧИЕВА. *Молитва*. Стихи.....20
Надежда МАРИНИНА. *Тамерлан*. Легенда.....37
Адиз КУСАЕВ. *Сонетийн кочар*.....52
Муса БУХАДИЕВ. *Нохчийн махкахь*. Стихаш.....68

ДЕБЮТ

- Румиса ДОКАЕВА. *Отец*. Миниатюра.....36

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- КАДРИЯ. *Безамах дийцар*. Поэма. *Гочийнарг*
Шайхив Галвади.....50
Дарья ШОМАХОВА. Миниатюры.....56

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

- Малика МУСАЕВА, Сулиман МУСАЕВ. *«Зачистки» в*
станции Ассиновской (3–4 июля 2001 г.).....41

ИСТОРИЯ

- Андарбек ЯНДАРОВ, Галина ЗАУРБЕКОВА,
Индарби БЫЗОВ. *Майкопская*
культура в свете комплекса последних
научных данных.....70
Татьяна ГВОЗДИКОВА. *«Имею честь покорнейше*
просить...».....88

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Хава ТЕМАЕВА. *Проблема нравственного выбора в*
творчестве Чингиза Айтматова и ее отражение
в чеченской литературе.....83

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Территория понимания,*
приятя и любви.....91

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Роза МЕЖИЕВА. *«Живу жизнью художника!»*.....94

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Роза БЕРСАНОВА. *Юридические термины на*
чеченском языке.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Разида Эрсеной

Спецпереселенцы

Повесть

*Продолжение. Начало в № 2***Глава IV**

В третьем классе Ирина Вячеславовна назначила Маржан звеньевой и поручила ей организовать работу своего звена на пришкольном огородном участке. Им выделили участок примерно 40 квадратов, на котором надо было посадить горох и фасоль и ухаживать за ними до урожая. Эта обязанность ей пришлось по душе, но ученики ее звена не особенно обрадовались, что надо будет сажать, поливать, пропалывать, они и на своем огороде этого не делали. Когда отец Маржан перешел работать завхозом в горбольницу, ему дали участок в шесть соток по Учкурганской улице, расположенный прямо по диагонали через перекресток от дома Савинкиных, и они построили там дом. У Савинкиных был дом, покрашенный в светло-зеленый цвет с белыми выступами по углам, а у Ахаевых – одноэтажный кирпичный дом, только покрашенный в розовый цвет, с белыми выступами по углам дома.

Мать, как и говорил отец, устроилась в больницу и, имея личную швейную машину, трудилась дома, латая больничное постельное белье, затем относила его и освобождалась для домашних дел: чистила кастрюли песком во дворе, шила вещи для базара или необходимое себе, детям или соседям на заказ по пять рублей за платье и готовила к вечеру ужин. Она была занята каждый день с шести утра до девяти вечера, и Маржан старалась не раздражать ее и не докучать ей вопросами. Они спорили только по поводу книг, так как Маржан читала много. Но последнее время мать молчала насчет книг, может, потому, что только Маржан писала письма бабушке и таким образом с момента, как Маржан научилась писать и читать и написала первое письмо бабушке в Аральск, у них установилась связь с отцом матери. Из писем отца и братьев она уже знала, что с ними и как они живут.

Наступила весна, уже ходили в коротких вельветовых китайских куртках на молнии с кокеткой углом вниз. А кто не мог купить куртку, носили шерстяные кофты. У Маржан была шерстяная кофта красного цвета с серыми ромбиками. В четверг 5 марта 1953 года Маржан, как всегда, шла в школу и посреди улицы встретила прежнюю свою соседку – гречанку Марию Чекалиди. Маржан никогда с ней не разговаривала, потому что Мария была уже почти взрослой. У нее был очень странный вид. Темные кудрявые волосы были распущены. Она шла из школы домой, громко причитала, рыдала навзрыд. Маржан удивилась ее виду и, остановившись напротив нее, спросила:

– Мария, что случилось? Тебя кто-то ударил?

Мария посмотрела на маленькую Маржан, перестала на мгновение рыдать и сказала:

– Дедушка Сталин умер.

– А разве это твой дедушка? Почему ты так плачешь, если он не твой дедушка?

– Он для всех нас дедушка, – Мария посмотрела на Маржан внимательно и, махнув рукой, пошла дальше, продолжив громкие рыдания. Маржан не поняла, почему Мария отнеслась к ней так пренебрежительно, что даже не ответила, ведь она только ростом маленькая, но учится уже в третьем классе. Думая о Марии и ее странном поведении, Маржан продолжила свой путь в школу и у перекрестка столкнулась со своими сестрами. Они почему-то тоже

возвращались домой и глаза у них были заплаканные.

– Почему вы плачете? Встретила Марию – она тоже плачет. Что случилось? – спросила сестер Маржан.

– Нас не пустили в почетный караул в школе. Все стоят, а нам сказали: «А вам нельзя». Нам не позволили постоять у портрета дедушки Сталина, все по очереди подходили и стояли по десять минут – вся школа, все ученики и только нам не разрешили, – они отправились домой, а Маржан пошла быстрее в школу узнать все поподробнее и посмотреть на почетный караул, ведь ей тоже нельзя будет стоять в карауле, хотя в пионеры ее, как всех, приняли. Она не расстроилась, увидев, что сестры с мокрыми от слез глазами возвращались из школы, но ей было непонятно, почему Мария так убивалась: конечно, жалко, что дедушка Сталин умер, но он же все-таки не родной дедушка.

Маржан пришла в школу. Прямо напротив входа у коридорной стены стоял большой портрет Сталина в траурной рамке со свисавшей черной лентой. На полу слева и справа от портрета стояли горшки с цветами, рядом с которыми по одному школьнику, застыв на месте, несли почетную вахту. Маржан остановилась прямо у входа. Все ходили вокруг, уходили куда-то и приходили, все были, как сестры, с зареванными глазами, но никто громко не рыдал, как Мария. Все было как на тезете, только тихо, и лишь изредка слышались распоряжения учительницы. Маржан никто не предложил встать в траурный караул и, покрутившись полчаса, она ушла домой.

Траур продолжался три дня, и в пятницу с утра Маржан решила сходить к Гале Савинкиной. Дом Савинкиных был небольшой, но уютный. Слева от входа на веранду была гостиная. В центре гостиной был стол, покрытый кружевной скатертью, а стулья стояли чинно в ряд у продольной стены слева, справа вдоль стены находилась узкая кожаная кушетка без спинки. В конце левой продольной стены в углу была икона с горящей перед ней свечой. В пятницу, когда Маржан пришла, Галя была во дворе, и Маржан не зашла в дом, пока та не освободилась. Они вошли в дом и прошли в Галину комнату, которая располагалась на правой стороне веранды.

Галя радостно сообщила, что приходил батюшка и дал ей пять рублей. «Он всегда мне дает по пять рублей, когда приходит», – сказала Галя. «Вот здорово, – подумала Маржан. – Пять рублей! Это так много! Галка получает такие большие деньги от попа. А мне мама на мороженое с трудом дает, два дня надо ходить и просить. И то девять копеек, на фруктовое, редко одиннадцать на молочное».

– А почему он дает тебе деньги? Он что, ваш родственник? – спросила Маржан.

– Нет, не родственник, но он мне всегда дает деньги. Он раз в месяц к нам приходит. Мама служит в церкви. Папу за это с работы сняли. Он теперь просто бухгалтером работает. А был начальником шахты. Когда мама придет, выйдем на улицу. А ты знаешь, мама купила мне чешские боты, очень хорошие, – она принесла боты. Это были скроенные по форме ноги красивые резиновые плотные матовые боты, не то что боты Маржан, тоже резиновые, но тонкие, на малиновой байковой подкладке, и широкие.

– Это чешские, видишь, какие красивые?

– А-а, – протянула Маржан, – а у меня советские.

Посмотрев книги, которые отец купил Гале, и поговорив о школе, Маржан ушла домой.

Наступило 1 Мая, к которому в городе готовились за месяц вперед, развешивая на домах плакаты и лозунги. Маржан, как и все мальчишки и девчонки младших классов, ходила смотреть на Первомайские праздничные демонстрации, проходившие по Учкурганской улице. Но на этот раз Маржан решила посмотреть, куда же направляются все эти колонны и что они там делают. Маржан подошла к Учкурганской улице в 10 часов и присоединилась к первой попавшей колонне. К удивлению девочки, ей никто ничего не сказал, и она, принаоровившись к ходу колонны, едва поспевала за демонстрантами, идя

у края дороги. Колонна шла вниз по Учкурганской улице, казавшейся Маржан всегда главной. Пересекающая ее улица, ведшая к Горному техникуму, была широкой и асфальтированной. Колонна свернула направо по Центральной улице, в сторону прямо противоположную от Горного техникума. В этой стороне Маржан никогда не была. Шествие длилось очень долго, затем дорога свернула налево, и колонна пришла на пустое место, которое не было ни площадью, ни пустырем, земля почему-то была посыпана угольной пылью, а недалеко, как пирамиды, виднелись небольшие горки. Демонстрация из колонны превратилась в толпу людей, растекшуюся по всему темно-серому полю, а далеко впереди стояли столы, накрытые красным кумачом, и за ними были люди. В центре стояла женщина с репродуктором в руках. Она долго говорила что-то, а потом закричала: «Да здравствует Международный день трудящихся! Ура-а-а!» В толпе никто не шевелился. Были почти все мужчины, в основном русские, точнее, славяне, потому что русских и украинцев воспринимали как русских, а украинцев в Кызыл-Кия было много. Маржан заглядывала в лица стоявших мужчин и удивлялась, почему они такие угрюмые, как будто чем-то недовольны. Она протискивалась между стоявшими мужчинами вперед и заглядывала в их лица. Впереди снова закричали: «Да здравствует славный рабочий класс Советского Союза!» Раздалось нестройное «ура!» Затем: «Да здравствуют мужественные шахтеры нашей страны, дающие нам тепло, свет! Да здравствует передовой отряд нашего рабочего класса – наши герои-передовики шахты номер 11, шахты номер 2 и номер 3!!! Дружное ура нашим героям-передовикам! Ура! Ура! Ура, товарищи!» По толпе прокатилось «ура», и потом, когда митинг продолжился, Маржан уже стало не интересно, она выбралась из толпы и пошла домой. Через два часа добралась и, уставшая, сразу легла спать.

В мае был сильный град, совершенно невиданный для этого времени года в Киргизии. Маржан пришла в ужас, как только прошла гроза. Она побежала на пришкольный участок, который был с правой стороны от главного корпуса, и сразу справа от входа через низкую калитку был ее надел. Она быстро прошла к нему. Ее полсотки уже выросшего на полметра гороха, как и все остальные делянки, выглядели жалкими. Все гороховые стебли лежали на земле, на школьном огороде не было никого и не у кого было спросить, что делать. Маржан походила между грядок, потрогала лежащие стебли – их было не поднять. А солнце снова светило как ни в чем не бывало, как будто не было никакой грозы. Девочка была очень расстроена, вспомнила про свое звено и решила в первую очередь сходить к Тане с первой парты, с нею вместе собрать все звено и что-то сделать потом с горохом.

Подходя к дому Тани, она услышала голос почтальонши, громко выкрикивавшей: «Голопупенко! Голопупенко, письмо!» Когда Маржан подошла к калитке, мать Тани уже вышла. Она забрала письмо у почтальонши и собралась вернуться в дом, но в это время Маржан обратилась к ней:

– Вы мама Тани?

– Да, я. А что тебе надо?

– У нас в школе горох побил градом. Мы должны что-то сделать. Я звеньевая. А она в моем звене.

– Никуда Таня не пойдет. Ты звеньевая. Тебе поручили, вот и справляйся сама со своим поручением. Нечего ходить сюда. У нее свои дела есть. По таким делам больше не приходи, – она повернулась и ушла в дом.

Маржан обошла дома всех учениц своего звена, но никто не захотел идти на участок. Маржан побежала домой и рассказала все матери. Какой уже высокий был горох. Он так хорошо рос и вдруг из-за этого града все пропало. Мать успокоила Маржан, сказав, что нужно поднять стебли. Она быстро обстругала колышки, нарезала из кусков, оставшихся от латаных простыней, полоски, дала их Маржан и объяснила, как вбить колышки и привязать к ним стебли гороха. Маржан бегом отправилась на школьный участок и к вечеру закончила работу. Усталая и довольная, она вернулась домой. Девочка восхищалась

своей матерью, ведь та сразу догадалась, что нужно сделать, чтобы спасти горох. Маржан легла спать в эту ночь счастливая. Когда кончилась четвертая четверть, с ее участка собрали хороший урожай. На сбор урожая пришло все звено. Маржан сдала вместе с урожаем участок учительнице и сказала, что больше она не будет звеньевой, потому что родители членов звена прогоняли ее и не пускали своих детей работать на участке. Учительница похвалила Маржан и пыталась уговорить ее взять этот же участок на следующий год, но Маржан не согласилась. Кончилась четверть, Ирина Вячеславовна очень хвалила Маржан за успехи в учебе и труде, и за «ударный труд» на пришкольном участке Маржан получила благодарность, объявленную перед всей школой на выпускной линейке.

Глава V

Каникулы на этот раз обещали быть интересными. Мать получила разрешение навестить отца, который вместе с ее братьями и сестрами жил в Казахстане. И хотя денег едва хватало на дорогу, было много радости от того, что матери Маржан наконец разрешили навестить ее отца. Все были возбуждены и с нетерпением ждали поездки. Только и говорили о предстоящем событии. «Все там, всех увидишь», – эти слова повторялись и отцом, и родственниками.

«Почему все там, а мы здесь?» – недоумевала Маржан и не находила ответа. Теперь она встретится с бабушкой, которому писала письма с первого класса. Писала, что очень хочет его увидеть. Это повторялось во всех ее письмах. И вот теперь, когда Сталин умер, мать получила разрешение на поездку к деду. Это первое разрешение на выезд в другой город возродило надежды, что вот так когда-нибудь разрешат вернуться и на Кавказ, домой. Но до возвращения на Кавказ было еще далеко, а разрешением видаться с родственниками воспользовались многие.

Поехали только в середине июля, в самое жаркое время. В поезде в одном с ними плацкартном вагоне оказался Семен Моисеевич, учитель истории из школы Маржан. Он, оказывается, знал, как Маржан спасла горох и вырастила хороший урожай. Семен Моисеевич ехал с ними до Джалал-Абада и всю дорогу просил снова и снова рассказать историю с горохом и почему-то, довольный, хохотал. Маржан удивлялась, что он все знает про историю на пришкольном участке и что это его так веселит.

Когда они прибыли в Аральск, Маржан удивилась, что, в отличие от Ташкента, в Аральске было пустынно и серо. Маленький вокзал. Только на приподнятом дощатом перроне не было песка. В лицо сразу дохнуло таким жаром, что Маржан зажмурилась и от палящего солнца и от горячего воздуха, но пришлось открыть глаза и привыкать к зною пустыни. Она вспомнила о Кызыл-Кия как о рае. Когда они вышли на пустынную дорогу, шедшую от вокзала в город, она сразу обратила внимание на то, что редкие люди, которые встречались на дороге, были обуты в ботинки. Выйдя из вокзального домика, Маржан сразу провалилась в песок по щиколотку, ноги выше задников туфель обжигало горячим песком. Идти было трудно, ноги проваливались в песок с каждым шагом. С непривычки только что приехавшие шагали медленно, как утки. Шли все вместе, потому что стоянка была всего две минуты и в город вышли все одновременно. Маржан думала, что на вокзале их встретят, и она сразу увидит всех родственников. Но встретили их только две сестры матери, Зейнаби и Тамара, потому что только они, будучи замужем, жили в самом Аральске, а бабушка и остальные сестры и братья матери жили в каком-то Сульфате. Как поняла Маржан из разговора сестер матери, это был поселок, находившийся в семи километрах от Аральска, куда ходила один раз в день какая-то «кукушка» с одним вагоном для пассажиров и цистерной воды для жителей Сульфата.

Ночевали у тети Зейнаби. Она была замужем за человеком старинного рода. Они сумели построить дом в Аральске на высоком, типично чеченском

фундаменте, но из саманных кирпичей. Не глиняная кибитка, небеленая, с бычьим пузырем вместо стекла в маленьком окошке, как в узбекских бедных кишлаках, и не войлочная юрта, как у казахов в степи, какие видела Маржан, когда ехала на поезде, а настоящий аккуратный и высокий побеленный кирпичный дом. Оказалось, что все подобные дома в Аральске, состоявшем всего из трех улиц, принадлежали чеченцам, а другие переселенцы жили в двухэтажных государственных домах. Но рассказ Зейнаби о том, как они строили свой дом, настолько поразил Маржан, что она несколько дней не могла ни о чем ни думать, ни говорить. И песок, и глина стоили очень дорого, потому что их привозили издалека. А солома для замеса глины стоила еще дороже, она была практически на вес золота. Она легкая и ее надо очень много. Воды не было. Вода была привозная, а для стройки надо много воды, особенно для замеса глины. Приходилось таскать воду из сточной канавы общественной городской бани, а она работала только два раза в неделю. В этой грязной воде, вытекавшей из бани, босыми ногами месили глину. Маржан с ужасом смотрела на Зейнаби, как она ничем не заразилась от этой грязной воды. Дети на нефтебазе мыли по вечерам ноги в чистом арыке нефтебазы и то всегда были болячки на ногах. Маржан теперь только поняла смысл фразы, которую она часто слышала: «Дала ларийна и»¹. И ее поразило, сколько же надо было натаскать воды из бани, чтобы сделать десятки тысяч кирпичей и построить дом как надо. А еще надо было ждать, когда баня будет работать, чтобы была сточная вода. Наверно, и белхи² не устраивали, раз воды так мало.

На следующий день Зейнаби решила отвезти их к дедушке в поселок Сульфат. Они вышли утром, пришли на вокзал, но поезда все не было и не было. И им пришлось идти пешком, потому что мать не желала терять ни один день, ей хотелось скорей увидеть отца, братьев и сестер. Когда они вышли с вокзала и пошли вдоль железнодорожного полотна, оно вскоре свернуло куда-то влево, вскоре пески кончились и начались солончаки. До самого горизонта все было белым-бело. Теперь уже не пески, а соль хрустела под ногами. Вдали соль казалась снегом. Стояла тишина, палило солнце, хрустела, как снег, соль. Солнце светило прямо в лицо и казалось оловянным, а солончаковой пустыни не было конца. Брата Мусу несли на руках по очереди: сначала его несли мать, потом Зейнаби, а после двух часов ходьбы Мусу передали Маржан. Он сначала шел самостоятельно, но очень скоро устал и Маржан пришлось посадить его себе на спину, потому что нести его на руках ей было тяжело. Они с Мусой отстали. Маржан, согнувшись, несли его и радовалась, что он не плакал, не капризничал и терпеливо переносил зной пустыни. Они с Мусой отставали все больше и больше. Мать с Зейнаби останавливались и поджидали их, продолжая разговаривать. Наконец, совсем устав и отстав от матери с тетей, Маржан остановилась, чтобы передохнуть, и поставила Мусу на ноги. Мать, обернувшись и, увидев, что они отстали, пошла к Маржан с Мусой. Она взяла Мусу на руки, и они снова пошли дальше. Уже было за два часа. Солнце стояло в зените. Маржан разморило. Впереди было марево, внизу все та же белая, как снег, соль. Но Маржан не жаловалась, а продолжала идти вперед в надежде, что они вот-вот придут в поселок, хотя до самого горизонта ничего не было видно. Она шла, а ее клонило ко сну, и сквозь марево она все же увидела город из белых высотных и больших домов. До нее даже не дошло, что она никогда не видела таких высоких домов и таких белых городов. Она обрадовалась, что осталось идти совсем немного. Город вот он, рукой подать. Но они шли и шли, город отдалился и исчез, она как бы проснулась. Через некоторое время видение возникло и снова исчезло, когда уже до него было рукой подать. И так повторялось много раз, Маржан, очередной раз придя в себя, остановилась и села на соль. Мать поняла, что надо отдохнуть. Они посидели полчаса и продолжили путь. Мираж больше не повторился и через два часа они, наконец, увидели вдаль строение. Поселок, радостно отметила про себя Маржан. Когда

¹ Бог ее сохранил.

² Белхи (чеч.) – традиция коллективной взаимопомощи.

они подошли ближе, никакого поселка там не оказалось, а был один белый двухэтажный дом и в метрах пятисот от него одинокий нужник. «Вот и Сульфат», – сказала Зейнаби. Но почему только один дом? Зейнаби сказала, что раньше был поселок, но здесь близко соль больше не добывают, новый карьер открылся далеко отсюда, и здесь оставили только один дом переселенцев – с семьями дедушки Маржан и соседей. Вот так они и оказались одни в пустыне.

Квартира дедушки была в дальнем подъезде на втором этаже. Соседи были немцы. Дома был только один дедушка и две сестры матери: Айна, самая младшая, готовила обед, средняя сестра Меди, совсем больная, заработавшая в течение семилетних трудов на соляном карьере болезнь сердца, цирроз печени и туберкулез легких, лежала. Меди была очень худая, с желтовато-белым осунувшимся лицом, на котором ярко-красный румянец смотрелся совсем не к месту, все это дополнялось горящим взглядом и учащенным и затрудненным дыханием. Братья были на работе. Дедушка был таким, каким он был на фотографии, с большими длинными усами. Он был просто счастлив, увидев дочь и внуков. Все время улыбался, усы раздвигались, глаза сияли. Он рассказал, как они обрадовались первому письму от Маржан, как радовался, когда письма стали приходиться регулярно, и они из писем стали узнавать, как живется в Киргизии. Конечно, там речки, деревья, там как «дома». Они радовались, что матери повезло, что отца Маржан направили работать в Киргизию, а не в Казахстан, так как здесь везде, куда переселили чеченцев, пески, солончаки или голые степи. И поехать никуда нельзя, даже проводить родных. «Вот так и живем среди этой соли, в этой квартире, как в тюрьме», – говорил дедушка. В Аральске хоть другие люди есть, а здесь один этот дом и больше ничего. Айна призналась, что они с сестрой Томой до того, как Тома вышла замуж, иногда прогуливались по двору, потому что больше некуда идти. А теперь Айна осталась дома одна и целыми днями занималась хозяйством, так как бабушка Маржан умерла на перевалочной базе Дарбаза, а Меди была больна и ничего не могла делать из-за страшной одышки, а ведь ей было всего 25 лет. Когда пришли братья, восклицаниям не было конца. Они цокали, выражая то чрезмерное удивление, то восхищение. К ужину Айна приготовила штрудели: трубочки с картофелем из теста, зажаренные на сковородке и залитые помидорами. Это было немецкое блюдо, готовить которое Айна научилась у соседки-немки. Поскольку из продуктов были только овощи и мука, одни и те же блюда надоедали, она иногда делала штрудели для разнообразия.

На следующий день Айна попросила Маржан пойти за водой: не принести воду – ее еще должны были привезти, а занять очередь. Маржан спросила, а где будут давать воду, в какой стороне?

– Ты сама увидишь, где стоят люди. Как выйдешь из подъезда, иди налево, обогнешь дом и увидишь, короче, там далеко впереди будет очередь.

– А почему далеко?

– Потому что еще многие приедут, когда «кукушка» подъедет. Казахи живут в степи в юртах и приезжают на лошадях за водой.

– А ведь до горизонта соль, и, когда мы шли, со всех сторон никаких юрт вокруг не было видно. Все вокруг было белым-бело.

– Между прочим, у них нет понятия запад-восток, север-юг, только одно понятие «сторона» – ягá по-ихнему. В степи трудно ориентироваться, можно только по звездам. Вы еще не изучали астрономию? Знаешь, как интересно. Это был мой любимый предмет. Есть такая звезда, точнее созвездие – Большая Медведица. Это северное созвездие. Я тебе вечером покажу его. Оно показывает на север. Значит, где ты увидишь Большую Медведицу, там север. Я всегда вечером выхожу во двор, чтобы посмотреть на звезды. Я знаю много звезд и созвездий, но смотрю на запад, в нашу сторону, и мысленно разговариваю с Кавказом. Мои мысли всегда там. Ну ладно, мы еще поговорим вечером. Я тебе покажу Большую Медведицу, а слева от нее будет западная сторона. Я тебе покажу западную звезду, с которой я мысленно разговариваю о доме. Ладно, иди, а когда привезут воду, ты придешь, скажешь мне, и я пойду с тобой за водой.

– Хорошо, а сколько дают воды?

– Обычно два ведра на семью. Но нас много, нам дают шесть ведер. По десять копеек за ведро. И это все: и купайся, и стирайся, и пол мой, и обед готовь и посуду мой.

– А почему так мало дают, если не бесплатно? Одно ведро воды – одно мороженое.

– Чтобы на всех хватило. Приедут казахи из степей, русские из деревень в степи.

– Ужас какой. Как же без воды? А у нас сколько хочешь воды. Везде арыки. Весной арык разливается, когда наводнение бывает, мы бегаем смотреть на наводнение. Поверх воды плывут щепки, скорпионы, сороконожки. Вода быстро течет и весь мусор со скорпионами уносит. Я так радуюсь, что скорпионы утонули и их вода несет куда подальше.

– Ну, ладно, иди, у меня на примусе сковородка.

Маржан сбежала по лестнице вниз и прошла по двору налево, обогнула дом и, действительно, увидела много людей далеко впереди. Это была живая очередь: люди стояли цепочкой, поставив сбоку от себя ведра. Очередь была на полкилометра от дома. Маржан прошла вперед и встала в очередь. Люди стояли под палящим солнцем среди солончаковой пустыни и разговаривали между собой. Через час женщина, стоявшая впереди Маржан, обернулась и сказала ей: «Иди за ведрами, скоро «кукушка» приедет». Маржан побежала к Айне и сказала ей, что «кукушка» едет, взяла с собой два ведра и вернулась в очередь. Но пока она ходила, очередь стала такой длинной, что Маржан с трудом нашла свое место. Откуда-то набегали казашки в белых платках на головах и в черных, в талию расклешенных, мелко стеганных чапанах. Ни лошадей, ни подвод, ни машин нигде не было видно, а они все были здесь, наехав из невидимых окрестностей. Наконец, дошла их очередь, Айна заплатила шестьдесят копеек, наполнила шесть ведер, и они вышли из очереди. Айна оставила Маржан сторожить ведра и сама перетаскала воду. Дома, поев, Маржан пошла отдохнуть в затемненную комнату дедушки, так как с непривычки перегрелась, стоя на открытом месте в очереди под палящим солнцем. Но сон не шел, и она решила встать и погулять, посмотреть окрестности, как привыкла это делать дома, в Киргизии. Маржан вышла из подъезда и пошла направо от дома. В этой стороне она еще не была, хотя кругом было все одинаково, но сознание подсказывало, что что-то за горизонтом все-таки есть, и к тому же марево делало этот горизонт очень близким. Она шла довольно долго под палящим солнцем, но как бы по дорожке. Ноги не проваливались в соль, и соль была как бы накатанная, как настоящая дорожка, только покрытая солью. Вскоре неожиданно она пришла к большому котловану, белому и на дне и с боков. Это, наверно, и есть карьер, но почему-то никого нет. Солнце уже стало клониться к закату, и она пошла назад. Любопытство ее было удовлетворено, она хоть что-то увидела, прогулявшись, хотя все так же до самого горизонта была только белая соль. Она вернулась в дом к пяти часам вечера.

– Где ты была? – спросила взволнованно Айна. – Я звала, звала тебя, но тебя не было видно. Я подумала, что ты познакомилась с кем-нибудь из соседей и у них сидишь.

– Я гуляла.

– Какие здесь гуляния? И это опасно, одной ходить. Никогда так не делай.

– Я вышла посмотреть, что здесь есть. И дошла до огромной ямы, длинной, широкой и глубокой.

– Это бывший карьер. Он уже был очень глубокий и его закрыли, рабочих перебросили на новые места.

– Тоже копать карьер?

– Котлован. Копать соль и грузить ее на грузовики, которые ее увозят. Наши там работают, теперь их возят, потому что далеко, но зато там соль возить близко. Наши скоро придут, в шесть часов у них кончается работа, и в полседьмого их привезут. Поешь сейчас, потому что потом будет некогда, мне надо будет им

полить воды, чтобы они умылись, и покормить их.

– А поливать воду им из ковшика и я могу и потом помыть посуду и полы я тоже могу. У нас ведь дома каждый вечер тоже моют полы.

– Нет, посуду и полы я сама помою, воды слишком мало, ты не сможешь.

Когда с работы пришли братья и они умылись и поели, начались распросы. Они уже знали историю с горохом и землетрясением. Снова были сплошные восклицания, но этих восклицаний Маржан не стыдилась, потому что она действительно отличилась. Когда же она рассказала, что дала два урока матери и успела ее научить расписываться, а с приходом отца мать застеснялась и не стала больше заниматься, они были в восторге. «Гор Маржан я!»² – восклицали они. Их сестра хоть научилась расписываться. Рассказала она и историю с горохом, но в истории с горохом, говорила Маржан, полностью заслуга матери, это она помогла Маржан, научила, как поднять стебли гороха. Все опять цокали, выражали крайнее недоумение. Все удивлялись, какие странные эти русские: мало того, что дети сами не хотели следить за участком, им порученным, да еще их родители прогоняли звеньевую Маржан, чтобы она не беспокоила их из-за общественного труда. Больше всех возмущался самый младший брат Юсуп. Он ушел из школы после восьмого класса, чтобы пойти работать, но был очень любознательный, много читал, и ему было интересно все, что рассказывала Маржан о жизни в Киргизии, где, как на Кавказе, были деревья, речки и трава на земле. Помыв посуду и протерев полы, Айна позвала Маржан на улицу. Они вышли во двор и стали смотреть на небо. Айна сначала показала Малую Медведицу, похожую на ковш. Маржан сразу подумала: «Действительно, похожа на ковш». Пять звезд, посчитала она, одна отдельно, а четыре расположены квадратом, и они смотрятся вместе. «А вон там, – сказала Айна, – Большая Медведица. А та звезда, – показала она на самую яркую звезду, – это Орион, любимая северная звезда Пушкина. Она самая яркая». Она показала еще две звезды, но их Маржан не запомнила.

На следующий день Зейнаби и мать с Мусой, просидевшие накануне весь день с дедушкой, собрались ехать в Аральск, но дедушка попросил Зейнаби увезти с собой только Маржан и приехать за матерью Маржан через несколько дней.

Когда «кукушка» привезла пассажиров и воду, Зейнаби с Маржан в середине дня уехали на ней в Аральск, и больше Маржан к дедушке не попала.

В Аральске Маржан жила у Зейнаби, потому что к Тамаре ходить было нельзя. Тамара против воли отца вышла замуж за чеченца аварского происхождения, и отец Тамары и родственники не признали этот брак. Маржан показали двухэтажный дом, в котором была квартира мужа Тамары, куда ходить было запрещено. У Зейнаби была маленькая дочка, ей было всего три года. У девочки были широко расставленные глаза и тонкие, четкие брови, ровный маленький рот и вздернутый подбородок, придававший лицу гордое выражение, золотисто-светлые крупные кудри. Ей даже не делали косички и не завязывали бантики. Так она и ходила с длинными золотистыми локонами до плеч. Маржан удивилась, что ей не мешают волосы, а потом поняла: она же ничего не делает, вот и не мешают ей волосы. Но особенно поразили Маржан ее глаза. Взгляд был какой-то открытый и удивленный, не пристальный, как у многих чеченцев, и взрослых, и детей, а прямой и удивленный, словно мир не был враждебным к чеченцам. В семье мужа Зейнаби было невиданное среди переселенных чеченцев благополучие. Они хорошо питались. В комнате, где Маржан предложили отдохнуть с дороги, прямо на полу в ряд стояли коробки с шоколадными конфетами, хорошо известными Маржан по игре в фантики: «Весна», «Василек», «Ласточка». Рядом стояла коробка с печеньем «Москва», которое она всегда ела в гостях у Марем, и ящик с лимонадом. Маржан впервые видела все эти сладости и лимонад в таком количестве. Из разговоров семьи Касаевых после ужина Маржан узнала, что дедушке удалось довести до места назначения все деньги, которые он накопил за свою долгую жизнь, а бабушка привезла с собой все фамильное золото, и их

² Выражение восхищения.

никто не обокрал, как мать Маржан в больнице. И Маржан подумала, что матери тоже не надо было брать с собой эти тяжелые серебряные вилки, ложки, ножи и все эти скатерти, все равно их стелют на полу, когда кушают, а взять только деньги и золотые вещи. А она и паласы взяла, которые у них дома на стене висят. И эти большие медные тазы. Зачем? Купили бы в Кызыл-Кия корыто и купались бы в нем, все равно пришлось же купить корыто, чтобы стирать в нем. Она попробовала по одной конфете и встала с кровати. Лежать больше не хотелось, и она вышла во двор.

Маржан пошла к морю. Море нисколько не поразило ее. Ни кораблей не было, ни лодок. Вода лизала песок и подходила прямо к ногам. Вода была стоячая, как в пруду. Никаких волн. Изредка прокатывалась легкая зыбь, и местами были круги. Маржан смочила ноги, окунулась, потом отошла подальше и смотрела на море. Высохла она мгновенно, снова окунулась, подсохла, постояла и пошла в дом Зейнаби. На вопрос, как море, она ответила, что ничего, покупалась. А про себя подумала, что в Кызыл-Кия в речке в два метра шириной и то лучше купаться. Они обычно брали наволочку, она раздувалась на ветру, положишь подбородок на раздутую наволочку и плывешь по течению. Течение речки быстрое, болтаешь ногами и держишься на плаву метров десять, потом встаешь на ноги – вода чуть выше пояса – и снова плывешь спокойно, зная, что не утонешь, потому что в любое время можно ногами опереться о дно. А в Аральском море до горизонта черная вода с непонятными кругами. Ее предупредили не плавать, потому что в море круговые воронки и можно утонуть. Маржан и так боялась моря, она знала, что оно страшно глубокое и не собиралась здесь учиться плавать. Когда она пришла с моря, ее снова отвели в комнату с конфетами отдохнуть на кровати, мягкой и широкой. Она опять полежала, попробовала по одной конфете и больше не хотела. В семье Касаевых ее всячески обхаживали и предупреждали, чтобы она даже не пыталась пойти к Тамаре. Лежа на мягкой постели и глядя на конфеты, которых больше не хотелось, она решила все-таки посмотреть, как живет Тамара, по которой так скучала Айна и так переживала, что ее никто не посещает. Маржан очень захотелось сходить «туда», хотя это было запрещено.

На следующий день Маржан сказала, что идет с утра на море, а сама пошла к тому белому двухэтажному дому, так похожему на дом бабушки в Сульфате. Как и бабушка, Тамара жила на втором этаже. Маржан поднялась по лестнице. Дверь квартиры оказалась открытой, и она увидела это с лестничной площадки между этажами. На лестничной площадке перед квартирой Тамары стояли дети, и Тамара раздавала им конфеты. Получив конфеты, они стрелой промчались вниз по лестнице. Увидев подходящую Маржан, Тамара радостно сверкнула взглядом и, широко улыбаясь, сказала: «Хьо ea?»³ Маржан кивнула и бросилась к ней. Тамара обняла ее и завела в квартиру. Она сказала, что дети только прибегают за конфетами, а так никто не приходит. У Тамары тоже, как у тех, у кого были государственные, жактовские квартиры, были две смежные комнаты. В первой комнате две кровати стояли углом у стола. Маржан очень понравилась это: все могли сидеть одновременно за столом. На кровати, прямо напротив входа, сидела свекровь Тамары, которая тоже радостно и тепло встретила Маржан. Она указала Маржан место на второй кровати. Маржан села не рядом со свекровью, а в конце кровати, ближе к входу, и это место стало ее постоянным. После обмена любезностями и вопросами о здоровье, о жизни родных и близких Маржан стала приглядываться к обстановке. Свекровь Тамары говорила по-чеченски чисто, как Айтула, и Маржан решила, что на них наговаривали, что Маймонт с сыном Ахмадом сюли – дагестанцы. Никакие они не сюли, решила Маржан. Муж Тамары, оказалось, был студентом и жил в Алма-Ате. Говорила Маймонт очень располагающе: спокойно, размеренно, но смотрела не испытующе, как тетя Зарган, а с любопытством, как бы изучая. Маржан сразу расположилась к Маймонт, ей нравились ее спокойная размеренная походка и манера говорить,

³ Ты пришла?

которой Маймонт словно успокаивала собеседника. Маржан сразу почувствовала себя как дома. Тамара принесла рыбу. «Усач, – сказала она. – У нас здесь только рыба и есть. Попробуй».

Тамара при свекрови не садилась, хотя мужа дома не было. Она положила длинную рыбину в тарелке на стол и почему-то сразу ушла в другую комнату. Маржан принялась за рыбу.

Усач, положенный перед Маржан Тамарой, был похож на сазана. Соль проступала сверху и тянулась полосами вдоль всей рыбины. Маржан сначала удивилась, что соль была везде и даже ее стряхивать надо было, а потом привыкла к этому и ей даже нравилось, что рыбина от соли была такой сухой. Она разламывала рыбу и отрывала тонкими слоями мякоть. Это было единственное угощение у Тамары, и Маржан оно очень нравилось. Она каждый день стала ходить к Тамаре, пока ей не напомнили, что этого нельзя делать, что никто из родственников не общается с ней даже теперь, когда у нее родился сын. И Маржан догадалась, почему Тамара все время находилась во второй комнате: там лежал ребенок. Маржан тянуло к Тамаре, к ее отверженной и самостоятельной натуре, да и родственники лишь отдавали дань традиции: они лишь напоминали Маржан, что к Тамаре ходить нельзя, но никто ее не ругал, как это бывало обычно, когда Маржан делала что-то недолжное, не важно, случайно или сознательно. Поэтому, несмотря на запреты, Маржан продолжала ходить к Тамаре.

Однажды, придя, как всегда, после моря к Тамаре, Маржан увидела ее сына Хаджи-Мурата. Он был маленький, но очень сильно кричал. Свекровь сидела, как всегда, невозмутимо на своем месте. Тамара посмотрела на Маржан и сказала: «У него ушко болит». Маржан подумала: «Такой маленький, а уже ухо болит, надо же, и ничего нельзя сделать».

– А скорую помощь вызывали?

– Да. Они прописали лекарство, сделали ему какой-то укол, но ничего не помогает. Что-то у него с ухом с рождения.

Мальш, наконец, успокоился и заснул. Тамара унесла его во вторую комнату. Маржан, как всегда, кромсала усача и ела понемногу, не спеша, как и положено у чеченцев кушать.

Маржан отвлеклась от своих мыслей, потому что неожиданно откуда-то с улицы раздались звуки музыки. Играл духовой оркестр. Но музыка была какая-то печальная. Как раз в это время Тамара вышла из своей комнаты.

– Что это? – спросила Маржан и посмотрела в сторону балкона, который был справа от Маймонт, у конца стены. Оттуда неслась музыка. – Что это за музыка?

– Это танцы в городском саду.

– А здесь есть сад? – спросила Маржан.

– Нет, это так называется. Просто обнесенная забором танцплощадка.

– Там нет песка?

– Есть, но танцплощадка на деревянном полу, поднятом на сваях, а забор высокий, чтобы ветер песком не занес.

– А что это за музыка? Какая-то печальная.

– «Плавно Амур свои волны несет, / Ветер сибирскую песню поет, песню поет», – пропела Тамара. – Песня называется «Амурские волны».

– Я не слышала такой песни. Я знаю «Варяг», «Учил Суворов» и другие, которые мы в школе поем и в лагере или в парке отдыха.

– В этом году это самая модная песня. Ее все время играют на танцах.

Маржан вдруг вспомнила, что она засиделась и быстро ушла. Ей досталось от родных в тот вечер, так как они знали, где она пропадала до вечера. Она обещала больше не ходить к Тамаре. На следующий день Маржан пошла к морю в 10 часов утра и увидела там девочку старше себя на два года. Маржан познакомилась с ней. Бешту была с чеченской улицы и знала, что к Зейнаби приехала племянница и ходит к Тамаре. И вот теперь они познакомилась. Маржан сидела на берегу в десяти метрах от кромки воды и наблюдала, как

плавала Бешту. Вдруг неожиданно поднялся ветер и на берег набежала волна, слизав сидящую на берегу Маржан, унеся ее в море метров на пятьдесят. Маржан от неожиданности растерялась, но тут же попыталась нащупать ногой дно, энергично работая руками, но нога почему-то провалилась, и она не могла плыть. Потом она почувствовала холод в ноге и судороги. Ногу тянуло вниз. «Воронка! Я попала в воронку!» – промелькнуло у нее в сознании. К счастью, она была в воронке лицом к берегу. Маржан пробовала вытянуть ногу из воронки. Поняв, что это невозможно, она пыталась позвать на помощь Бешту, но крик застрял у нее в горле. От ужаса сковало рот. Она подняла руку и стала отчаянно махать ею. Бешту плавала недалеко, но не видела отчаянных жестов Маржан. «Хоть бы Бешту повернулась», – подумала Маржан, отчаянно желая, чтобы Бешту развернулась и поплыла в ее сторону. Вдруг Бешту повернула голову, и Маржан замахала еще сильнее рукой. Бешту подплыла и схватила ее за руку, потом, резко дернув, она вытащила Маржан из воронки и поплыла к берегу, держа Маржан за руку. Маржан наглоталась соленой воды, несколько раз шла ко дну, но Бешту ее дергала и снова тащила к берегу. Доплыв до места, где можно было ступить на дно ногами, Бешту отпустила руку Маржан, и Маржан, покачиваясь, отплевываясь, с совершенно мокрой головой вышла на берег и отошла далеко от воды. Бешту принесла отловленную ею в море одежду. Маржан оделась и не знала, что делать. Она благодарила Бешту, говорила, что та спасла ее, а Бешту только сказала, что теперь их дружба навеки.

Всю дорогу к дому Зейнаби Маржан мысленно благодарила Бога за то, что он сохранил ей жизнь, послав в это утро Бешту к морю. Маржан удивлялась, какая Бешту добрая: спасла ей жизнь и считает это простым делом. Больше Маржан на море не пошла.

Распрощавшись с родными, сходяв в последний раз к Тамаре и к Бешту, она с матерью и братом Мусой уехала в Кызыл-Кия.

Глава VI

Первого сентября, когда Маржан пришла в школу, она узнала ужасную новость: их пионервожатая Бочхон покончила самоубийством – бросилась под поезд, потому что хотела учиться, а ее не пустили в восьмой класс, т.к. хотели выдать замуж за старика. Все в школе только и говорили: у них такой обычай, даже двенадцатилетних отдают за пожилых. Новость потрясла Маржан. Ей было жалко Бочхон. Такая была хорошая, умная, так помогла Маржан, а ей никто не помог. Маржан никак не могла смириться с такой нелепой смертью Бочхон. Какой ужас! Зачем она это сделала? Потерпела бы, привыкла бы, мы же все терпим трудности и живем и даже радуемся иногда. Бывают ведь и хорошие дни, и радость бывает. А что делать? Нельзя же, чтобы все давалось легко, тогда и радость ценить не будешь. Надо же терпеть: это Бог испытывает нас. А она покончила с собой. Это же грех. Разве можно самой такой вопрос решать: жить или не жить? Раз родилась, надо жить. Она должна была жить, раз Аллах дал ей жизнь. Она должна была жить, несмотря ни на что. Бог знает, что делает. Только Он дает жизнь и отнимает. Здесь ничего не поделаешь. Надо терпеть, что бы ни было. Отец наш сколько потерял родных: отца, мать, всех братьев, дядей и почти всех племянников, но он живет ради нас. Разве можно обижаться на Бога за то, что Он дал такую судьбу? Каждому своя судьба написана. Разве Бочхон этого не знала? Ведь она мусульманка была, а поступила, как безбожница. Бедная Бочхон! Какой ужас!.. Она в земле теперь лежит.

Когда линейка, на которой все шушукались и она узнала эту трагическую новость, кончилась, все пошли в класс. На этот раз Маржан посадили за второй партой третьего ряда с Ваней Анисимовым – белобрысым, веснушчатым русским мальчиком, тихим и спокойным. Пока Ирина Вячеславовна говорила что-то всем, Ванька все успел рассказать о себе Маржан. Он растет без отца, после четвертого класса его возьмут в Суворовское училище, и он станет, как

отец, военным. Он только и ждет момента, когда его возьмут в Суворовское училище. Там, он уверен, будет интересно учиться.

Маржан о себе ничего в ответ не сказала, потому что не знала, что говорить. У них, у чеченцев, все было по-другому и как это объяснить – она не знала. Поэтому она только слушала и радовалась, что ее отсадили от Козлова. Тот считал себя сильным, и ему все было нипочем. Родители его не приходили в школу, и он чувствовал себя самостоятельным человеком. А Анисимов такой правильный и хороший мальчик. И к тому же сидела она теперь близко от доски и от учительского стола и была уверена, что Анисимов не способен на подлость. Когда Анисимов замолчал, и Маржан, посмотрев на учительницу, обвела взглядом класс, она заметила в классе новую ученицу. Это была бледнолицая, с пышными кудрявыми волосами, девочка, с плотно сжатыми, небольшими, но довольно пухлыми губами и упорным взглядом серовато-голубых глаз из-под насупленных бровей. Девочка сидела в первом ряду за третьей партой и в упор смотрела на оглядывавшуюся Маржан. «Она так смотрит, потому что мы с Ванькой не слушали учительницу и, наверно, думает, что мы дружим», – успела подумать Маржан, а в это время Ирина Вячеславовна, обращаясь к классу, сказала:

– Дети, а у нас в классе новая ученица. Отличница. Знакомьтесь, Юлия Белоглазова.

Юля встала из-за парты и обернулась ко всему классу с тем же недовольным выражением лица и села. Несколько раз Маржан перехватывала на себе ее взгляд. «Почему она так смотрит на меня?» – думала Маржан и не могла понять интереса Юлии к себе. Когда же после уроков Юля подошла к Маржан и сказала: «Давай дружить», Маржан с радостью согласилась, потому что с Галкой Савинкиной они учились и в разных классах, и в разных сменах и виделись только по воскресеньям. Теперь, разговорившись с Юлией о школе, Маржан рассмотрела ее лучше. Самым примечательным во внешности Юлии были ее светло-рыжие волосы, густые и кудрявые. Теперь Маржан увидела, что волосы по бокам стягивались приколками, но локоны выбивались из-под них, и потому прическа казалась неряшливой, неаккуратной. У нее были слишком густые и кудрявые рыжие волосы, а лицо неширокое, узковатое, и потому волосы, словно вздыбленные, были как бы сами по себе и бросались в глаза. «Как же она их расчесывает?» – подумала Маржан. Подбородок, хотя и не широкий, был достаточно твердый и, как упорный взгляд Юлии, тоже говорил о решительном характере Юлии. Но когда Маржан пригляделась больше к Юлии, ей показалось, что лицо Юлии скорее выражало недовольство чем-то, а вовсе не решительность. Удивило Маржан и то, что это выражение недовольства почти не сходило с лица Юлии, разве что когда она разговаривала. После короткого знакомства и общего разговора о школе Юля сразу пригласила Маржан к себе домой позаниматься вместе. Они вышли за ворота школы, прошли вперед по тупику между Конным двором и бывшим домом Савинкиных, кабаньей мордой упиравшегося в Кирпичную улицу с часовой. Они обогнули дом Савинкиной слева и пошли вниз по улице за бывшим домом Савинкиных. Эта улица поворачивала направо на улицу «шишек», состоявшую из ряда беленых кирпичных корпусов на две семьи каждый.

Когда они через калитку вошли во двор торца первого белого корпуса улицы «шишек», оказалось, что все хозяйственные строения были справа от конца веранды, а слева был большой огород с водопроводным краном близко ко дворику. По правой стороне тянулись широкие грядки клубники до самого конца огорода под окнами фасадной стороны корпуса. Левая сторона рядом с двором пестрела ярко-красными маками с черными половинками лепестка внизу цветка и ближе к водопроводному крану несколькими рядами красных и желтых тюльпанов. Маки, ярко-красные, с тюльпанами, красными и желтыми, – вместе все это великолепие смотрелось как красивый ковер, как только кто-то входил во двор и бросал взгляд налево. Маржан удивило, что цветы занимали пол-огорода, в то время как у всех – у русских и узбеков – цветы лишь окаймляли двор, за которым были сад или огород. Квартира была пятикомнатная. Коридор упирался в гостиную, мебель

которой поразила Маржан своей торжественностью. Прямо у противоположной к двери стены стоял широкий кожаный диван с высокой задней спинкой, с продольной полочкой наверху для украшений и заканчивавшейся башенками со шпильками. В центре комнаты был стол, покрытый бежевой кружевной скатертью, вокруг – стулья с высокими резными деревянными спинками. На столе стояла высокая и узкая, с расширяющимися вверх стенками, синяя стеклянная ваза. У окна рядом с диваном высился книжный шкаф. Между диваном и шкафом стоял торшер с желтоватым абажуром. У стенки со стороны входной двери ближе к окну тянулся длинный полированный невысокий сервант, а на нем возвышалась высокая, сине-белая фарфоровая ваза. Над сервантом висела картина, увидев которую Маржан закрыла лицо. Заметив, что Маржан боится смотреть на полотно, Юля сказала:

– Это знаменитая картина «Последний день Помпеи».

– А почему там все раздетые?

– Землетрясение было ночью.

– Все равно. Я не хочу видеть это.

– Как хочешь. Пойдем в мою комнату.

Как только Юля показала Маржан квартиру и они ушли в детскую, пришла Екатерина Петровна, высокая светловолосая женщина, и пригласила девочек к обеду. На обед был борщ. Маржан вся сжалась от ужаса и прошептала, чуть дыша от стыда:

– Я не кушаю свинину. Нам нельзя, – оправдываясь, добавила она.

– А борщ не со свининой, – ответила бабушка. – Мне тоже нельзя, да и Инне Александровне, у нас желудки больные, а дедушка забыл само это слово. Бульон говяжий, деточка, не бойся. Мы едим только говядину и телятину. Борщ с говядиной.

– А что такое говядина? – спросила на всякий случай Маржан.

– Это коровье мясо. Разве вы не едите коровье мясо?

– Нет, мы едим баранину, кур, индюков. Просто у нас здесь нет коров, а там, на Кавказе, у нас были две коровы и у всех родственников были коровы.

– А мы привыкли к говядине, она более диетическая. Ты не бойся, деточка, у нас свинины не бывает, разве что ветчина, но мы тебе ее не будем давать.

После обеда подали клубнику, облитую, как показалось Маржан, сметаной. Это были сливки. Маржан не знала, что такое сливки, и удивлялась, что клубнику надо есть со сметаной, правда, жидкой. Разве ягоды не вкусны сами по себе? Но она ела, как все, и все равно подумала, что без сметаны было бы вкусней, потому что из-за сметаны она не чувствовала вкус ягоды и ее запах, но вслух она ничего не сказала. После обеда Юля и Маржан позанимались математикой и русским языком, и Маржан пошла домой.

Дома Маржан ждала еще одна новость: приехал дядя Ахмад, племянник отца. Дядя Ахмад вышел из тюрьмы и решил навестить родственников. Он был очень высокий, ширококостный, но не полный человек, с правильным прямоугольным овалом лица, но не с квадратным, а мягким, хотя и твердым подбородком. У дяди Ахмада были карие глаза, у его жены чистые голубые глаза, а у Йиситы темно-синие, как васильки, но смотрели они одинаково: испытующе или, точнее, недоверчиво. Дядя Ахмад предложил Маржан прогуляться с ним. Маржан удивилась, что ему интересно посмотреть город и с удовольствием согласилась, хотя думала, что ничего интересного у них в городе нет. Она быстро поела, и они вышли из дома. Дядя Ахмад держал ее за руку; он был в три раза выше ее, но это ее не смущало, а наоборот, придавало ей уверенности, что у нее такой большой и сильный родственник. Маржан было приятно, что она идет со своим дядей. Когда они вышли за калитку и поднялись на тротуар, Маржан спросила:

– Куда пойдем? Это Учкурганская улица или дорога. Если пойти вверх по Учкурганской, то, если прямо, там живут Зарган, Айтула, а если пойти направо по Кирпичной улице, дорога поворачивает на улицу «шишек», а улица «шишек» заворачивает направо и там Горный техникум и Марем.

– Пойдем на улицу «шишек», а к родственникам я схожу сам со старшими,

– сказал дядя Ахмад.

Они пошли вверх по Учкурганской улице, дошли до пересекающей ее Кирпичной улицы, и там, на перекрестке, увидели постового милиционера. При виде его дядя Ахмад остановился, выругался и добавил: «Сволочь еще такая».

– А что он сделал?

– Да ничего. Его-то я не знаю. Просто я не люблю милиционеров, – Маржан кивнула молча головой, и он продолжил, видя ее серьезность: – Мне милиционеры все подстроили, понимаешь? Я из-за них загремел. Ну ладно, пошли дальше.

Перекресток остался далеко позади, дядя Ахмад сказал:

– Хочешь узнать, как меня посадили? – Маржан кивнула головой. – В общем, когда ваш отец поехал к твоему дедушке за вами, ну, после фронта, понимаешь? – Маржан снова молча кивнула головой и он продолжил: – Мы остались одни без него. Было холодно, топить было нечем, а уголь был очень дорогой. Только война закончилась. И уголь привозили и отпускали только при твоем отце, он же директор был... Это случилось в субботу, у меня была вторая смена и на последнем уроке никого не было. А на переменке, когда я проходил мимо комнаты сторожа, дверь была открыта, и там был мешок с углем. Я подумал, что, если никого не будет и после урока, я возьму этот мешок и быстро отнесу домой. Что такое мешок угля, это же не золото. Уже было холодно по вечерам и рано темно. Я и подумал, что в темноте это легче будет сделать здесь в школе, чем идти на железную дорогу, где все воруют. Я отпустил детей пораньше. Никого в школе не было. И сторожа не было видно. Выглянул в коридор, никого: ни шороха, ни звука. Я взял мешок угля и пошел быстро из школы, но на дороге из школы меня поджидали вот эти сволочи-милиционеры. И с ними был сторож школы для опознания, хотя он не имел права ни на одну минуту оставлять без присмотра школу. Мне дали семь лет колонии общего режима. Уже думал, сидеть мне от звонка до звонка. Но из-за смерти этого усача меня выпустили на полгода раньше, амнистия была.

Маржан не поняла слово «амнистия», но «усач» ее заинтересовал больше.

– А кто этот «усач»?

– Усатый.

– Какой?

– Ну этот, что не знаешь? Который недавно умер. Отец народов. Грузин чертов или осетин, черт его знает. В колонии все про него только и говорили. Там такие умные люди сидели по двадцать лет ни за что ни про что, в тысячу раз умнее меня, профессора, а я что – простой школьный учитель. А что у вас не было траура в школе, почетного караула, как везде?

– А-а, Сталин?

– Тише, тише. Его имя нельзя произносить. Про него только там, в лагере, и говорили, потому что уже нечего было терять. Сволочь еще такая. Только обо всем этом ни-ни никому, понимаешь? Я им, старшим, это не скажу. Не поймут. Все боятся.

– Конечно, я ни-ни, никому.

– И забудь это, забудь все, что я сказал. Это опасно. Забудь.

– Хорошо. Я все равно все не запомню. А говорить не буду ни с кем. А знаешь, когда его хоронили, я опоздала в школу и навстречу уже со школы шла Мария, соседка, она гречанка, она так плакала, как будто умер ее родной дедушка. Волосы были распущены, и она царапала себе кофту на груди руками, так рыдала, на всю улицу было слышно.

– Притворялась, – перебил Маржан дядя Ахмад. – Греки его ненавидят, он их тоже выслал. Кругом доноски. Поэтому она вопила, притворялась.

– А я так удивилась. Я ей сказала: «Что ты так плачешь? Разве это твой родной дедушка умер?» А она сказала: «Он всех дедушка». И сразу перестала плакать, как только я с ней заговорила. А потом махнула на меня рукой и пошла, снова громко плача. Она еще так посмотрела на меня странно и опять заплакала.

Дядя Ахмад расхохотался. Они уже шли вдоль стены ФЗУ⁴, и дядя Ахмад вдруг спросил:

– А вот мы проходили мимо церкви. Она что, работает, такая маленькая?

– Это не церковь. Это была часовня, а теперь там трупы мертвых держат и там часто бывают люди и плачут и кричат, чтобы отдали им их родственника.

– А, морг, да?

– Да, аварии бывают часто, и шахтеры умирают. «Угорели в забое», – говорят тогда, и у часовни тогда бывают люди, чего-то требуют.

– И много гибнут?

– У-у, много. Мы часто туда бегаем, как услышим крики, плач – значит, авария была. Похороны часто бывают. И музыка бывает. Народу много бывает, как на Первое мая.

– А ты читаешь книги, наверно?

– Да, я очень люблю читать книжки.

– А это вредно. В книжках вранье все.

– И нет. Есть в книжках правда. Вот в «Трех мушкетерах» одна старая монахиня, так она один раз в жизни соврала и то, когда спасала госпожу Бонасье.

Дядя Ахмад снова расхохотался:

– Ни разу, говоришь, в жизни не соврала?

– Да, только в старости один раз.

– Да? – спросил дядя Ахмад и посмотрел на Маржан, смеясь.

– Да! – сказала горячо Маржан.

– Так она была дура, значит, за всех отдувалась. У этих христиан легкая религия. Отдельно существуют люди, которые за всех молятся и не грешат. А остальные – делай что хочешь. А ты? – вдруг обратился к Маржан дядя Ахмад.

– Ты как монахиня, да?

– Н-е-е-т, – протянула Маржан. – У меня не получилось. Я сорвалась.

Дядя Ахмад снова расхохотался от души:

– И как это было?

– Я слушала по радио передачу «Мурзилка», а там загадали три загадки, но для дошкольников, а я же школьница, – она посмотрела с тоской на дядю Ахмада. Он уже догадался и хотел расхохотаться, как обычно, но Маржан с той же грустной интонацией продолжила: – Я уже в третьем классе училась. Я написала, что мне только что исполнилось семь лет, и я все три загадки разгадала.

– Ну и что ответили из передачи?

– Письмо, наверное, не дошло. Так сказала Бочхон, бывшая пионервожатая. Она меня успокоила и сказала, что ничего не будет, что меня никуда не вызовут, что письмо и не дойдет никуда.

– Умная эта Бочхон. Она узбечка?

– Да, была очень хорошая и умная. Но она умерла, под поезд бросилась. Так жалко ее. Бочхон хотела учиться, а ее замуж хотели выдать за старика какого-то, вот и бросилась.

– А чего ты вдруг написала на радио? Прославиться хотела? Для нас это невозможно.

– Нет, я не прославиться хотела, а чтобы сказали: «Ребята, к нам прислали ответы на загадки. Первыми разгадали и написали... в общем, все были бы русские фамилии, а потом сказали бы: и Маржан Ахаева из Киргизии. Я, конечно, знаю, что я не одна угадала, там, наверно, много будет таких, но я так хотела, чтобы на весь Советский Союз прозвучала наша фамилия, только чтобы прозвучала фамилия и все. А то нам все нельзя, все у нас не так, как у всех. А тут вместе со всеми прозвучала бы наша фамилия, понимаешь?

– Да, – сказал он, весело глядя на Маржан. – А Бочхон тебя успокоила, да?

– Да. Но когда я прочитала в «Трех мушкетерах» про эту монахиню, мне

⁴ В Советском Союзе в 50-х годах было обязательное семилетнее образование.

ФЗУ – фабрично-заводское училище, как говорили тогда, ремесленное училище.

стало неприятно. Она всю жизнь прожила и ни разу не солгала, а я только до третьего класса вытерпела.

Дядя Ахмад сказал:

– Твое вранье – ерунда. По мелочам можно врать, иногда даже приходится врать, чтобы не расстроить человека. Нет, без мелкого вранья не проживешь. А вот там, наверху, – и он почему-то показал пальцем в сторону домов «шишек», – там врут по-крупному и так врут, что весь мир трясет. Вот как врут.

Начиная с поворота с Кирпичной улицы, тянулся ряд одноэтажных, но добротных беленых кирпичных корпусов с калитками в торцовых сторонах домов. Дядя Ахмад сразу остановился, как только они прошли мимо первого корпуса:

– Хорошие дома. Это что, на двух хозяев целый корпус, что ли?

– Не знаю.

– Но если на весь корпус всего два огорода, значит, и хозяев двое. Неплохо устроились «шишки». А сколько этих корпусов?

– Пять всего, а в квартирах по пять комнат и домработница есть.

– Они и профессорам дали по домработнице и деньги дают на книги. Мол, работайте, наукой занимайтесь, государству вы, мол, нужны. Для вранья. А учителей не кормят и не подкармливают деньгами для книг – учителя не нужны для государственного вранья. Профессора живут, как эти «шишки»: и домработницы у них есть, и госдачи, и такие же пятикомнатные квартиры, но не всех смогли купить. Половина сидит в лагерях. Ну, ладно, черт с ними, сволочи еще те. Дальше куда пойдем?

– А дальше улица «шишек» заворачивает на Центральную улицу, где техникум, и идет далеко-далеко к шахтерам, там демонстрации бывают, а пересекает ее наша Учкурганская улица. Если влево от перекрестка – чайхана прямо на мосту через арык стоит, под деревом, которое на берегу арыка.

– Чайхана – вот это дело. Туда пойдем.

– Но там кончается город, и на другой стороне дороги милицейский пост.

– Милиционеры чай пьют, да?

– Нет, на открытой чайхане на этом деревянном топчане всегда сидят старики-узбеки и пьют чай, а милиционеры стоят у дороги. Там кончается город. Мы там с Галкой Савинкиной ходили к ее бабушке. Она почему-то живет отдельно. Там, после чайханы и поста, ничего нет. Далеко, в пустом месте, одна улица, всего десяток домов, и там бабушка Галкина живет, мы к ней за яйцами ходили. Галка боялась идти одна и меня с собой брала. А там вороны, галки и пустые кочки. Вот как в русских сказках описывают, как богатыри шли и вышли в чисто поле, вот там так.

– Нет, раз там пост, чайхана отпадает. Дома попьем чай, пошли домой.

По дороге домой они зашли к Дардановым, к семье мужа Марем. Дома были только женщины. Мужчины были на работе. Выпили калмыцкий чай с молоком, со сливочным маслом и брынзой, но не соленой. Дядя Ахмад рассказал о том, как его семья, оставшись без защиты, когда отца Маржан сняли с работы, уехала в Токмак, к родственникам его матери, рассказал, как они живут там. Потом был обычный чай с печеньем. Маржан давно заметила, что Дардановы всегда держали печенья для гостей. Когда они вернулись домой, отец уже был дома. Они вместе сходили к Зарган, зашли к Айтуле, к Гиги и, получив разрешение НКВД, дядя Ахмад уехал. Из разговоров дяди Ахмада с матерью Маржан так и не поняла, учатся ли ее троюродные сестры Сацита и Йисита и как они там живут.

На следующей неделе Юля снова пригласила Маржан позаниматься вместе у нее дома. И Маржан стала часто бывать у Юли. Дети улицы «шишек», в отличие от Юли, не общались с детьми других улиц. Они играли на своей улице, чаще всего во дворе Нинки Барановой, квартира которой была напротив квартиры Юли, то есть в следующем доме, поэтому Маржан с Юлей проходили под взглядами детей «шишек», которые прекращали игру и смотрели им вслед, иногда даже что-то говорили Юле. Маржан не вникала в суть их разговоров, только видела, что Юля перед ними проходила, подняв высоко голову, несмотря на их укоряющие взгляды.

Мать Юли была третьим секретарем горкома партии. Красивая и строгая блондинка, похожая на артисток 40-х годов, Инна Александровна редко бывала днем дома. Своего отчима, приятного и интеллигентного брюнета, инженера по профессии, Юля не любила, точнее, ненавидела за то, что он вытеснил из жизни матери ее отца. Мать она любила и постоянно звонила ей на работу, ждала целыми днями, когда она придет с работы. И в городе она постоянно звонила матери по телефону. Так что Юля с Маржан часто носились по городу, выясняя, куда пошла или поехала мать Юли, как будто она не работала вовсе, а занималась неизвестно чем. Маржан не спрашивала Юлю ни о чем, видя ее болезненные переживания из-за отчима и из-за младшей сестренки Светочки. Ее трехлетнюю сводную сестренку Светочку, блондинку с карими глазами, она откровенно не любила. Юлю задевало, что над Светочкой все дрожали. Во дворе только и было слышно: «Юля, куда ты смотришь, Светочка у крана, она намочила ручки. Она простудится». Юля недовольно хмурила лоб и отвечала: «Ничего с ней не случится. Подумаешь, с водой поиграется – что здесь такого?»

Когда Маржан пришла к Юле во второй раз, она поняла, что Юлю привязало к ней какое-то особое чувство одиночества: казалось бы, она жила, как Маржан, в полной семье, и вокруг были дети «шишек», но она держалась от всех как-то обособленно и всегда была или сосредоточенная или насупленная. Со сверстниками своей среды она почти не общалась, и дети «шишек» обдавали ее презрением, когда она выходила из своей калитки и проходила мимо них, не играя в их игры.

Уже с сентября, несмотря на тепло, Юля начала носить чулки и платье с рукавами в три четверти. Маржан удивлялась, что у нее было простое штапельное платье в мелкий горошек, только выцветшее, как будто розовато-красного цвета. Маржан не спросила, почему она так рано надела чулки, почему у нее длинные рукава. Она видела, что Юлю что-то угнетает, но не решалась спросить, что. Но когда Маржан стала бывать в доме Юли каждый день, Юля посвятила ее во все свои горести. Как-то наигравшись, Юля предложила выкупаться и завела Маржан в ванную комнату. Юля показала свои локти и колени, они были покрыты болячками в виде белых известковых лепешечек. «Это псориаз», – сказала Юля. – Но ты не бойся, это не заразная болезнь. Много кальция в организме, мне на море надо. Но ты не бойся», – повторила она.

– А я и не боюсь, – сказала Маржан таким тоном, как будто она каждый день видела больных псориазом. Маржан сразу поняла, почему Юля сторонилась детей своего круга, она боялась, что дети придумают ей прозвище или будут дразнить. Брезгливая по натуре, Маржан лишь сделала вид, что болезнь Юли нисколько не испугала ее.

– Купайся, а я подожду, – сказала Маржан.

– Нет, ты сначала, – ответила Юля.

После купания, убедившись, что Маржан не боится ее болезни, Юля перестала сомневаться в верности Маржан и доверила ей все свои тайны, связанные с ее болезненной привязанностью к матери, из-за работы не уделявшей ей достаточно внимания, и ее ненависти к отчиму.

Они были неразлучны. С появлением Юли Маржан стала учиться еще лучше. Они часто бывали на огороде и, пока Юля занималась Светочкой, возившейся у крана, Маржан разглядывала цветы. Она никак не могла понять, зачем нужно было выращивать маки в огороде, ведь их столько растет за городом на полях. Вблизи маки поражали контрастом между ярко-красной частью лепестка и черной половинкой низа лепестка.

– Это нужно дедушке, – объяснила Юля. – Он уже десять лет прикован к постели и боли снимаются специальными уколами. Для этого мы выращиваем мак, сдаем его в аптеку, и нам делают лекарство для дедушки. Я, когда вырасту, выучусь на врача, чтобы дедушку вылечить. А ты кем будешь?

– Не знаю. Мне нравится читать книги, я люблю больше всего литературу.

Окончание следует.

Елена Сердюкова

Не ищи декорации фраз

***

Пролетела беспечная юность,
В окна смотрит тревожный рассвет,
И, увы! – как песчаная дюна,
Исчезает твой призрачный след.

Ты – то есть, то как будто и не был,
Вновь спешат вереницею дни.
В этот сон, в эту грустную небыль
Ты меня за собой не мани.

Не чаруй неразгаданной грустью
Обжигающих холодом глаз.
На глубокие, пыльные чувства
Ты способен ли, мидый, сейчас?

Боже, чувства – какая банальность!
Мне, наивной, и то невдомек:
Для тебя – это милая шалость.
Для меня – неизбежный урок.

Не тревожь мои сладкие грезы,
Равнодушьем меня не студи.
Может, чьи-то жемчужные слезы
Все ж растопят ледышку в груди.

***

Не ищи декорации фраз
На заброшенной сцене,
Не тревожь в забытьи обветшалай
Усталой кулисы.
Твой душевный порыв
Вряд ли будет достойно оценен,
Там, где сонно витает
Дурманящий запах мелиссы.

Я уйду, не простясь:
Без упреков, без слез и истерик.
Честно сыграна роль,
Неизбежен конец эпизода.
Мы не встретимся вновь –
В это трудно, но нужно поверить;
Компромисс невозможен.
Иного не будет исхода.

Будут плакать дожди.
Будет осень шуршать листопадом.
Вновь к любимой щеке
Я мечтаю, как прежде, прижаться.

Почему, расставаясь,
Идем обезлюдевшим садом,
И под ноги, шурша,
Пожелтевшие листья ложатся?..

***

Как далеки сегодня мы от идеала,
Как заурядны и просты
в своих мечтах!
Сегодня нам от жизни нужно
очень мало,

А где огонь в глазах?
Улыбка на устах?

Мы равнодушны и слепы
к печали близких.
Нет оправданья обленившейся душе.
Не лучшим качествам
воздвигли обелиски
И не пытаемся их развивать в себе.

Лишь иногда сквозь суматоху
серых будней
Я слышу голос – он тревожен и далек,
Мой путеводный знак,
мой заплутавший спутник,
Мой в темноте ночей
блеснувший огонек.

«Цени любовь, что изнутри
нас согревает.
Цени друзей, но не иди на поводу.
Пусть душу мыслей
чистота обогащает,
Иди на свет своей звезды, как я иду!»

Пусть иногда бывает путь
тернист и долог.
О сила неба! Помогите
пройти тот путь.
Манящей тайны приоткрой
тяжелый полог,
Позволь мне уловить
земных желаний суть.

Я не взропщу и не прерву
своих скитаний
По тесным улочкам земного бытия.
Я не прощу себе
беспочвенных мечтаний,
Пока призывно светит мне моя звезда!

Марем Нохчиева**Молитва**

Сегодня я на миг забыла о делах,
 Чтобы молитву вонзнести Тебе,
 Аллах,
 Перед Тобой покорно
 голову склоняя...
 Услышь меня!

Не для себя благоденствия прошу,
 А лишь для той, ради которой
 я дышу,
 Перед Тобой, Всевышний,
 голову склоняя...
 Услышь меня!

Пусть ее минует смертельная гроза
 И навсегда забудут боль ее глаза!
 Чтобы не гибли больше
 в пламени войны
 Ее сыны.

От пуль и «Града»
 им укрыться помоги!
 И ее землю, о Аллах, убереги
 От «ураганов»
 и от черной клеветы...
 Все можешь Ты!

Среди огня, среди бушующей воды,
 Нет, не меня! – ее храни Ты от беды.
 Когда царят на ней отчаянье и страх,
 Храни, Аллах!

Сегодня я на миг забыла о делах...
 Свою молитву вознеся к Тебе,
 Аллах, перед Тобой покорно
 голову склоняя,
 Храни, Аллах!

Пусть мир рассыплется
 на искорки огня,
 Но да поможет тебе Бог, моя Чечня!
 Дарует мир Тебе Всевышний и покой
 Своей рукой...

Чечения

Земля по камешку перебрана,
 Звериный воющий оскал...
 Какими генами передана
 Картина гор твоих и скал?

С бездонным небом неделимая
 И распростертая в мольбе,
 Тоска моя неутолимая,
 Меня зовущая к себе...

Холодных скал твоих мелодия,
 Как бесконечной драмы акт...
 Лишь волчьей ягоды соплодия
 Ветрам покачивают в такт.
 Аргун грохочет перекатами,
 Торчащий камень, как ребро...
 Пересыпается дукатами
 На водопадах серебро...

А за пределами сознания,
 С твоею смешано водой,
 По жилам нечто, без названия,
 Течет расплавленной рудой,

И устремляется в течении,
 Как будто к финишу бегун...
 А сердце тянется к Чечении,
 И рвется за реку Аргун.

Чеченская быль

Самолеты кружили над нами,
 Сея бомбы на каждую пядь.
 Но на крышах зеленое знамя
 Поднималось опять и опять.

И по этому знамени били,
 От захода к заходу идя.
 А небесные трубы трубили,
 О возмездии скором твердя.

Но в оглохших от боя мужчинах
 Жил один – разрушения – бес.
 Потому-то в железных машинах
 Не услышали голос небес.

Взрыв ракет, завыванье моторов...
 Купола парашюта раскрыв,
 Падал летчик на вздыбленный город,
 На разбитые пологи крыш...

«Вот и все...Отбомбился
 по целям...» –
 Мысль исчезла, мелькнув в голове.
 «Приземлился, хоть кажется целым,
 Только жаль, головы-то не две...»

А внизу – не кошмарная небыль,
И не сон, что рукою смахнуть...
Тот «летун», по иронии неба,
Очутился в чеченском плену.

Завывают снаряды надрывно,
Сердце сжало тугое кольцо.
И чеченец глядит безотрывно:
«Где-то видел я это лицо...»

Вдруг, как будто бы что вспоминая,
Он отцовское имя назвал.
И спросил, сигарету сминая:
«Не в Афгане отец воевал?»

Глаз от дыма прищуренных, узких,
Тот чеченец не сводит с лица.
Растерялся опешивший русский:
«А откуда ты знаешь отца?..»

«Там, где ветры горячие дули,
Там, где не было места двоим,
Поднимался он первым под пули,
Закрывая нас сердцем своим.

Под светилом, от копоти серым,
Там, где жизнь не ценилась и в грош,
Настоящим он был офицером.
Жаль, что ты на него не похож...»

Но тебя убивать я не буду,
В моей памяти прошлого нет.
Уходи, убирайся отсюда!
Федералы – вон в той стороне...»

Падал снег, и холодные звезды
Застывали на хмуром лице...
За спиной его стонущий Грозный
Задышался в смертельном кольце.

«Уходи! Твои русские рядом,
Скоро снова начнется обстрел...»
И умолк. Только
пристальным взглядом
В голубые глаза посмотрел.

Грозненцы

Мы возвращались. Пепельные лица.
Боев недогремевшая гроза...
И павшая чеченская столица
Смотрела в наши тусклые глаза.

Мы возвращались. Беженцы, не боле.
И грозненцы, не менее – других...
По городу, дрожащему от боли,
Мы делали несмелые шаги.

И видели жестокое смешенье
Заложников той дьявольской игры –
Дома, «перекрещенные» в мишени,
И кладбищами ставшие дворы.

Но возвращались. Бережно и тяжело
Неся печаль в истерзанной душе,
Порою подрываясь на «растяжках»,
Оставленных... не важно кем уже!

Горячими слезами омывали
Мы камни наших взорванных жилищ,
И Фениксом из пепла оживали
На месте догоревших пепелищ.

Неверие... сомнения... надежды...
Что это было – пир или чума?
Но саваны на белые одежды
Сменяли возрожденные дома.

Светлели наши сумрачные лица,
А мы твердили яростней и злей,
Что выжила чеченская столица!
Припала лишь, как раненый,
к земле...

По городу, дрожащему от боли,
Мы делали несмелые шаги...
Мы возвращались. Беженцы, не боле,
И – грозненцы! Не менее других.

Да возвысится имя твое...

*Город тени и мрака,
горя и слез...
(Слова из песни)*

Наконец-то становится былью
И реальностью жизни самой –
Ты окутан строительной пылью,
А не черного дыма чумой.

Наконец-то счастливые лица,
А не глаз безысходная мгла.
И как сказочно белая птица,
Ты свои распрямляешь крыла.

Злые годы тебя не убили
Недоказанной кем-то вины,
Полной мерой отмерены были
Тебе страшные версты войны.

И не снег падал ночью морозной,
Засыпая твои деревца –
Серый пепел, стучащийся грозно
В наши души и наши сердца.

...Время страшные раны залечит,
Боль утишит, вражду – отпоет.
Среди прочих имен и наречий
Да возвысится имя твое!

Чтобы силы и плоть оживали,
Чтобы памятью долгой скорбя,
Никогда больше не называли
Люди городом мрака тебя.

Пусть дождем осыпаются весны,
Но, любовь и надежду храня,
Мой ничем не замаранный Грозный,
Ты восстал из руин и огня.

Слову чести, достоинству верный,
Ты надежен был, словно стена.
Потому за тебя непомерной
Никакая не будет цена.

А когда время раны залечит,
Боль утешит, вражду отпоет,
Среди прочих имен и наречий
Да возвысится имя твое!

Чтобы силы и плоть оживали,
Чтобы памятью долгой скорбя,
Никогда больше не называли
Люди «городом мрака» тебя.

Если бы...

Работают строительные краны.
Асфальтовая улица чиста.
Упрятаны зияющие раны
Под профилем железного листа...

Свободный от насилия и страха,
Подхваченный ветрами перемен,
По воле милосердного Аллаха
Мой Город поднимается с колен.

Давно огонь пожарища потушен,
Гляжу с моста на темную волну...
О, если б так легко лечились души
Воочию увидевших войну!

Не знаешь ты ни времени, ни места,
Не слышишь ты последнего звонка,
Но прорывает (это-то известно!)
Там, где кора забвения тонка.

Где нет у края пропасти охраны.
Где рушатся непрочные мосты...
Где памяти зияющие раны
Не спрятали железные листы.

Разговор с Грозным

Утихнут шумные фанфары,
Сотрут с лица привычный грим
В ночи уснувшие фонтаны...
Давай с тобой поговорим.

Каким был день – удачным, нет ли?
А знаешь, мой – удачен был...
Мы на мгновение замедлим
Движенье встречное судьбы.

Сбылись ли заданные планы,
Дождался ль ты своих гостей?
...Куда-то медленно и плавно
Уходит время новостей...

Мы остановимся, друг другу
В глаза усталые взглянув.
Ты мне свою протянешь руку,
Дерев ладони протянув.

О, как легки прикосновенья,
Как ненавязчиво нежны!..
И в эти самые мгновенья
Слова двум душам не нужны.

Они сольются голосами...
Твои я стены обниму.
И силой, данной небесами,
Тебя у горя отниму.

Тауз Исс

Украденная родина

Главы из романа

Книга вторая

Гора

Часть первая

Чахкири

1. Секрет Гадаможа

Спектакль, разыгранный Гадаможем в ту памятную для Анси ночь, был началом коварного плана, в результате которого Анси устранялся и достигалась цель, до которой осталось рукой подать, но прежде чем устранить противника, Гадаможу надо было хитростью, с его помощью (о чем доверчивый Анси и не догадается), достичь фантастических богатств, а затем, лишив его света, убрать. Дело в том, что богатства эти, недостижимые для Гадаможа, таились в родных горах Анси и могли открыться только тому, кто был наделен светом. В детстве Анси много раз слышал от стариков о том, что под одной из гор, именуемой в народе Горой восхода солнца, таятся несметные сокровища, при этом каждый рассказчик добавлял: сказано, если бы люди знали, что таится под этой горой, то они передрались бы из-за желания обладать этими богатствами. Анси эти рассказы казались сказками и только, повзрослев и вспоминая их, он иногда придавал им значение едва возможной реальности, но потом опять брала верх привычная с детства мысль о том, что это сказки. Гадамож, живший в этих горах в далекие времена, выведал о сокровищах и ждал своего часа, и еще – он всегда помнил, что старейшины принявшего их народа рассказывали, будто из-за этих сокровищ разгорится борьба, которая перерастет в битву между светом и тьмой и произойдет это, как они говорили, в «последнее время». Гадамож понимал, что «последнее время» наступило, и поэтому торопился, не зная, как долго оно продлится, торопился стать хозяином невиданных, неслыханных сокровищ, а затем и хозяином «шарика», как он любил говорить. Ни одна душа не знала этот секрет Гадаможа, а то, что сокровища эти откроются только Анси, наделенному светом, Гадамож знал также из далеких рассказов стариков. Он долго искал его и все никак не мог найти, и только случай помог ему напасть на его след, а потом и разыскать. Теперь, после личного знакомства, ему предстояло сначала использовать Анси в своих целях, а затем сделать все что угодно, чтобы, запятнав, лишить его света и... ликвидировать... иначе он встанет на его дороге к власти над миром. Задачи были не из простых, но ведь и не такие приходилось решать и все удавалось: деньги, плюс женщины, плюс «нектар», как он именовал вино, а где надо, и хорошо отлитая пуля, ха-ха-ха-ха... или умная ложь хи-хи-хи-хи... Да... все удавалось при помощи этих проверенных «инструментов», но этот «фрукт» не пьет, не курит, деньги его не интересуют вовсе, да и женщины, кажется, не больше, однолюб... остается... остается... маловато, но все это потом, потом, вначале же надо добыть с его помощью сокровища, ведь только после того, как я заполучу их, я могу, по предсказанию,

стать властелином мира, но как... как сделать так, чтобы сокровища открылись с его помощью и чтобы он при этом не знал... да... задача...

Задача, действительно, была не из простых, и только сатана, с которым Гадамож давно был в тесном союзе, мог подсказать ему, как быть дальше. Уж он-то, наверняка, знает, как провести эту операцию, чтобы и комар носа не подточил. Так-так-так... стоп... кажется, я и сам придумал, что надо сделать... как же это я раньше не догадался... ну, конечно, надо в душевной беседе внушить ему, что это делается ради народа, ведь он клонет на это, конечно, клонет, можно еще как-то косвенно подогреть это дело и со стороны, мол, миссия... ну и так далее... словом, сделать так, чтобы он сам отдал эти сокровища в мои руки. Чудно! Теперь осталось разработать этот план в тончайших деталях и можно приступать к осуществлению. На все про все уйдут недели две в подготовке и... назначим дату и время. «Жус, Жус пиккержус!» – проговорил он быстро. Гадамож говорил эту приговорку в особых случаях, чтоб не сглазить. Итак, теоретически все было готово. Осталось приступить к исполнению. Гадамож ликовал, будто сокровища уже были у него, настолько безупречным казался ему данный план, так внезапно осенивший его в столь затруднительную для него минуту. Видимо, сам сатана пришел ему на помощь, внушив этот простой и гениальный ход. Мысленно он возблагодарил своего покровителя за оперативную помощь в столь многотрудном деле достижения поставленной цели. Так бывало уже не раз в их кровном, проверенном веками союзе. Победа была близка!

2. Зима

Тихо спускались снежинки в черно-белый мир. До снега, всю ночь, шел ливень, а с вечера следующего дня робко полетели первые снежинки. И вот снег идет, медленно заволакивая прихваченную легким морозцем черную землю в белый первозданный цвет. Так же, как и снежинки в синем вечернем мире, в голове у Анси роилось множество мыслей, воспоминаний, надежд. Он вспоминал один из вечеров, в середине зимы, когда в белом с поземкой мире, в сумерках, вместе с густым снегом над городом, еще не оправившимся от войны, кружились несметные полчища воронья, затмив собой небо и снег, и синие сумерки. Они шли и шли беззвучно, в пике, едва не касаясь людей, кружа над ними, размахивая огромными черными крыльями, и виднелись их когти и большие клювы. Они пришли вслед за войной и теперь слетались в победном шествии, водружаясь в сердце города, на обгрызенных войной деревьях, будто обгоревшие плоды выращенного войной сада. И странно, эта картина наподобие видения воспринималась одновременно как некая закономерная данность и жуткая действительность. Это было... это уже было... свершалось... шло во времени... и запечатлевалось... как в некоем потоке... кинематографе... сне... И проснуться можно было лишь в другую жизнь, в тишину, мир, вечность... Весь мир лежал в руинах и черных садах под распластанными крыльями стервятников...

...Ранним утром сельская молодежь и ребятня вместе с ними идут за черемшой в горы. Хрустальная зимняя река видна до дна, и от нее слегка парит по краям. Утренний мороз щиплет за уши и пытается залезть за воротник. В черемшиный поход идут, весело переключаясь и перебрасываясь шутками. Анси идет по черемшу впервые. По рассказам он знает, что каждый росток черемши надо выкапывать из-под снега и срезать ножом. Дорога пошла на подъем и

теперь приходится идти медленно через сугробы и валежник. Наконец дошли до черемшиного места, где кое-где на солнцепеке она виднелась, пробившаяся сквозь протаявший снег. Понемногу все разбрелись среди чинарово-букового леса, разбившись на группки, пары и по одному. У Анси к вечеру набралось не очень густо. Некоторые, с опытом и повзрослее, набрали по мешку. Пора было собираться домой. Перекликались, звали друг друга, готовились. И в это время все потемнело и повалил необыкновенно крупный, густой снег, гул стоял такой, будто небо рушилось вместе со снегом. Такое в горах случалось не часто. Главное сейчас было спуститься с горы, а там равнина и до села не так уж и далеко. Старшие в группе собрали всех и, встав впереди и сзади колонны, повели группу. Снег чуть ослаб, а затем начался с новой силой. Идти становилось все труднее, некоторые увязали в снегу, выбившись из сил, но продолжали идти, подбадриваемые старшими. Кое-как дошли до последнего самого крутого спуска, откуда обычно спускались играючи, словно на катке, положив мешки с черемшой на ветви, а сами сверху. Снег опять ослаб, как бы жалая их, и они довольно быстро спустились вниз и передохнули, после чего снег пошел стеной в сгущающихся сумерках. Снова тронулись в путь и теперь почти наугад. Быстро наступила непроглядная ночь, идти приходилось вслепую. После бесконечно долгой дороги среди тьмы и снега, когда они давно должны были выйти на околицу села, пришли к подножию горы. Старшие посоветовались и повели валяющуюся с ног группу в противоположную от горы сторону и через время снова пришли к горе. Вконец уставшие, сгрудились и, не зная, что делать, молча смотрели друг на друга. В это время невдалеке прозвучал выстрел, а затем послышались крики. Все наперебой закричали в ответ и пошли гурьбой туда, откуда прозвучал выстрел. Неожиданно снег расступился, перестал идти, показалась луна и чистое небо, как в сказке. Оказывается, их искали и, к счастью, нашли. Вскоре засверкали сельские огни, запахло дымом, и искавшие и заблудившиеся шли вместе, весело переговариваясь. Анси, как и все, был счастлив. И родное село в эти радостные мгновения было еще желаннее, уютнее и красивее. И первая черемша Анси пахла так вкусно в теплом доме у печки, у которой, как всегда, хлопотала мать.

Оба эти воспоминания, недавнее и детское, столь противоположные по смыслу и содержанию, почему-то пришли в этот городской зимний вечер. Сегодняшний снег был тихий и немного печальный и все же красил мир белым. Мысли Анси невольно остановились на Гадаможе и их странном знакомстве среди ночи. Для чего он пригласил его к себе в такую пору? Наверняка не для знакомства, точнее не только для знакомства и, конечно, не для сотрудничества в его СМИ, и совсем не о народе он печется, уж это точно. Тогда для чего ему, всесильному магнату, знакомство с ним? Ведь он и пальцем не пошевелит, если речь идет не о его интересах. Совершенно очевидно, что он хочет другое, гораздо большее, чем расписывал в льстивых словах. Разгадать его планы сейчас сложно, но со временем какие-то детали он вынужден будет вольно или невольно обнажить, и тогда можно предугадать его план, не весь, но хотя бы контуры, и станет ясно, что за этим кроется. Вот и зима пришла опять... все в этом мире – утраченное время...

3. Слово

Чеченская философия традиционно не пыталась решать проблемы экзистенциального характера. В ней преобладали задачи духовного,

метафизического порядка, причем это делалось, совмещая повседневное с бытийным, с понимаем, что все взаимозависимо и взаимосвязано. Так, в чеченском языке есть основополагающие понятия «Дош ду» и «Дош дац», означающие «Слово есть» и «Слова нет». Эти понятия употребляются не только в духовном значении, но и применительно к практике человеческой деятельности. Если то, что делается человеком или обществом, определяется кратким «Слово есть», с вложенным в это духовным смыслом, кроющимся за жизнью человека и общества, значит, данное соответствует нравственному идеалу народа, и наоборот, дело или поступок характеризуются как «Слова нет» – значит, это противоречит нравственному идеалу народа. При этом отсутствовали развернутые теории, школы, течения, потому что в них не было необходимости. Все решалось на практике, и определения его качеству давала коллективная народная мысль, повседневно регулирующая общественную жизнь. Природа языка и природа общественной деятельности были тесно взаимообусловлены, и живое слово отображало и несло в себе весь спектр жизнедеятельности, миропонимания и философии народа. В эти краткие и емкие определения «Слово есть» и «Слова нет» народ вкладывал фундаментальное понимание Слова как такового, коим, согласно Священным писаниям, сотворился мир, и потому мерилom всего является первичное Слово, качественно определяющее материальный мир. Материальные ценности, поступки, дела и деяния, жизнь человека и общества взвешивались единым Словом, которое имело место «быть» или «не быть» в том или ином случае.

Колонизация и предшествовавшая ей изнурительно долгая война, революция, репрессии, ссылка, две последние войны и коммерциализация общества существенно деформировали сознание народа. Процесс утраты основополагающих ценностей, когда слово и дело не соответствуют и, более того, идут вразрез друг с другом, принял в современности характер мирового масштаба. Если дать этому губительному процессу чеченское определение, то мы живем во времени, когда «Слова нет», оно перестало «быть», то есть попросту слово для людей утратило ценность и смысл, а вслед за этим наступил всеобщий хаос. В чеченском обществе, где все измерялось словом, этот процесс, в сравнении с прошлым, принял угрожающий характер. Можно сказать, что для человечества в целом наступил своего рода период обратного действия, если соизмерять сегодняшние реалии с днем сотворения мира Божественным словом, то есть идет нарастающий обратный процесс обесценивания слова, и это настораживает, если не сказать больше. Распад материального мира может начаться (если уже не начался) именно с «нарушения», «разрушения» слова, как опять-таки говорят в народе. Краеугольные философские понятия и определения еще живы в языке и сознании народа, но почти исключены из практики. «Разрушение» слова влекло за собой стыд и общественное порицание, надо было быть «отцом» своего слова. Существовала целая система, при которой исключалось небрежение к слову. Народ глубоко понимал и осознавал значение и взаимосвязь мира духовного, связанного через слово с миром материальным. Это было чуткое, тонкое знание законов мироздания.

Анси, в силу того, что полем его деятельности был мир образов и слов, часто задумывался над этим и о том, что происходило вокруг, в бурно меняющемся мире, где появлялись новые слова, среди которых было много мусора, и в целом этот процесс нес в себе технократический словарь, но не живое человеческое слово, разгадывающее вечную тайну: человека и его душу. Более того, происходящее явно пренебрегало живым словом, упиваясь языком машин.

Шел далеко не безобидный и, более того, опасный в своих непредсказуемо возможных последствиях двойной процесс: утрата человеком слова, ведущее к явному хаосу сознания и возникновению языка неких биороботов. Цивилизация впала в очевидное забвение, забыв о человеке и слове. Рождался псевдозык, которому будет достаточно пару сотен словоподобных нововведений, чтобы окончательно утратить живое человеческое слово. И не дай Бог, наступит некое пластмассово-целлофановое царство, где все будет искусственно: и слова, и чувства, и мысли, и язык. И «слово перестанет быть?..» И утратится, прервется связь миров и...

4. Передел Сада

После «Великой чеченской сентябрьской бархатной демократической революции» начался повсеместный передел. Комиссары революции, в радостном запале объявляющие, что они на прямой связи с Вавилоном, начали революционный беспредел. В своем победном шествии революция добралась до Ирзо и Сада. Делить Сад, собственно, не было необходимости, надо было просто-напросто вернуть бывшим хозяевам свое, но революция решила по-другому. Весь лагерь подлежал разделу. Делили наобум, вкривь и вкось, шумной толпой, время от времени произнося революционные речи, заученные в коммунистическую бытность. Каждый новый владелец части Сада начинал стрелять в воздух, салютуя революционному шествию. К вечеру постаревший Сад был разбит на мелкие квадратики, обнесенные заржавелой лагерьной колючкой. В честь этого события состоялся революционный салют из всех видов оружия. Бывший наперсточник с революционной кличкой Неумный, руководивший переделом Сада, сказал длинную малопонятную речь, запутавшись в которой выхватил пистолет и начал стрелять в воздух, выкрикивая «Долой!» и «Да здравствует!». Сад, село, люди, время... все разделилось.

Революция шагала по стране, раскалывая народ, вершилась неслыханная трагедия, ломались тысячелетние устои, выдержавшие не одно испытание, рушилось единство народа, рвались кровные узы. Анси почему-то было жаль тот лагерьный Сад, разъятый на десятки кусков, хотя, казалось бы, наконец, свершилась справедливость. Ему было также жаль и футбольное поле, но почему-то восстановленная справедливость не объединила сельчан, а наоборот, разъединила. Было непонятно творящееся вокруг, некий массовый психоз охватил абсолютное большинство, менял людей до неузнаваемости. Писалась самая непредвиденная, черная страница в истории народа.

Сад тем временем медленно умирал, ломаясь под тяжестью снега, от гроз ветров и бурь, а оставшееся добило войны. Анси вспоминал летний плодоносящий Сад детства, куда через все преграды и запреты они, ватаги сельских мальчишек, проходили крадучись лакомиться, не зная, что эти плоды останутся навсегда самыми вкусными в их жизни и этот Сад останется самым заветным, желанным и красивым в их памяти.

...Залитый летним светом, весь пропахший ароматом разных плодов, звенящий певчими голосами птиц, разноцветный, бликующий, полуденный Сад... Сад, в котором навсегда осталось детство, напоенное Светом и Небом. Сад, живущий в каждом из тех, кто вкусил от него, Сад, пестовавший неизбывной любовью детство всех вернувшихся живыми из белой травы изгнания мальчишек. Сад, подаривший счастье. Вот и сегодня, сейчас, он стоит перед глазами Анси, как

Эдем из далекого детства, откуда все уходят... уходят... чтобы всегда помнить. И пусть Сад разделили, пусть канул он во времени, он всегда будет такой же, полный Света и плодов, Сад детства.

5. Уча

Уча был двенадцатым ребенком и единственным оставшимся в живых после того, как всю семью скошил тиф в первые месяцы ссылки. Еле живого мальчика взял к себе и выходил дядя по матери. Уча помнил, как в те годы его все время преследовало чувство неутоленного голода и он всегда хотел есть. Жена дяди, видя его вечно голодные глаза и худобу, совала ему незаметно от своих детей краюху хлеба и вытирала при этом, отвернувшись, набежавшие слезы. Он рос смышленным мальчиком. В школу не пошел: не в чем было ходить. С девяти лет стал для дяди помощником, а в двенадцать уже мог работать самостоятельно. У дяди были четыре дочери мал мала меньше, и только пятым родился мальчик, к которому Уча был очень привязан. Рассказы взрослых о Кавказе будоражили в нем детские мечты и память, хранившую смутные воспоминания о далекой Родине. Одна из картин помнилась отчетливо. Теплый осенний день в горах. Отец с матерью и вся большая семья в поле, на уборке кукурузы, и он, самый младший, тоже. Они вместе со старшей сестрой бегают по залитому осенним светом золотому полю в желтых кукурузных листьях. Отец с матерью смеются, мать вяжет кукурузные снопы, а початки лежат горой, сверкая на солнце. Вот эта картина – сверкающая гора кукурузы и смеющиеся родители – врезалась в память и стала его частым сном, и, просыпаясь среди ночи, он долго лежал с открытыми глазами, вспоминая то счастливое время, тот счастливый осенний день.

Ему было пятнадцать лет, когда дядя внезапно занемог и умер. Он остался за кормильца, рядом был подросший девятилетний двоюродный брат, но Уча хотел, чтобы он учился. Учился брат жадно, обладая великолепной памятью, и в работе помогал с рвением в свободное от учебы время. Сестры подросли и вместе с матерью души не чаяли в Уче. Он никогда ничего не предпринимал, не посоветовавшись с овдовевшей женой дяди, заменившей ему мать. Председатель колхоза, видя, как трудно семье и особенно еще не окрепшему пареньку, и помня, что умерший был лучшим работником колхоза, взял его к себе кучером и старался чем мог помочь им: бывало, где картошку или пшеницу выпишет, и радостный Уча везет домой. Через пару весен наступило счастливое время, когда все стали ждать скорого возвращения домой. Перед отъездом Уча сходил на могилы родителей, братьев, сестер, дяди и долго стоял, думая, что, может быть, прощается навсегда, и слезы текли, унимая хоть немного боль. На второй день, распрощавшись с друзьями, соседями и председателем, упрашивавшим их остаться, они тронулись в путь. В дороге он еще чаще вспоминал то самое поле, что снилось ему, и хотел увидеть его. Он сразу узнал его, поле его детства, но теперь он был один, и он рассказал полю о тех, кто навеки остался лежать в далекой степи. Поле слушало его и молчало, как будто знало все, ведь те, кто знают, молчат.

Он начал работать на выдавшем виды грузовичке и часто ездил мимо поля и всегда сигналил ему, как старому другу. Он решил, что выучит брата, даст ему окончить институт и только потом женится. Сестры, одна за другой, повыходили замуж. Брат окончил школу, поступил в институт, в котором тоже учился хорошо и получал повышенную стипендию. Мать не могла нарадоваться

успехам сына и доброте, хозяйственности и сметливости Учи. Настало время, когда брат, окончив институт, вернулся в родное село преподавать историю. Это было самым радостным событием для Учи. Он гордился успехами брата и, посоветовавшись с не менее чем Уча гордой за сына матерью, решил женить брата. Так и получилось. Свадьбу сыграли так, что всем запомнилась. А свою судьбу он встретил совершенно неожиданно. Однажды он ехал мимо своего поля и, как обычно, замедлив ход, просигналил, в это время со стороны поля показалась девичья фигура. Она шла впереди, а за ней девчонки, идущие с прополки. Уча удивился, как он до сих пор не заметил такую красавицу, и решил в ближайшие дни познакомиться с ней. Сноха, по его поручению, все быстро разузнала. Звали избранницу Учи Зара, они не так давно вернулись из ссылки, и она старшая в семье. Все решилось в течение недели-двух. Сыграли веселую свадьбу на славу. Уча решил после женитьбы вернуться в отцовский дом и начал его ремонтировать. Через год с мальчиком-первенцем они переехали в него. Жили они счастливо, дружно, и семья разрасталась, и стало у них двенадцать детей, семь мальчиков и пять девочек. Уча все собирался поехать туда, в степь, к оставшимся могилам и в конце концов, оставив все дела, поехал. Еле нашел заросшие могилы родных. Целый день пробыл на кладбище, чистил могилы, рассказывал свою жизнь, и крупные слезы шли опять, унимая боль. И вспомнилась вся жизнь в ссылке. Через несколько дней он возвращался, на сердце было тяжело.

Дети росли, радуя и огорчая. Уча достраивал, перестраивал дом, пока не получилось так, как он хотел. Вместе с семьей и домом рос и сад, разбитый им, как только дом освободили переселенцы. Он мечтал дать всем высшее образование, и дети тянулись к знаниям, учились хорошо. В летнюю пору, после работы, возвращаясь домой, как правило, ночью, Уча любил отдыхать в саду и часто спать тоже оставался здесь. Подолгу глядя в звездное небо, он не переставал удивляться, как крохотен человек и его жизнь и как огромен Божий мир. Годы сменяли годы и весны зимы. Старший сын учился в университете на третьем курсе, когда началась первая война. Через месяц с лишним семья Учи погибла от прямого попадания бомбы. Уча с младшим сыном случайно остались живы, уйдя в этот день на поиски затерявшихся овец. Они вернулись, и там, где стоял дом, зияла огромная воронка, а вокруг нее валялась груда щепок. Уча стоял молча, удивляясь, почему сердце его не разорвется, рядом остался теперь уже единственный сын, у которого слезы залили все лицо и иногда прорывались рыдания...

Жена часто снится ему молодой, красивой, идущей с поля, как в день их встречи, а позади нее сверкает та самая гора кукурузы из его детства, а Зара все идет и идет к нему целую вечность, сверкающая гора отдалается, и вот жена приближается к нему, они совсем рядом... она силится что-то сказать... и не может... и он всегда просыпается в этом месте и снова удивляется, как он до сих пор жив. Сына он женил в перерыве между двумя войнами, и первой родилась девочка, названная Зарой, как две капли воды похожая на погибшую бабушку. Потом пошли мальчики один красивее другого, один из которых, как говорили все, вылитый Уча. Как только начались дагестанские события, он, поняв, что это начало второй войны, и решив не рисковать, вывез внуков в далекую степь, бывшую некогда ссыльным местом, а теперь приютом. «Странная она, жизнь, – думал он, снова стоя у могил родных, – разве мог я помыслить, что через столько лет вернусь сюда с внуками», – и слез уже не было. Сухое лицо казалось высеченным из камня, и ветер, узнавая его, обнимал с головы до пят.

Через несколько лет они вернулись на Родину. К домику, построенному наспех, он пристроил две комнаты, и получился достаточно вместимый дом для всей их семьи из пяти человек. Лежа в ночном саду и глядя в ночное небо, ему начинало казаться, что и человек так же огромен, как это звездное небо, раз оно вмещается в него, и не только небо, но и столько событий вместилось, в человека, и он жив и снова гадает над таинством мира, пытается постичь себя и жизнь. Нет, никогда не дойти, не прозреть на этой грешной земле до истины, и никогда не понять таинств жизни... И только во Всевышнем успокоение и смысл. Вон звезда полетела... еще... еще... Уча засыпал под градом звезд, и опять снилась Зара, идущая к нему... порываясь что-то сказать...

6. Всадник

Всадник, не видимый никем, появлялся на далеких холмах и в легком парении проплывал вокруг города, лежащего внизу. Или же, спешившись, подолгу стоял, глядя, как город, встающий из пепла и пустот снова, вырастает в пространство, цепляясь за каждую пядь. Город виделся им так, словно был у него на ладони. Он вспоминал то время, когда на месте города цвели аулы, сожженные пришельцами. Земля меняется, слабеет, нет той мощи, силы, шедшей от нее в былые времена. Особенно изменились люди, с болезненными лицами, суетливыми глазами, едущие на быстрых бездушных существах. Они постепенно утрачивают связь с землей и вот-вот разучатся даже ходить. Не так давно над городом чадило много труб, после войн их не стало, и воздух и вода в реке стали чище. Там, где сейчас базар, было место состязаний витязей. На этой площади происходили ристалища, и ежегодные церемонии посвящения в рыцари, и каждый, кому исполнялось пятнадцать лет, запоминал этот день на всю жизнь. Юношам, вступающим в круг мужей, дарили коней и полные рыцарские облачения с убранными серебром геральдическими поясами и обоюдоострыми кинжалами, означавшие необходимое отныне умение равномерно совмещать в себе и духовные и материальные качества, в высокой чести служения отечеству и народу. Поверх города, в далекой дымке, виднелись белоснежные вершины и Белая гора, место сегодняшнего сбора, а с другой стороны от холмов резал равнину спокойный и задумчивый после теснин Терек. У далекого изножья гор, на берегу быстрого Аргуна, некогда стоял белобашенный град Чахкири, а вокруг росли девственные, непроходимые леса-сады. В колониальную войну город был сожжен и разрушен пришлыми, леса вырублены. Чахкири был стратегическим узлом в оборонительной системе и духовным центром страны. От белобашенного Чахкири до Белой горы было три дня пути, на протяжении которого шла основная оборонительная линия, усеянная белыми башнями. Между Белой горой и Чахкири существовала также незримая духовная связь. Она незаметно утратилась по мере преобладания материального над духовным. Белая гора называлась в народе еще Светоносная за ее особенно яркое сверкание. Вот и сейчас она виднеется высокая и по-особому яркая. Время рушит города, стирает из человеческой памяти бывшее, а она стоит, как стояла. Всадник, засмотревшись на далекую горную панораму, постоял еще минуту, перевел взгляд на город и сам себе сказал: «Пора!» Он извлек из-под плаща тонкий, узкий рог и три раза протрубил весть о сборе. Она прозвучала от моря до моря, слышимая теми, кто мог ее слышать, и неслышимая теми, кто не мог. Белый крылатый конь в золотистых звездах перебирал в нетерпении тонкими ногами. Всадник легко сел, и конь плавно понес его с холма на холм

и начал подниматься над ними. Поднявшись и отдаляясь в полете, они стали похожи на тонкое белое облачко, летящее над разбегающимся в суете в разные стороны городом к Белой горе. Через полчаса они приземлились у подножья Белой горы.

Сегодня здесь, как повелось издревле, был ежегодный сбор белых рыцарей Пути. Всадник отпустил коня и длинно протрубил один раз. Белая Гора вздымалась, блистая над изумрудной долиной, в середине которой в окружении высоких девственных лесов рос прекрасный благоухающий сад, и в нем, в широком кругу, стояли белокаменные ложа. Невдалеке били хрустальные нарзаны. Всадник слышал звуки отозвавшихся рогов, доносившиеся отовсюду. Вскоре долина заполнилась слетевшими тысячью рыцарями. Они радостно приветствовали друг друга, обнимаясь сердцем к сердцу. Долина гудела говором и ржанием. Затем, отпустив коней, по знаку всадника все стали рассаживаться, и, когда расселись, образовался белый, мягко отливающийся серебром круг. Первое слово по традиции взял старейший белобородый рыцарь Джирджис: «Во имя Всевышнего! Слава Ему, что позволил нам вновь собраться на священной земле Кавказа в добром здравии в наш нерасторжимый единый круг! – начал он не спеша, чуть выступив вперед. Все встали и молча слушали старейшего, говорящего Слово. – В материальном мире, нарастая с каждым днем, множатся силы тьмы. Рушатся казавшиеся некогда незыблемыми духовные устои. Во всем преобладает жажда тленного, земного. Наступило «последнее время», из которого мир должен выйти очистившимся. Мы – идущие путем сердца и, значит, путем Всевышнего, находимся на острие борьбы Света и Тьмы, и чем больше будет людей, в чьих сердцах нашими усилиями будет жить Свет, тем больше надежды, что мир спасется. Да, будем со Светом!» – закончил он свою лаконичную речь. Говорили кратко, соглашаясь со сказанным старейшим, и каждый начинал свое слово с именем Бога: «Во имя Всевышнего!» и заканчивал свою речь девизом: «Да, будем со Светом!» После времени Слова наступило время молитвы, а после молитвы зазвучало многоголосье:

Идти путем ВСЕВЫШНЕГО,
Храня нерасторжимый Круг,
Пусть хватит нам и сил и духа
Быть верным пращуров заветам...–

звучала тысячеголосая песнь, возносясь к вершине Белой горы. Солнце клонилось к закату, и нарзаны искрились на нем, лопааясь пузырьками. Каждый испил благодатную воду, некоторые набрали и в походные фляжки. Снова расселись в широкий круг. Один из рыцарей с каштановой бородой взял слово: «Во имя Всевышнего! Равенство и равноправие во все времена были достоянием Кавказа, – начал он, обращаясь ко всем, окидывая взглядом круг, – и в основе их лежала Свобода, возможная при обретении духовной победы над собой. Многие сегодня обмануты, многие попросту блуждают в лабиринтах сознания, вернуть их к чистым истокам, к традициям будет непросто. Я прошу для себя и для всех нас терпения в этом деле. Амин. Да будем со Светом!» – закончил он свою искреннюю, волнующую речь. Каждый из говорящих Слово делился своими мыслями с собранием мужей, дополняя тем самым друг друга и находя духовную поддержку в следовании Пути. Завершил собрание Джирджис: «Мы едины в своем деле – в служении ВСЕВЫШНЕМУ и следовании Свету. Сегодня настал час испытания, и мы с Божьей помощью не уроним чести называться

рыцарями! Да будем со Светом!» – заключил он свое слово. И тысячью голосов повторилось: «Да будем со Светом!» Опять зазвучало торжественное многоголосье: «Во Славу ВСЕВЫШНЕГО, Дарителю Жизни...» Всадник протрубил коротко, дважды, и кони, собравшись, выстроились, как на параде. Первым сел и не спеша тронулся Джирджис и за ним остальные рыцари. Закат миновал, и мелькнула первая звезда. Еще не минул гул копыт, как рыцарство в мгновение ока взлетело к небу и, подобно алому метеору, полетело через тысячевершинный кинжал хребта к морю Заката солнца. Всадник летел, замыкая цепь. Всех их вела сила духа.

7. Чистое сердце

Так они сидели... двое... прислонившись друг к другу, погруженные в себя, пока кладбище принимало покойника. Земля, слетающая, змеясь, с посверкивающих лопат («прах к праху»), в свежий могильный холм, иногда виднелась сквозь просветы в толпе, а они продолжали сидеть, не шелохнувшись, отрешенные, будто не принимая никакого участия в происходящем, рассказывая молчащими фигурами со склоненными головами об этом теплом, напоенном солнцем зимнем дне, с текущими по дорогам мутными ручьями, о свете, об оставшихся, об ушедшем, о жизни, о смерти... Крюк посоха одного из сидящих держал его за правое плечо в полушубке, как бы вопрошая хозяина и этот солнечный день о случившемся. Второй был обвязан коричневым башлыком и в овчинной папахе. Они были как братья-близнецы этого дня, действия, невозможного постижения, истины. Потом, когда пелись медленные, священные суры в четырех углах готового холма могилы, они забылись, потерялись среди людей и камней или привиделись Анси? Люди выходили за ограду, прибавив кладбищу еще один камень, а в солнечном мире, где текли и текли ручьи, убавилась одна жизнь. И все говорили: «Он был человеком чистого сердца». И рассказал, стоя у края кладбища, дороги, жизни, один другому притчу. Некий человек, желая провести жизнь в труде и молитвах, поселился в лесу. И стал он жить, обильно поливая землю потом, в неустанных молитвах. Молился он на плоском большом камне. Так он провел шестьдесят лет жизни и на молитвенном камне его отпечатались следы его рук, ног и голеней, а в том месте, где он клал головой земные поклоны, появилась дыра. И умер он и предстал перед своим Творцом. И спросил его Творец: «По какому признаку открыть тебе двери рая, по твоим заслугам, или по Моей милости?» И ответил ему человек тот: « По моим заслугам, Господи!» И взвесили на весах его деяния и оказались они не больше человеческого глаза. И заплакал тогда человек, и Бог открыл ему рай из Своей милости. Рассказавший положил руку на сердце и сказал: «Здесь должно быть чисто!»

Анси помнил с детства, как родители говорили о ком-нибудь: «У него чистое сердце». Это было высшей похвалой в родительской оценке человека. И его каждый раз радовали эти слова, словно в нем самом и в мире прибавлялась частица добра. Чистое сердце, то, в ком сохранилась не запятнанная обыденностью Божья искра, в ком живут свет и детское незамутненное восприятие мира. Обычно к таким людям большинство относится с иронией, а некоторые и с необъяснимой для них самих неприязнью. Ведь многие живут, не просыпаясь, а иные умирают заживо. Анси с возрастом все больше и больше удивлялся жизни и ее таинствам. Может быть, интуитивное понимание этого помогло ему с детства выстоять, идти среди многообразия жизни, доверясь

сердцу, ведущему его. Миллиарды сердец пульсируют в мире, словно звезды в вышине, но не все живут в небе, не в каждом живет духовный свет. Будьте благословенны, чистые сердца, озаренные небесным светом! Не будь вас, и в мире было бы тускло и безрадостно. И жизнь казалась бы не Божьим даром, а наказанием. И предстать перед Творцом могут, наверное, только чистые сердца. И тот, по ком плакали эти ручки, кто покинул солнечный мир и кому водрузили сегодня камень – ушел, как повторяли все, с чистым сердцем, чтобы зажечься звездой в вечернем небе.

8. Крест

Прежде чем образовался крест, пространство, отмеченное на карте красным цветом, проповедующее атеизм-сатанизм, наполнялось миазмами мавзолеевской черной куклы, насыщающими собой все окружающее взрывоопасной энергетикой. Спасала огромная территория, которую невозможно было наполнить отрицательными ниннел-веществами и за тысячу лет. Тогда Гадамож, чтобы ускорить процесс передела собственности, усилиями черной магии сделал возможной концентрацию н-веществ в одной из точек исторической области, над самым уязвимым объектом. Через несколько лет все было готово. Осталось дать команду. И она не замедлила прозвучать. Взрыв был ошеломляющей силы. Он потряс основы красной «нерушимой» державы, и дальнейший процесс, превзойдя все ожидания проектировщиков, вышел из-под управления, и стоило невероятных усилий обуздать невиданную доселе стихию распада. Она была укрощена героизмом тысяч добровольцев, «легших на амбразуру», и вправлена в саркофаг, в вертикаль земли, где распад будет идти до скончания веков. Сделать это, как оказалось, было легче, чем остановить начавшийся вслед за взрывом и распадом атома распад державы. Две силы медленного неуклонного распада, заключенные в бронированный стеклянный саркофаг и саркофаг железобетонный, образовали собой своеобразный крест. Н-вещества, движущиеся по горизонтали, источаемые черной мумией в режиме максимально замедленного распада, и взорвавшийся «освобожденный атом», вправленный вертикально в землю, сходясь и образуя собой в разное время в разных точках страны гигантские энергетические кресты чудовищно отрицательной силы, детонировали и без того болезненные процессы, взрывая их до губительных действий. И распад «нерушимой» шел по нарастающей. «Вечно живой» мавзолеевский труп, создатель красной империи, «воскрес» для разрушения и необъяснимой мести своему детищу, ввергшему страну в хаос, катастрофы и войны. Ученые, аналитики, экстрасенсы, политики, добровольцы и служивые, секретные службы и интеллигенты, домохозяйки и студенты пытались понять природу распада и остановить его, но все их усилия были тщетны. Соединение н-веществ и свободного атома давало немислимый эффект разрушения, держава была обречена. По этому поводу создавались комиссии и подкомиссии, экспертные группы и аналитические центры, бесчисленные фонды, общественные движения и партии, но все было тщетно – чем больше пытались исследовать, понять причины происходящего, тем запутаннее становился процесс. Гадамож с кликой собирали тем временем баснословные урожаи. Все мыслимые и немислимые богатства, начиная от недр и кончая недвижимостью, оказались в их жадных, хватких руках. Народ влачил нищенскую жизнь, гадаможцы роскошествовали. Зловещий мрак опустился всюду над красной империей, погибающей от неизвестной, неразгаданной

причины. А всего-то навсего надо было похоронить мавзолеевский труп – источник н-веществ и распада.

9. Большая эмиграция

Две войны, обрушившиеся на Чечню, породили нескончаемую эмиграцию. Никогда в истории чеченского народа не было такого массового исхода. Одно из самых мощных государств мира после всего, что сотворило с малым народом со времен колонизации, довершало политику его окончательного уничтожения: войнами, расколом, распылением. Государство, обязанное всемерно беречь и защищать своих граждан, применяло к ним насилие и террор. Люди эмигрировали, спасаясь от очередного геноцида, перед которым меркли все предыдущие. Народ оказался разбросан по всему миру, в основном составив три части – в Европе, России и в самой Чечне. Больше, чем самих чеченцев, эмигрировало в Европу псевдоchеченцев с фальшивыми документами. Политический кризис, длящийся вечность, не мог гарантировать стабильную жизнь.

В чеченском обществе этого периода произошли коренные изменения. Безусловно, изменился состав населения города и села. Первое значительно возросло за счет второго, в результате чего окончательно было уничтожено и без того подорванное крестьянство. Качественный состав городского населения, пополнившийся за счет села, был иным. Отток городского населения в две войны происходил в основном в русле большой эмиграции в Европу и частично в Россию. Вследствие чего в Чечне перестало существовать крестьянство как таковое и наряду с этим изменилось качество городского населения. В Европе чеченцы жили, как люди второго сорта, в своем государстве пребывали вне закона. Таким образом, в целом в чеченском обществе произошел катастрофический сдвиг в очередной утрате корневых начал. В результате катаклизмов народ образовал собой некую неопределенную смесь, с утраченным прошлым и бесперспективным будущим. Горькие плоды безрадостной реальности созрели в полной мере. Чтобы как-то выровнять, исправить ситуацию, нужен был большой отрезок времени и работа по всем направлениям, что, к сожалению, не происходило и не предвиделось. Государство делало вид, что ничего не произошло, и народ был по существу предоставлен самому себе. Об этом говорил хотя бы тот факт, что жалкая компенсация за разрушенное государством жилье до населения в полной мере не доходила, и как можно дольше затягивалась ее выдача. Коррупция в этом деле и во всех остальных областях носила тотальный характер. Человек, что называется, был обложен со всех сторон. Эмиграция продолжалась и не думала остановиться. Остановить этот процесс уже было невозможно. Люди устали от бесконечного насилия и хотели спокойной жизни. Почти полтора десятилетия продолжался этот процесс, вызванный государственной политикой в отношении гражданского населения, и, сколько он еще продлится, трудно было сказать. Общество и ценности менялись на глазах, и впереди зияла полная неизвестность.

10. Две звезды

Одна была сиреневая и светила сквозь туман над вечерним городом, пробуждающимся к весне, над Анси и Койсом, пытающимся найти имя мира и свое, в развороченном бытие, в котором скользили смутные фигуры прохожих

и увязающие в тумане машины в пятнах желтых фар. Сознание срисовывало элементы вечера и самый яркий из них – блуждающая в вышине сиреневая звезда, расплывшаяся в мутном городском небе – предвестница весны... Кажется, Койс не видел ее, и Анси все порывался сказать ему о ней, но за разговорами забывал и краем глаза не переставал следить за ней, плывущей в туманном вечернем небе. Койс удивлялся лицам прохожих, приобретающих оттенки призрачности в соединении темноты, фонарного света и тумана. Звезда тем временем двигалась, забираясь ввысь, и там, где туман был слабее, разгоралась ярче и красивее. Они шли рядом, но видели разное. «Так бы и шел по земле, и ничего не надо только вбирать, впитывать голубые далекие просторы и по ночам звездное небо», – думал Анси. В продрогшем мире одинокая сиреневая звезда несла весну, и было так покойно от ее зова и неутомимого сияния сквозь пелену и тьму, вышагивая в одном из вечеров в неразгаданном мире среди бесконечного блуждания звезд, туманов, людей... То, что жизнь, как ни странно, сбывается наоборот, привыкаешь, забывая о мечтах, иллюзиях и сновидениях. И, что страннее всего, сколько люди ни общаются, сокровенное всегда умалчивается... Люди руководствуются то ли неким непонятным, необъяснимой условностью, то ли установившейся неизвестно почему закономерностью. Говорить пошлости считается хорошим тоном. И во всем господствуют поверхностные знания и представления. Неужели в человеческой истории всегда было так? Наверное, город располагает к тому, чтобы делать все наоборот. Ведь город в представлении многих место, где «все можно». Город, где живет множество совершенно не знакомых друг с другом людей. Тот, кто родился в городе, думает, что весь мир живет так, а тот, кто родился и вырос в селе, примеряется к городской жизни и всегда знает, что он для него чужой... Звезда исчезла, канула в ночь, в туман...

Другая, зеленая, жила в горах, рассказывая вместе с горами о детстве и о сегодняшнем дне. Она появлялась с первыми звездами и уходила с последними. И Анси, видя, как она встает все выше и выше от темной ночной горы, думал, почему же раньше он ее не замечал. Она несла тишину и покой, и какую-то особенную чистоту в своем сиянии в ясном ночном небосклоне. Хотелось без конца смотреть в нее, вспоминая былое, казавшееся настолько же неправдоподобным, насколько неправдоподобными были для него после долгой разлуки и сегодняшний день, вечер и эта летняя ночь. В глубине души он хранил сокровенное, оттуда, из детства, из сияющего мира еле слышно проступали, пульсируя, то ли печаль, то ли грусть и сожаление обо всем и об этом вечере тоже, хотя он дарил, навевая множество воспоминаний в звуках, запахах, цвете и в этом звездном небе, которое навсегда осталось в Анси и в котором, наверное, тоже живет его частица. Новой и незнакомой, в этом до боли знакомом небе над родным селом, жила зеленая звезда.

Румиса Докаева

Родилась в 1966 г. в пос. Новогрозненский Гудермесского района ЧИАССР. В 1994 г. окончила филологический факультет Чечено-Ингушского пединститута. Пишет стихи, правда, не рискует их кому-либо показывать. Основные темы – любовь и десткая лирика. Любит классику, особенно поэзию М. Лермонтова, С. Есенина.

Отец

Миниатюра

Отец, мы так скучаем по тебе! Так жаль, что не успели попрощаться... На камне сидя, ждал всегда, когда домой вернемся... И влажными бездонными глазами ты вдаль смотрел, дорогу наблюдал. И, как ребенок, рад был каждой безделушке, что от души мы для тебя несли... Любил гостей, что шли к тебе толпой. Шутил и спорил с ними всякий раз! И с гордостью показывал им внука, которого азартно в пляс пускал.

Ты просыпался на рассвете, заваривал свой крепкий чай, на кухне свет горел и телевизор на весь звук, и голос доносился твой родной!

Как хорошо нам. Можем спать спокойно... Мы знали: он всегда нас защитит и будет зонтик держать от всяческих напастей.

На столике лежат твои очки и смотрят одиноко на лист, что так красиво ты умел писать. Так сладко говорил, надежду и покой ты в душу нам вселял...

Так жизнь любил и нас просил ценить моменты радости, что дарит нам судьба! Всегда нам говорил, что нет на свете ничего сильнее, чем дружная и крепкая семья!

Вот чайник твой остывший на столе, зеленый чай и сахар кусковой... И шляпа одиноко на гвозде висит...

Как мог, отец, ты просто так уйти, оставив на распутье нас?... Мы не сумеем жить, как ты... Нам одиноко без тебя...

Ты так мечтательно сказал однажды: «Весной, когда покроется цветами сад, я к вам вернусь опять!»

С надеждой смотрим в небеса, весенний ветер лепестки кружит, оставив след после себя, след на земле после дождя.

Надежда Маринина**Тамерлан**

Легенда

(По мотивам сказок М. Горького)

I

О Самарканд! Город дивный,
обласканный щедрой судьбой.

Кто в Подлунной посмеет
сравниться с тобой?

Город-сад, перл Востока
на бархате южных ночей.

О бриллиант! На заре среди роз
благоверных – улада очей.

Тот не жил на земле, кто не видел
Всевышнего дар –

Драгоценный ковер из ковров –
самаркандский базар:

Кровь граната, сияние дынь,
в янтарях виноград

И мускус, и имбирь, лавр и тмин
одуряющий льют аромат...

Клич торговцев, желанный
напев зазывал,

Треск мангалов, волнующий дым их,
что всех задевал.

Рев верблюдов, квохтанье фазанов,
иканье ослов...

О базар самаркандский –
основа основ!

И над пиром – вершитель,
Барс хромой, Тамерлан.
Он Владыка и Повелитель,
Он великого ханства хан.

В центре ханства в долине
тюльпанов и рос,

Рассыпающих амбру,
палаточный город пророс.

В нем прохлада и нега, насладиться
здесь каждый был рад.

Кто тобой в час ночлега
не хотел бы владеть,
Самарканд!

Даже нищий Али
С сожаленьем вздыхал
И не раз необдуманно
Вслух повторял

С никому не понятной тоской:
«Если б не был я бедный такой,
А был знатен и очень богат,
Владел бы тобой, Самарканд».

Услыхал эту новость Тимур.
Сразу стал озабочен и хмур.
Приказал привести наглеца,
Непонятное чудо Творца.

– Шер-Али, обездоленный нищий,
Верный раб пустоты и тщеты,
Без семьи, без друзей, без жилища,
Бесполезно скитаешься ты.

Я узнал, что лелеешь ты в сердце
Обезумевшую мечту:
Хочешь ты отворить себе дверцу
В недоступную высоту.

Я, пред Небом – в непобедимых,
Пред тобою главу клоню.
В обстоятельствах необходимых
Всем служить тебе грозно велю!

Новоизбранного отмыли,
Облачен в драгоценности он.
Накормили его, напоили,
Усадили на царственный трон.

И склонились пред Некто визири,
Звездочеты и мудрецы,
Заслужившие почести в мире,
Благородного рода отцы.

Много принесли они всем горя,
Не минули беды и наш дом.

К нам ворвались ночью и убили
Всех мужчин, весь род перевели.
Сына малолетнего схватили,
Продавать торговцам увели.

Их поймали люди Баязета,
Сын мой оказался у него
(На пути узнала я об этом),
И еще – ты победил его!

Значит, я теперь у верной цели.
Не напрасно я к тебе пришла.
Силы духа горы одолели.
Сына своего я здесь нашла.

IV

– Я, раб божий Тимур-хан, вещаю!
Знаю твердо, что говорю.
Сына матери обещаю возвратить!
Отыщите. Велю.

Вздоргнув, сотни коней
арабских кровей
В тот же миг понеслись – не унять!

Ведь наездники их в шапках
волчьих, лихих
Поспешили приказ выполнять.

Вести Радости мчат, в такт
копыта стучат,
Всадник птицей над степью летит,
Пригибаясь к земле,
с ним дитя на седле
На весь мир, улыбаясь, глядит.

Ночь пришла, все стихло...
Маленький ребенок
Может беззаботно и спокойно спать.
Набирайся силы изо всех силенок, –
Песенку тихонько напевает Мать.

***

Много песен в мире,
но одна всех краше,
Нет ее дороже, нет ее милей.
Это Песня Жизни. И ее бесстрашие –
Песня Колыбельная. Песня Матерей.

**Малика Мусаева,
Сулиман Мусаев**

«Зачистки» в станице Ассиновской (3–4 июля 2001 г.)

В сентябре 1999 г., в самом начале второй российско-чеченской войны, по договоренности между администрациями села Серноводское, станицы Ассиновской и боевиками решено было объявить эти два населенных пункта «Зоной беженцев». Боевики покинули Сунженский район, на перекрестке (на трассе Ростов – Баку) установили большой щит с надписью «Зона беженцев». Из Грозного и районов, охваченных боевыми действиями, в Ассиновскую и Серноводское хлынул поток беженцев, надеясь найти там спасение от бомбардировок, обстрелов и произвола федералов. Но их надежды, как и местного населения, оказались тщетными. Уже через несколько месяцев беженцам пришлось искать новое, более безопасное пристанище в Ингушетии, других регионах России. С осени 1999 по начало 2003 года Ассиновская стала объектом «зачисток», сопровождавшихся беспределом, избиениями жителей, грабежами.

1 июля на окраине станицы Ассиновской, за мостом, подрвался на фугасе бронетранспортер федеральных войск. Третьего числа в станице начались «зачистки», которые продолжались два дня.

Малика Мусаева. Утро 3 июля 2001 года было омрачено еще до своего наступления. Задолго до рассвета с окраин станицы доносился рев моторов. Этот звук невозможно спутать ни с каким другим, от него стынет кровь. То ревет военная техника, стягивающаяся вокруг станицы тройным кольцом – явный признак того, что сегодня здесь будут «зачистки». А значит, сегодня опять прольются материнские слезы.

Накануне в соседнем селе – Серноводском – уже провели «зачистки» (ходили слухи, что забирали всех мужчин подряд). И это тоже указывало на то, что следующей жертвой будет Ассиновская. Так было всегда. «Зачистки» проводили в двух этих населенных пунктах одновременно или по очереди.

С тяжелым сердцем я вышла подмести двор. Мы живем на окраине, и мне была хорошо видна техника, стоящая за мостом через реку Ассу. В воздухе кружили вертолеты.

По улице, в сторону автобусной остановки, шли двое: наша соседка Кадиева Сегират и ее шестнадцатилетний внук Энвер. Я поздоровалась, спросила, далеко ли они собрались. Сегират ответила, что едут они в Слепцовскую (станция Орджоникидзевская, Республика Ингушетия). Спрашивать, зачем, было излишне. Бабушка увозила внука от греха подальше. Конечно, Энвер еще мальчишка, но лучше не рисковать.

Подметя двор с улицы, я бросила это занятие, так как была просто не в состоянии что-то делать. Женщины вышли на улицу: ожидание в доме просто невыносимо.

Наша улица одна из первых, принимающих непрошенных гостей. И от того, что они задерживаются, в душу вкрадывалась надежда, что все обойдется. Но, оказалось, все уже началось, просто они сменили тактику.

До нас дошли слухи, что с другого конца станицы забрали много мужчин, что забирают всех подряд. В это не хотелось верить. Но в одиннадцатом часу пришла весть, что забрали Энвера. На выезде из станицы его с другими мужчинами сняли с автобуса и увезли. Бабушку и других женщин не стали

даже слушать. Сказали лишь, что у них приказ: забрать всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет.

Приняли решение: женщины соберутся вместе и пойдут просить освобождения задержанных мужчин. Другого выбора не было. Но все было напрасно. Федералы были намерены выполнить приказ командования. Единственное, что им сказали:

– Проверим паспорта, если невиновны – отпустим.

Задержанных вывозили на окраину станицы через мост и здесь, у моста, собралось много женщин. В основном, это были родственницы тех, кого забрали. Никто не знал, куда увозят пленников. Одни говорили, что их увезли в Ачхой-Мартан, другие – что их держат в ямах за мостом. А ям здесь хватало. Их в начале войны вырыли федералы, маскируя технику.

К часу дня пронесся слух, что задержанных обещают скоро отпустить. Время тянулось долго. И вот на мосту показались освобожденные, человек пятнадцать. Женщины двинулись им навстречу. Последовали объятия, смех, слезы, расспросы. Это была единственная радость за весь день. Но испытания на этом не кончились. «Зачистка» продолжалась.

Я находилась среди собравшихся у моста, потому что у меня не было паспорта, и родители решили, что в толпе будет безопасней. Паспорт у меня полгода назад отняли на посту. Обещали проверить и вернуть, но это были просто слова.

Со всех улиц выезжали крытые и открытые военные машины с задержанными. Их было десятки. Доставив пленников на место сбора, они возвращались. После каждого рейса прибывали все новые женщины. Стеречь имущество не было смысла, самое ценное у них уже забрали. Хотя «зачищающие» зачастую не брезговали ничем.

Одна женщина рассказала, что ее соседи откупили сына деньгами. Но вскоре к ним пришла другая группа (ясно, что их направили первые). Им дали двух баранов. Уехали. А третья группа пришла и забрала сына.

То тут, то там раздавались взрывы. Это «стражи порядка» закидывали гранатами чердаки и подвалы жителей.

Совершался очередной безнаказанный произвол.

В тот день забрали двух сестер Ганиевых ... по той причине, что одна из них нагрубила пришедшим в их дом военным. Других двух сестер забрали потому, что в их доме нашли какие-то радиоприемники и другие электроприборы. Неудивительно, ведь к их брату, которого на тот момент не оказалось дома, станичники приносят сломанные электроприборы на починку. Но разве военным докажешь?! Им, как говорится, был бы повод... Вот и сейчас они заявили, что их брат занимается подрывной деятельностью. А раз его нет дома, значит, надо забрать сестер, не идти же с пустыми руками.

Странные методы у современной российской армии.

«Зачистка» продолжалась до позднего вечера. Потом движение остановилось. До нашей улицы в тот день не дошли. Женщины пытались узнать, где находятся их родственники. Им ответили, что задержанных всех отпустили, и они ушли в соседнее село, так как в Ассиновку их не пустили. Мало кто верил, но проверить не было возможности. Из станицы никого не выпускали.

Многие женщины провели у моста всю ночь, разведя костры для освещения. В их сторону военные бросали дымовые шашки. Слышалась брань, издевательские возгласы. Так прошла ночь ожидания.

С самого начала было объявлено, что «зачистка» будет продолжаться неделю. Весть удручающая, но люди верили, что Всевышний услышит их молитвы и смилуется.

Наступило второе утро кошмара. И опять забирают мужчин, тех, кого вчера не успели. Сегодня машины выезжают и с нашей улицы. Мы провожаем взглядом

машины, увозящие наших односельчан. Из толпы выкрикивают их имена. В некоторых машинах везли по одному человеку в окружении нескольких охранников, на других – по несколько человек.

В одной машине я узнала Омарова Омара (1976 г. р.), племянника нашего зятя. Его отпустили лишь через несколько дней.

В другой машине везли Борчашвили Висарга (1948 г. р.). После стало известно, что военные, зайдя к его соседям и увидев большие кастрюли во дворе, стали придирааться: мол, бандитов кормишь? Накорми и нас. А 70-летний хозяин, Дадаев Магомед, отказался. Военные стали его избивать. Услышав шум, Висарг пришел на помощь соседу. Так его и забрали. А избитого старика оставили лежать во дворе.

С другой улицы выехала машина, на которой везли Амаева Супьяна с сыном и племянником. Последний приехал погостить к дяде. Супьян сам вызвался поехать с ними, когда понял, что подростков заберут, решил, что лучше быть рядом с мальчиками, чем ждать их возвращения дома.

А ждать очень трудно. С тревогой провожать взглядом машины с пленниками и осознавать, что в следующей может оказаться твой брат или кто-то еще из родственников.

По пленникам, вывозимым с нашей улицы, я определяла, насколько близко федералы подошли к нашему дому.

Надо сказать, что наказаны были не только люди, но и скотина. Стадо находилось тут же, неподалеку, на каменистой полянке. В те дни его пасли Мамаев Хумид (1946 г.р.) и его сын Султан (1975 г.р.). Хумид попросил у одного офицера разрешения отвести стадо на пастбище, на что офицер российской армии ответил:

– Замолчи, старик! Скажи спасибо, что ты не в яме вместе с остальными.

До этого один из срочников подошел к Хумиду и сказал:

– Пусть парень хотя бы присядет и не маячит перед всеми. А то «эти» будут идти, заберут, не пожалеют.

Султана оставили не потому, что он «присел», просто ему повезло.

Толпа произвольно разделилась на группы. Но люди все прибывали. Вновь прибывшие сразу же подвергались расспросам.

В нашем кругу одна девушка – Лемка – все время причитала, переживая за своих братьев. Один из них – Хамид – с семьей жил рядом с матерью, а второй – Исрапил – на соседней улице. Вот с соседней улицы выезжает машина, и опять взгляды собравшихся устремляются в ее сторону. Я еще не успела никого взглянуть, когда раздался крик Лемки:

– Исрапил! – она с плачем побежала в сторону трассы, непрерывно повторяя дрожащим голосом: – Ва, Исрапил, нанас йинарг яла хьан!

Но чтобы приблизиться к дороге, ей надо было подняться на бугорок. Тут ноги перестали ее слушаться, и она, не переставая плакать, присела на корточки. Мы помогли ей подняться и усадили на прежнее место. В такую минуту человека лучше не добивать жалостью, а подбодрить. Наверное, так решила и Яха, хозяйка дома, во дворе которого мы собрались:

– Э-э, Лемка, не знала я, что ты такая слабая. Ты посмотри на тех, кто здесь собрался. У всех кого-то забрали. Они же держатся. Вернется твой брат, надо только верить в милость Аллаха.

Ее слова больше подействовали на меня, чем на Лемку. Я подумала, что плакать и вправду стыдно. Теперь я просила у Всевышнего сил, чтобы, в случае чего, не расплакаться. Сегодня я понимаю, что ничего зазорного в этом не было. Не было ведь гарантии, что наши родственники вернутся.

Сулиман Мусаев. В тот день, как, впрочем, и в прошлый, я сидел дома и читал книгу (мать не хотела пускать на улицу), время от времени, когда приближался рев мотора военного «Урала», бросая взгляд в окно. Иногда, когда

кузов грузовика был набит задержанными, мне удавалось разглядеть знакомых. В комнате я был один. Около девяти утра во дворе остановился «Урал». «Вот и моя очередь дошла», – подумал я и, взяв паспорт, вышел навстречу военным. Когда я открыл дверь, у порога уже стоял солдат, другие разбрелись по двору. Автоматы они держали навскидку.

– Ваши документы, – попросил солдат, и я протянул ему паспорт. Пробежав его взглядом, он направился к воротам: – Пошли!

Зная, что это бесполезно, я тем не менее сделал слабую попытку остаться дома:

– Командир, мои документы уже много раз проверяли... – но тут ко мне подошел второй:

– Давай, выходи...

Я обулся в тапки на босу ноги и вышел за ворота. Там стояли, переговариваясь между собой, военные. Я остановился у палисадника, один солдат остался стоять рядом, другие, закуривая, отошли в тень. Подошла мать. Из-за переживаний она осунулась. Мать обратилась к военному:

– Может, вам деньги дать... – но я перебил ее:

– Не надо им денег, нечего приучать, молчи.

Солдат, видимо поняв мои слова, усмехнулся. Мать зашла в дом и принесла мне куртку-ветровку. Я, было, стал отказываться – день был жаркий, – но мать заставила меня взять, за что я ее позже мысленно поблагодарил.

Подъехало два УАЗика, из машин вышли федералы и направились в наш дом. Я сказал:

– У нас уже были, – я боялся за отца, он был на кухне, первая группа не забрала его, но не было гарантии, что эти не тронут. К моему удивлению, военные остановились, не стали заходить.

Меня посадили на «Урал», в кузове уже сидело два моих соседа, Адам и Магомед. К заднему борту машины подошло около десяти женщин, наших соседок. Некоторые плакали, другие пытались приободрить нас:

– Не падайте духом! Все в руках Аллаха!

Я в свою очередь попытался успокоить их:

– Не волнуйтесь, все будет нормально! Нам не впервой!

Военные закричали на женщин, чтобы они ушли, потом несколько человек влезло в кузов, и мы поехали. Вот и поворот на мост. А дальше – неизвестно, куда повезут. Я знал, что среди женщин у моста находится моя сестра, и отвернулся. Но, как узнал позже, она увидела меня.

М.М. Не прошло и пяти минут, как выехала машина с нашей улицы. Мне не пришлось долго вглядываться: Сулимана я узнала сразу, хотя в машине было темно, и он сидел ближе к кабине. С ним были наши соседи Вельхийев Адам (1972г.р.) и Гисаев Магомед (1978 г.р.). Никто не произнес их имен, надеялись, что я не разглядела. Я встала и, сдерживая слёзы, сказала:

– Ну вот, и моего брата забрали. Мне уже нечего ждать.

После этого я долго ходила по кругу, пытаюсь убедить себя, что все будет хорошо. А это очень трудно сделать, когда хочется плакать навзрыд.

Вскоре подошли мои мама и сестра.

С.М. За мостом, в метрах ста от Ассы, у дороги на Ачхой-Мартан и Бамут, стояло блочное здание кооператива. Его начали строить еще до первой войны, но так и не достроили. В обе стороны от него уходили окопы, тут и там разбросаны ямы, вырытые федералами для бронетехники.

Около здания кооператива «Урал» остановился. Нас стали по одному высаживать из машины. Я спрыгнул с кузова.

– Руки за голову! – скомандовали тут же. Через несколько метров остановили и обыскали. Похлопав по бокам, федерал спросил:

- Что это?
- Талисман, – ответил я.
- Покажи.

Второй сокрушенно вздохнул:

- И что они деньги с собой не носят?!

Меня повели дальше.

Метрах в десяти от кооператива стояли два солдата и еще издали, явно дурачась, кричали:

- Давай его сюда!
  - Нет, нам его!
  - Сколько тебе лет? – спросил меня солдат, что сопровождал.
  - Двадцать девять, – ответил я.
  - Да-а? – делано удивились те и ненадолго задумались. Затем один предложил:
- Подними одну руку, любую. Сейчас проверим, везучий ты или нет.

Я на секунду задумался и поднял левую руку, хотя не имел понятия, что это мне даст.

– Ну пошли тогда, – тот, что стоял слева от меня, повел меня в здание кооператива.

Как я узнал позже, всех задержанных разделили на две группы: молодые и взрослые. Молодых держали в ямах, взрослых – в кооперативе. Учитывая, что день был жаркий, мне повезло – я просидел этот день в тени. Кроме того, солдаты, находившиеся у ям, развлекались часто тем, что кидали обломки кирпичей и комья земли в пленников, находившихся в этих зинданах.

Когда я вошел, в помещении уже находилось человек двадцать-двадцать пять. Я поздоровался и сел на корточки, как и остальные. Пол был посыпан гравием, рам в окнах не было. У входа на блоке сидел солдат. В помещение время от времени заходили и выходили военные. Пленники негромко переговаривались. Шло время. Было душно. Наш охранник от скуки иногда заговаривал с нами.

– В чем сила, брат? – вспомнив фразу из фильма, обратился он вдруг к мужчине, что сидел к нему ближе.

- В стволе! – мигом ответил тот.
- А как же истина?
- Человек с ружьем не думает о справедливости.

Помещение наполнялось, задержанных все приводили и приводили. Одни входили молча, хмуро оглядывались и садились, найдя свободное место. Другие здоровались:

- Ассалам алейкум!

Вызвал улыбки молодой человек лет тридцати, громко приветствовавший всех традиционным:

- Ассалам алейкум! Дик мел дерш кху чу!*
  - Молодые люди, взрослые мужчины, старики...
  - А что, боевики в вашей деревне есть? – спросил охранник.
- Все промолчали.

- Молчите, партизаны? Ну-ну, молчите.

Вошел офицер – грузный, обрюзгший, голый по поясу, с большим животом:

– Это еще что за базар? – рявкнул он. – А ну-ка, натянули рубашки на головы! Вот так! Руки за головы! Опустили головы к коленям!

Воцарилась тишина. В помещении и так было жарко, теперь, с натянутой на голову футболкой, стало совсем тяжело дышать. Затекли ноги. Тут со стороны блиндажей к югу от кооператива донеслись протяжные душераздирающие женские крики. Эти крики проникали в самую душу, наполняли все существо гневом. Но... Оставалось только скрежетать зубами от бессилия... Позже я узнал, что это пытали током сестер Ганиевых.

---

* Добро в этот дом.

– А это что такое?! – вошел какой-то офицер. – Что, особый, что ли? А ну, быстро, рубашку на голову натянул!

Я осторожно выглянул: Ислам, парень лет двадцати пяти (и как это его к нам завели?), сидел, вытянув ноги, прислонившись к стене.

– Да мне запахло так сидеть! – равнодушно отозвался Ислам. После первой войны он подорвался в поле на mine, и вместо двух ног у него были протезы.

– Чего-о-о??? – офицер от негодования чуть не задохнулся. Раздались шаги – вошли военные.

– Это кто тут такой борзый? – спросил кто-то.

– Да вот, волчара недобитый. Встать! Чем ты недоволен? – на него угрожающе надвигались.

– Мне запахло сидеть тут преступником! – Ислам встал. – Я ничего никому не сделал. Преступление – держать невинных людей, как каких-то рецидивистов!

– Ребята, это инвалид...

– У него протезы вместо ног... – заговорили все наперебой, одновременно уговаривая Ислама уняться.

Я опустил футболку. Один из военных взял свой автомат за ствол, намереваясь ударить Ислама, но другой, смуглый крепыш, попридержал его:

– Покажи протез.

– Причем тут протез? Вы не имеете права держать нас...

– Ладно, садись, – перебил его чернявый.

Ислам хотел еще что-то сказать, но соседи усадили его.

Завели еще одного задержанного. Это был Петр Николаевич, коренной станичник. До войны он работал водителем автобуса. «Петро! Петро!» – пронесся шепот.

– Да что вы, люди или нет?! – возмутился он. – Убери руки!.. – поздоровавшись со знакомыми, Петр Николаевич сел на блок у стены.

– Ты что, русский, что ли? – спросил его охранник, усаживаясь на свое место у входа.

– Да, русский. Вернее, казак. А что?

– И как тебе с этими бандюками жилось?

– С бандюками сроду не жил. Только сегодня и увидел настоящих бандитов!

– Ну, ты, потише! А то... Можешь показать, если тут находится кто из твоих обидчиков. Накажем, – охранник нашел новое развлечение.

Снаружи донеслись крики. Кого-то избивали. Избиваемый матерился по-русски и по-чеченски, но скоро его ругательства перешли в всхлипы и стоны...

Прошел час. Было очень душно. Петр Николаевич не выдержал:

– Водички бы хоть принесли..

– Пить захотел? – встал охранник. – Сейчас принесу.

Скоро он принес полторашку воды и дал Петру Николаевичу:

– Пей.

Петр Николаевич взял бутылку и прошелся среди задержанных, предлагая сначала старшим.

– Покурить бы... – протянул кто-то после глотка воды.

– Курить? – ухмыльнулся охранник. – А у тебя деньги есть?

– У меня есть! – отозвался Махаури Алихан, завхоз нашей школы.

– Сколько? – воодушевился охранник.

– Девяносто рублей, – прощупав карманы, отозвался Алихан.

– Давай сюда.

Скоро принесли сигареты – две пачки «Примы». Алихан, как хозяин, стал раздавать. Сигареты пошли по кругу. Кто-то не курил, кто-то из молодых не курил перед старшими, но курево очень быстро кончилось...

Охранник вышел и скоро вернулся с открытой банкой тушенки:

– Петр Николаевич, это вам!

– Вы думаете, я буду жрать, как последняя скотина, а эти люди смотреть? Нет, за кого вы меня принимаете?

Единственная привилегия, которой Петр Николаевич воспользовался как русский – он вставал, разминал ноги...

Ближе к вечеру начали вызывать по списку, с перерывом в две-три минуты. Через какое-то время нас осталось четверо. Назвали и мою фамилию. Я встал и вышел в неизвестность. У входа сидел какой-то узкоглазый солдат.

– ФИО? – почему-то зло спросил он.

Я назвал. Он записал и протянул тетрадку:

– Распишись.

Я поставил подпись. Меня повели дальше, и я увидел, что мои товарищи по несчастью сидят на затоптанной лужайке на корточках.

– Садись!

Мы образовали сидячую колонну, по пять человек в ряд. Уже спускались летние сумерки.

– Тебе сколько лет? – подошел к моему соседу пожилой офицер.

– Шестьдесят два.

– Вставай, иди домой.

– Могу паспорт показать, – обрадовался тот.

– Не надо. В нашем возрасте не врут.

Скоро нас всех подняли и повели колонной в обратном от станицы направлении. У поворота на село Чемульга (Республика Ингушетия) стояли бэтээры и военные.

– Поворачивайте! – сказал какой-то офицер. – И шагайте быстрее! Идите в Чемульгу и раньше, чем через неделю, не возвращайтесь в Ассиновскую, не дай бог, если кто попадется во второй раз. Через полчаса начнем обрабатывать поля и дорогу минометами, так что успейте!

И мы повернули направо. По дороге я нашел своего родственника Жандарова Султана и соседей Махаева Мамеда и Шабазова Ризвана. Рядом шагал один подросток, босой, и я отдал ему свои тапки.

Жители Чемульги приняли горячее участие в нашей судьбе. У въезда в село стояли целые толпы, приглашая изгнанников в свои дома. Вынесли фляги с водой, лепешки. Нас, человек десять, завел к себе Борчашвили Тархан, щедро угостил.

На второй день, утром, мы вышли в центр села. Толпы народа. Ни у кого нет денег. Подъехал автобус на Слепцовскую. Рядом с автобусом остановилась легковая машина, из нее вышел мужчина и подошел к водителю автобуса:

– Сколько ты выручаешь за рейс?

Тот что-то ответил, и водитель легковушки (оказывается, это был глава администрации с. Чемульга, к сожалению, не знаю его имени) полез в карман и протянул ему деньги. Нас повезли в Ингушетию. В Слепцовской каждый рейс встречала наша родственница, Жандарова Мадина, с племянником Бибулатовым Майрбеком. Она же со слезами на глазах встретила и нас с Султаном.

М.М. Беспредел продолжался дотемна. Нам оставалось только ждать. Несколько раз мы видели направляющийся к военным УАЗик. Это глава администрации станицы, Терхоев Назарбек, пытался с ними договориться. (В первый день его тоже забрали, «побеседовали» и отпустили).

В тот день федералы прошлись по всем улицам. Тем не менее ходили слухи, что они обещали «зачищать» станицу всю неделю.

Наступала вторая ночь страха. Техника стояла прямо на мосту, преграждая путь, на случай, если отчаявшиеся женщины ринутся за своими родственниками.

Около десяти часов вечера кто-то крикнул: «Они идут!» Все вплотную подошли к мосту и стали вглядываться. Фары военной техники были включены, и трудно было разглядеть то, что было за ней. Но вскоре все увидели, что в нашу сторону направляется человек двадцать в сопровождении охраны.

Женщины с радостными криками двинулись им навстречу. Военные что-то кричали, махали руками, но на них уже никто не обращал внимания. Женщины обступили освобожденных и наперебой задавали вопросы. Каждый хотел знать, что с его родственником. Уставшие мужчины терпеливо отвечали на их вопросы.

Оказалось, отпустили почти всех, но не разрешили возвращаться домой, а направили в соседнее село – Чимульгу. Просто так, очередное издевательство. Вернуться в станицу разрешили тем, кому старше 50-ти лет.

Все чаще звучал ответ: «Да, его я тоже видел. Он ушел с остальными, в Чимульгу». Но Омарова Яха и еще несколько женщин такого ответа на свой вопрос не получили. Остальные пытались их успокоить, придать им надежды, мол, они их не заметили, вон их сколько было, всех разве заметишь.

Среди пропавших был и Дересов Тархан (1965 г.р.). Бедная старушка Хазман боялась, что ее сын не вернется никогда. Тархан когда-то был как все, нормальным парнем. Учился, работал. Он умел делать накаты, лепки, декоративную штукатурку и т.п. Купил дом рядом с тем, в котором жили его мама, брат и сестры, и затеял в нем капитальный ремонт. Но началась война (1994 г.) В 1995 г. Тархана увезли федералы. Родственники долго искали его. А когда, наконец, нашли, Тархан был уже не тот, что прежде. От зверских пыток он потерял рассудок. Парень не слушался родственников, бесцельно бродил по улицам, а на свой внешний вид вообще не обращал никакого внимания. Следствием чего и была борода, с которой его все привыкли видеть. А что еще нужно военным, пришедшим зачищать село: безоружный, бородатый чечен. Подвал и чердак его дома закидали гранатами, а самого Тархана избили, закинули в машину и увезли.

Утро 5 июля было спокойным: не видна военная техника, не слышны взрывы, мужчины возвращаются домой. Медработники пришли в больницу. (Накануне их разогнали, обвинив в том, что они лечат боевиков. Абсурд: раненый боевик идет в село, окруженное тройным кольцом противника, и в местной больнице залечивает раны.) На всех стенах были нацарапаны всевозможные пошлости, мебель разбита, бумаги раскиданы по полу, а затем истоптаны. В общем, настоящий беспредел. Та же картина была и в школе. Жители решили оставить все как есть, пока не приедет комиссия. Почему-то некоторые были уверены, что она приедет. Комиссия действительно вскоре приехала. Но, к изумлению станичников, члены комиссии заявили, что весь этот погром в школе и больнице дело рук самих жителей. Якобы они устроили это, чтобы оклеветать российскую армию. А что еще от них можно было ожидать?! Возможно даже, что среди них были и те, кто вчера все это вытворял. Комиссия день или два располагалась в школе и «принимала» жалобы от жителей станицы по поводу проведенных «зачисток».

С.М. Своему освобождению мы в немалой степени обязаны и главе администрации станицы Назарбеку Терхоеву. Он не раз порывался к нам, за мост. Но военные стреляли в воздух, пытаясь остановить его «Ниву», а один раз, когда он, не обращая внимания на стрельбу, попытался проехать мост, чтобы удостовериться, что мы живы, остановили и наставили на него оружие. Но это не испугало Терхоева. Он добился встречи с генералом. И они договорились, что нас отпустят и закончат «зачистки». За 50 тысяч рублей и пять автоматов. Автоматы Назарбек купил у них же.

М.М. В станицу приезжали и журналисты из НТВ. Снимали на камеру беспорядок в школе. Когда директор школы, Гудиева Мадина Абзоевна, начала рассказывать, как все было, оператор выключил камеру и предупредил, что, если она будет говорить это, съемок не будет. Пришлось согласиться. В итоге, съемки получились без комментариев очевидцев.

Пропавших (кроме двоих) нашли на шестой день в РОВД Ачхой-Мартана. Оказывается, они были там с самого начала. Просто их скрывали, ждали, пока они придут в себя после пыток, чтобы родственники не смогли ничего доказать. А доказать смогли бы и в тот день: на телах пленных не было живого места, они еле держались на ногах. Но кому? Кого интересует, что происходит с чеченцами? Хотя, кажется, был какой-то комитет по правам человека. Но он всего лишь назывался так. А чем в этом комитете занимались, кто его знает, только не правами чеченцев. Да и создан он был лишь с той целью, чтобы кто-то где-то не подумал грешным делом, что Россия не заботится о своих гражданах, то есть о чеченцах. И по факту проведенных зачисток и нарушенных во время их проведения прав человека в комитете обязательно приняли бы меры. Но, видимо, там об этом ничего не слышали.

С.М. Это были не самые жесткие, но самые массовые «зачистки» в станице Ассиновской. Военные в те два дня занимались грабежами, закидывали подвалы и чердаки гранатами, расстреливали машины станичников. В школе и больнице (несмотря на увещевания директора школы Мадины Абзоевны Гудиевой и главврача больницы Эльзы Махаури) устроили настоящий погром. И никто за это не ответил....

Из интернета. В этот же день началась «зачистка» станицы, которая продолжалась 4 и 5 июля. В ходе их также происходили массовые грабежи. 68-летний житель станицы Гаургашилли, который попытался противодействовать военнослужащим, выносящим из его дома вещи, был сильно избит. Родственники сумели вывезти его в районную Сунженскую больницу в Ингушетию, и только благодаря этому он остался жив.

В ходе «зачисток» Ассиновской из станицы были увезены четыре местные жительницы. Двух сестер Айшат и Райшат, 17 и 18 лет, задержали за то, что на них были длинные платья до земли, а их головы были закутаны платками. Им сказали, что такую одежду носят «вахабистки», поэтому они подозреваются в связи с боевиками. Сестер доставили в РОВД Ачхой-Мартановского района, откуда они были выкуплены родственниками через три дня.

Две другие девушки, также две сестры, в возрасте 26 и 28 лет, были задержаны за то, что в доме находилось электрооборудование их брата, сельского электрика. За день до событий брат по делам уехал из Ассиновской. Военные заявили, что это оборудование можно использовать во взрывном деле, при установке фугасов, мин и т.д. Девушек задержали и доставили в Ачхой-Мартановский РОВД. По словам девушек, их били, добываясь сведений о том, кто устанавливает фугасы на дорогах. По имеющимся сведениям, после допросов они были освобождены без выплаты за них выкупа.

2

– ХІета, сихло, Кемал, орцахвахвала,
Дерриг дуьне гІоьнна кхайкха, хІай!
Саибджемал лийр ю хьобха ялахь,
Цуьнан дог-м хьуна делла дай!

Хьо бен ваций цуьна-м кху
дуьнен тІехь.
Хьобга цхьаьнга даим кхойкхуш го.
ХІета, кечде, нуьйраш тахкий,
ткъесаш,
Ткъесах иза йолчу хахакало!

Аса муха шун аьгту бе техьа?
Шун ирсана муха де-те гІо?
Шуна дІало тешаме сайн тІемаш, –
Шу дохур дац вовшех тешамо!

Вало, Кемал, сихло кертайисте...
– Сан хьомсарниг, куьг схьакховдаде.
– Хьо вуй иза, Кемал? –
Ирсе,
ЙоьІан кийрахь йолу ирсе цІе.

Теш ю буьйса. Тховсалера буьйса.
Тийналло а царна тешам ло.
Царех хила безаман кхаь-туьйра,
Дино и шиь туьйране дІахьо.

ЭхІ, ма йоца, йоца ю хьо буьйса!
Туьйра – хеда. Дахар – бакьдерг ду.
Хьаьжча гонах – бІаьргаш
кьерза буьрса:
Гобаккхина элан эскарш ду!

Амма шек бац мерза безам, эщехь
Шен цІонналла, ницкъ дІагойту цо.
Нагахь санна даг чохь и ца беллехь,
Тешнабехке иза бен ца ло.

Шех кьинхетам безамо ца боьху,
Цунах кхета Кемал паргІат го.
Цо цундела даго шена хьобхху,
Оьзда кьамел сардаре а до:

– ХІара дуьне колладелчахьана,
Безам беха. Даим бехар бу.
Маца, мичаь гина хьуна, ала,
Эскарна яхь безамо дІалуш?

Хало мел лов – бахчало-кха безам.
Эрна ду и гІертар йийсар бан.
Цуьнан тІемаш – шина деган тешам,
Ожаллаин а ницкъ бац и кьарбан.

Тешнабехк а, ямартло ца лов цо,
Безам кхийда цІенчу безаме.
ТІаккха оха хьанна дина кьола?
Тхох хІун даьлла, аша дан бехке?

Безаман чам хиьна вац-кха сардар
(И – ца везна. Цунна дера ву!).
– И – дІавехка! – буьйр ду доца.
Хабар
Дахдан чот яц – Кемал керахь ву.

Саибджемал... Цуьнан дегІах хьаьрча,
Куьйгаш-когаш кьовлуш шога муш.
ХІинца ший а дац-кха и шиь маьрша,
Цхьанна дац-кха хиндерг шайх хууш.

Саибджемал ойий, кхуссий нуьйра,
Кхечу динах Кемал воьхку дІа...
– ДІаяхийта! – сардаро шен буьйр до, –
Дино Кемал текхош вуьгу дІа.

*Кхетамчохь йоцу Саибджемал
а, динна тІаьхьа а тесна, текхош
Кемал а дІавалош, Темаран шахьаре
дІакхочу элан тешаме эскарш. Доза
доцуш оьгІаз вахана эла: цуьнан
цІийнах йолу йоІ жалуга маре яха
йоллийца? Шен сий цу шинна ден
кхизл кхайкхийчий бен меттхІуттург
цахиларх кхета эла...*

3

Саибджемал... ЭхІ, ма кІеда!
ЭхІ, ма мерза
«Кемал» сеци балдаш тІехь.
Иштта ле-кха цІена Безам,
Баха биса лenzаллехь!
Кемал, Саибжемал! Даим,
Сан турпалхой, шуьца ю.
БІаьрг тохал аш генна ана, –
Массанхьа а шуьца ю.
Шу – сан илли! Ас шун метта,
Сайн озаца локху и.
ХІумма дац шун дийца, хетта,
Со а цхьалха аш йити.
Хеза суна массанхьара:
«Кемал, Саибджемал...» Шун
Безаман Сий, хІайкал санна,
Даим даг чохь кхобуш ю.
Шун безам бу, алу хилла,
Тхан дегнашакаьхь богуш берг.
Шун лазам бу, сайниг илли
Тіома гІатта Іамош берг!

*Нохчийн матте гочийнарг
Шайхиев Іалвади.*

Кусаев Іадиз

Сонетийн кочар

I

Аллах!а дуюххъара кхоьллиначарах
 Дуюненахъ дог дика нохчийн къам ду,
 Дикачех цѐна са диллина чу,
 Бѐашершкахъ лардина
 цул тѐаьхъа дарах.

Уллорчу Малхбалехъ шен меттамотт
 Болуш, и цигахъ бѐешерашкахъ даьхна,
 Жаш дажош, ялташ кхиййна,
 байш аьхна.

Ву цуьнан тоьшаллаш деш Геродот.

Ницкъ болуш хиларна цъхамма
 ца эшош,
 Гийланаш ца хыйзош, шена беш там,
 Тѐелеташ, лулахойн декъий ца эгош,

Дебча къам, Везачо бина сацам
 Кавказе дало и, цъханнах ца хъегош,
 Абадехъ дахийта болуш лаам.

II

Абадехъ дахийта болуш лаам
 Къам, цуьнан туркхе
 дѐакхайкхийна Дала,
 Хун сизаш оьшу-те амална аьлла
 Нохчашна, массаьрга байта шайн хам?

Хаьттина Сийлахьчо:
 «Муьлханиш деза,
 Шун амал кхулуш, ас къасто сизаш,
 Лаарца уьш чѐога лардойла аш,
 Дош санна, цкъа а шайн ца хуьлу деса?

Бийцина ваханчо, кѐеззигчух ѐеха
 Лур боцчу дахарехъ нохчийн лаам:
 Уьш деза хуьлийла дуюненахъ меха,

Щена ялсманин хи санна – Зам-Зам...
 Цара ницкъ совбоккхуш,
 некъ бина беха,
 Ду тахне схъакхаьчна вайн
 нохчийн къам.

III

Ду тахне схъакхаьчна вайн
 нохчийн къам,
 Азаллехъ уггаре диканаш делла
 Гиллакхаш, къинхетам
 совболчу Дала,
 И муьтѐахъ хиларна, цунна беш там.

Цкъа а, цъханна а йиц ца ялийта
 Елла Цуо Нохчаллин билгалонаш,
 Ца къестош тайпанаш я тукхумаш,
 Боккхачу доьзалехъ нохчий бахийта

Вайн къоман тептар тѐехъ языйна,
 кхин

Чкъурашка ларъяйта, даимна ярах,
 Бакъѐолу бакъонаш къонахаллин.

Къам, кхиош тѐаьхъенаш,
 Јамаеш цараш,
 Схъадеъна хаьккина заманан дин
 Сийлахьчо бѐешершкахъ
 лардина дарах.

IV

Сийлахьчо бѐешершкахъ
 лардина дарах
 Схъакхаьчна къам. Цъханнах
 тешна ву со:
 Хъекъал ду амалан сиз ваханчо
 Делера хъалхара схъадехначарах.

Бѐешерийн хъекъал ду айдинарг къам
 Тахана Тийначу хѐордал а кѐорга,
 Ира, ша мокхазан берд санна Оргин,
 Лекха, ша ма-барра къоьжа Башлам.

Темашкахъ толаме цуо кхачош хийла,
 Бѐешершкахъ доь доцуш
 ца долуш чекх,
 Цъханна а ца децаш, лай хилла гийла,

Вайн къомо бина шен кхолламан некъ.
 Цъханна а къар ца луш,
 гѐорасиз хилла,

Латтанаш бухдийларх
ца доккхуш чекъ.

V

Латтанаш бухдийларх
ца доккхуш чекъ,
Кхии къам, амалан сиз дехна – собар,
Сихдинчу гуллакхийн тлаъхье,
ша огар
Санна, ца къахъяйта,
нах къахккал шех.

Собаро бохамех нохчий ларбора,
Мел хала киртигаш хиттарх а тле,
Мацалла, ун даржарх, я тлеман це,
Ницкъ лора царна цо боха ца боха.

Миччахъ а меттамотт билгала барх,
Урартухъ, Миттанехъ
шен таппаш тухуш,
Я деньеш азнашца Башломан тарх,

Даима баккхийчийн даше ладугуш,
Кхийна къам, сих ца луш,
кхерам хиларх,
Стигланаш тлеелхарх, доха ца духуш.

VI

Стигланаш тлеелхарх, доха ца духуш,
Даъхна къам, хлор йолах
Чинглаз кхиош,
Хлор кантах – къонаха,
лардан шен дош,
Цкъа а ца човхош, я члогла ца тухуш.

Цундела дехний-те стогаллин сиз
Амална, туркх хилла ваханчо Деле?
Ладегний цундела муьлххачу кхиэле,
Баьрнеглар ца тухуш, я глорасиз

Ца хуьлуш? Кхийний-те
бакъ къонахий
Стогаллах цкъа а цханхъа ца бухуш,
Маршонан тлемашкахъ Iенадеш ций?

Тешаме хиларна массара дуьйцуш,
Вайн къомо некъ бина, наха деш сий,
Шен дахар дикачу гуллакхех дуцуш.

VII

Шен дахар дикачу гуллакхех дуцуш
Хилла къам, Везачо кхин цъа сиз луш:
Хъаша-да тлеэцар деца долуш,
Деган комаьршалло иза тлеузуш.

Хъешана уггаре тоьлларг длалуш,
Кийча вайн хилла нах хъаша тлеаца:
Оти-чохъ, мотт-глайба, синкъерам,
кхача,
Цуьнгахъ я беркат, я Делан стаг гуш.

Добзалхочул члогла ларвина хъаша
Хусамдас, валарх а ца волуш шек,
Тлаъхьенна це юьтуш хлор а шех ваша.

Хъешаша диканиг даржадеш шех,
Вайн къомо, хъагI-хьунан яшаеш аша,
Бина шен кхолламан хъанала некъ.

VIII

Бина шен кхолламан хъанала некъ
Вайн къомо, АллахIа шена луш
тешам,
Цунна ца хилийта дахарехъ эшам,
Ша тешар лулахойх, лулахой-шех.

Вешина санна, шен дуйн доттагIчунна
Даим а тешаме хилла нохчо,
Улло длахIоьттина тламехъ вахчо,
Эшначохъ са а шен дIадала цунна

Даьржина дийцарш дIа вайн тешамах,
Дуьненан ерриг а маьгех
чекхдуьйлуш,
Нохчашна тлейзош тешаме нах.

Тахна а бу тешам иллешкахъ буьйцуш.
Даим а ницкъ оьцуш доттагIаллах,
Кхийна къам, лаьмнаша шайн
мара къуьйлуш.

IX

Кхийна къам, лаьмнаша шайн
мара къуьйлуш,
Вайн Дала нохчашна амал луш ша.
Говзаллаш еллийца шен комаьрша
Ницкъ болуш хилийта,
балхо сий уьйлуш.

Цундела муълхха а болх-г1уллакх дан
Говза бу нохчийн нах

кхолларан шовкъехь –

Ц1енош дан, бай аха,

Илманан новкъахь

Кхиамца муълха а талламаш бан.

Цундела г1еметта х1иттадо бераш
Нохчаша, х1оранна говзалла лой,
Хилийта даим а къахьегарх бешаш.

Эшаеш балхаца г1елой, халой,
Мукъачу хенахь, шашь
кхиййна дезаш,
Хотешкахь, тархаш т1ехь
хьийзадеш дой.

X

Хотешкахь, тархаш т1ехь
хьийзадеш дой,
Кхиьна дай, ловзаршкахь
хьуьнарш а къуьйсуш,
Дегнаша хаьржина мехкарий
кхуьйлуш,
Кхаа дийнахь юьртана х1оттадеш той.

Куц-кепе хилла уьш,
мехкарий, к1ентий,
Болуш шайн верта, топ,
шаьлта, тур, дин.
Доттаг1ий, тешаме ца хиллал кхин,
Цъханне а ца гойтуш осаллий, к1едий.

К1еззиг ца хиларна шайн лаьттанах
Катоха лууш берш,
герз маракъуьйлуш,
Баьхна бу даим а вайн нохчийн нах;

Кхерамах, борз санна,
г1уллакхе буьйлуш,
Мацалло г1елбича, ял еш цунах,
Хьогалло б1арзбича,
шийла тхи муьйлуш.

XI

Хьогалло б1арзбича,
шийла тхи муьйлуш,
Леллехь а, мел барехь хилла дайн ирс.
Амална дехарна адмаллин сиз
Туркхо, ша Делаца къамеле вуьйлуш.

Нохчочо, рицкъ лобхуш, хьанала къа
Хьегна, шен ирс лобруш

даим къинхьегам,

Цундела амалца хилла къинхетам –

Мисканиг ца витна ша цкъеллиг –

цкъа.

Г1ийланиш х1иттийна хийлазза кога,
Саг1а лой комаьрша, я закат дой,
Царна т1ех ца тухуш, дош аьлла шога,

Цахьожуш ша динарг цхьанне а гой,
Бераш а, г1иллакхаш дайн долуш ч1ог1а,
Кхиййна, сов лоруш маршой, нийсой.

XII

Кхиййна, сов лоруш маршой, нийсой
Вайн къомо комаьрша шен
чкъураш хийла,
Стогалло ницкъ а луш
зерех чекхдийла,
Ткъа рицкъа – адмалой, къахьегарой.

Амалан кхин а цхьа сиз
вайн Деле дехна
Туркхо – Даймахкана муьт1ахь хилар,
Даймохкий, дай-наний ларарца лар
Дахарехь йита некъ нохчочо лехна.

Цундела Даймахке шен безамах
Ницкъ оьцуш, хилла и
дика чекхвуьйлуш,
Муьлххачу а зерах, лоллах, т1амах.

Цундела ду вайн къам
иллешкахь дуьйцуш
Тахане схьадеьнарг, ца деш сий лах,
Иманехь, исламехь даим садуьйлуш.

XIII

Иманехь, исламехь даим садуьйлуш
Тахана къаьсттина вайн адмаш ду
Дахарехь дубхььара са деьна чу,
Бакъйолчу маршонан аьхна
х1уо муьйлуш.

И йоккхуш т1амех чекхдийлина ду
Нохчийн къам т1аьххьарчу
пхеб1ешерашкахь,

ХИаллакдеш, ца дутьгуш
                   даха лаьмнашкахь,
 Дуккханнийн шайн а дIадайна хIу.

Хиллехь а ша, махках дохуш, даржийна
 Хийлаза къизаллой, ницкъой, тIамой,
 Халкъо дегйовхонца тIаьхье кхиййна,

Гиллакхаш дIакхехьа весет а дой,
 Деза вай уьш лардан ваьш
                   мел ду дийна –
 Нохчийн къам ду тахна изий,
                   хьой, сой.

XIV

Нохчийн къам ду тахна изий,
                   хьой, сой
 Цъааллехь бен цкъа а онда хир доцуш,
 Барт чIагIбеш, нийсонан
                   новкъа сьхьадогIуш,
 Кхолларан шовкъехь гуш дахаран той.

Вайн Далла къастийна стогалла елла,
 Къар ца луш, дуйхьала хIотгарх а лам,
 КIад ца луш, мохк хазбеш,
                   хийцош ду къам,
 Каде я хьекъале хир доцуш шел а.

Тешамо доттагIийн ларам совбохуш,
 Оьздачу гIиллакхех синбIаьвнаш еш,
 Ийманан, исламан нур шена догуш.

Керлачу кхиамийн ша хуьлуш теш,
 Дехар ду нохчийн къам,
                   ирхенаш йохуш,
 Йина шен Даймакках бIаьстенан беш!

XV

АллахIа дуйхьара кхоьллиначарах,
 Абадехь дахийта болуш лаам,
 Ду тахне сьхьакхьачна
                   вайн нохчийн къам
 Сийлахьчо бIешершкахь лардина дарах.

Латтанаш бухдийларх,
                   ца доккхуш чIекъ,
 Стигланаш тIеелхарх, доха ца духуш,
 Шен дахар дикачу гIуллакхех дуцуш,
 Бина цо хьанала кхолламан некъ.

Кхийна нах, лаьмнаша шайн
                   маракъуйлуш,
 Хотешкахь, тархаш тIехь
                   хьийзадеш дой,
 Хьогалло бIаьрздича,
                   шийла тхи муьйлуш.

Кхиина сов лоруш маршой, нийсой,
 Ийманехь, исламехь даим садуьйлуш,
 Нохчийн къам ду тахна изий,
                   хьой, сой.

Дарья Шомахова

Родилась 29 августа 1988 г. в городе Майский Кабардино-Балкарской АССР. В настоящее время живет в Нальчике.

Окончила Институт филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова в 2009 г. Работала внештатным корреспондентом газеты «Советская молодежь», с декабря 2009 г. – корреспондент журнала «Итаго», а с февраля 2010 г. – редактор-режиссер в ОАО ОРТК «Нальчик» (НОТР «Нальчик»), помощник председателя Комиссии по вопросам культуры и средств массовой информации Общественной палаты КБР, референт вице-президента Международной академии творчества. С 2010 г. член Союза журналистов России.

В сентябре 2010 г. участвовала в 3-м Советании молодых писателей республик Северного Кавказа, Южной Осетии и Абхазии. По его результатам повесть «Город/Лес. Мир Ста Городов» включена в сборник «Новые писатели».

Миниатюры**Осенний лист**

Он остался один на этом дереве, но все еще держался за ветку. Ветер упорно трепал его, но лист не сдавался. Он смотрел вниз на осыпавшихся и растоптанных товарищей – некоторые из них сдались сразу, отпустили ветку и красиво спланировали на землю, некоторые боролись, подобно ему. Но все в итоге оказались внизу. А потом пришел человек с метлой и сгреб их всех в одну большую кучу прямо под деревом. Лист понимал, что и его постигнет та же участь.

Он очень устал, он чувствовал, что еще немного, и он не удержит ветку. Он испугался и от этого стал немного сильнее, держался еще несколько часов, но потом усталость победила, и он, печально кружась, упал вниз, на кучу своих собратьев.

Листья радостно приветствовали его, расспрашивали о том, как чувствует себя их дерево, о том, что делается вокруг, но он не мог ничего им ответить. Он так старался удержаться на ветке, что не замечал ничего вокруг. Когда остальные листья это поняли, они разочарованно замолчали. Кое-кто даже отвернулся от него. Зачем так цепляться за то, чего не можешь оценить?

Впервые за долгое время ему не нужно было судорожно держаться за ветку. Он расслабленно грелся на солнышке, слушал шелест соседей, которые уже простили ему его невнимательность и даже изредка перекидывались с ним парой слов. Самые нижние листья жаловались на влажность. А верхние, лежащие рядом с ним, постепенно из сочных красно-желтых становились сухими, коричневым, ломкими.

Ему часто снилось то время, когда он был еще совсем тонким светло-зеленым листиком, едва развернувшимся из почки. Тогда его восхищала каждая мелочь. Он с удовольствием вдыхал воздух, впитывал солнечное тепло, умывался каплями дождя. Тогда он думал, что будет жить вечно. То были светлые и безмятежные сны.

Однажды он резко проснулся от тревожного шелеста соседей, прислушался. Листья говорили, что пришел человек. Тот самый, что собирал их в кучу. Они боялись его. Человек начал сгребать их в большой мешок, но они сопротивлялись, пытались бежать. Кто-то сумел уйти незамеченным.

Лист оказался в самой глубине мешка. Там были листья и с другого дерева. Они тревожно шептались. Лист услышал, как они говорят о большом огне, но ничего не понял. Потом вдруг он услышал истерический смех и вопли одного из этих, как он сразу назвал их про себя, чужих листьев. Чужой лист кричал, что всех их ждет гибель в языках пламени, и никто не избежит ее.

Он не поверил. Не может его жизнь вот так закончиться. Однако, когда их стали вытряхивать в дымящуюся кучу догорающих листьев, он понял, что безумец был прав. Здесь их ждала неминуемая смерть. Кто-то совсем рядом плакал навзрыд, кто-то прощался, кто-то проклинал людей. Он же вдыхал дым, исходящий от тлеющих тел его собратьев, и ожидал своей очереди. Он понимал, что это конец, и не собирался уподобляться окружающим. Он хотел уйти красиво, пусть даже никто этого не увидит и не сможет оценить.

Вдруг поднялся ветер. Его подхватил холодный поток воздуха и понес прочь от этого места. Сколько он летел? Час? День? Год? Он видел, как удаляется костер, он взмыл над печальными голыми деревьями, которые, казалось, махали ему ветками на прощание. Он долго кружил над городом, чтобы потом опуститься на небольшой островок жухлой травы в каком-то нелепом дворике. Там он лежал, бессмысленно глядя в небо, думая о своих погибших товарищах. Его поливал дождь, грело солнце.

А потом вдруг прямо над собой он увидел лицо. Он даже не успел испугаться. Его подхватили, встряхнули, стерли с него грязь. Он удивился, зачем. Ведь все равно будут жечь. Потом его положили во что-то прозрачное и шелестящее и куда-то понесли. Он твердо решил, что примет свою участь, что бы его ни ждало.

Когда к нему присоединилось еще несколько листьев, он долго присматривался к ним, не желая заговаривать первым. Так они и молчали, пока их не стали вытаскивать и раскладывать на чем-то теплом и гладком. Он вдруг осознал, что это мертвое дерево. Его пронзил ужас. Что могло ждать его тут? Если люди могут сотворить такое с огромным деревом, то, что же ждет его – маленького и беззащитного?

Вместе с другими листьями его отмыли и разложили просушиться. Затем его надолго заточили в чем-то твердом и пахнущем мертвой древесиной, тленом. Он чувствовал, что за тонкими перегородками есть и другие листья. Он попытался с ними заговорить, рассказать о своей судьбе, но большинство из них ничего не слушали и несли полную околесицу. Видимо, их рассудок не выдержал тех испытаний, что выпали на их долю. Те же, кто мог хоть что-то связно рассказать, были слишком далеко, их невозможно было слышать из-за постоянного бормотания сумасшедших листьев.

Он не знал, сколько он провел в этом плену, но вдруг его вытащили, подставили под яркий свет, повертели в разные стороны, а после этого закрепили на чем-то белом, от чего шел тот же едва уловимый запах тлена, что и от его тюрьмы, и придавили чем-то прозрачным. Он долго висел так в темноте. Когда загорелся свет, он увидел множество маленьких людей, которые тыкали в него пальцами и что-то царапали на белых прямоугольниках.

Со временем он понял, что его не будут жечь, привык и почти перестал бояться. Ему даже стали нравиться эти маленькие люди.

Он по-прежнему часто вспоминал о своих погибших товарищах, жалел их.

И радовался, что спасся.

Белый

Я держала ее за руку (варежка в варежке – так трогательно...), и мы шли по центральной улице снежного города, болтая ни о чем. Мелкие редкие снежинки медленно падали с неба. Казалось, что они то ли стеснялись друг друга, то ли просто не собирались сегодня падать вниз, но вот что-то случилось, и им пришлось. Она что-то рассказывала о совершенно не знакомых мне людях, я невпопад комментировала, но это не имело совершенно никакого значения.

Вдруг она замолчала на полуслове. Мы остановились. Я обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело. Ее взгляд был прикован к витрине магазина. В стекле отражались мы в одинаковых полосатых шарфах, концы которых свисали почти до пола, с одинаковыми оранжевыми меховыми сумками через плечо. Я склонила голову набок. Забавно.

За стеклом на нездорового цвета безголовых (обезглавленных?) манекенах как-то немного обиженно висели пышные белые платья.

– Знаешь, сестренка, я вдруг подумала, что хочу замуж, – сказала она.

– Так вот прямо вдруг, – усмехнулась я.

– Ну да, вдруг. Белое платье... фата... туфли... карета... Страшно хочу ехать с женихом на белой карете! Так хочется сказки!

– Главное, чтобы в этой сказке не появилось тыквы, – съехидничала я. Она не обратила на эту реплику внимания. Такая уж у меня сестра. Не обращает внимания на мелочи.

– А что ты будешь делать после свадьбы? – не унималась я.

– Как это что? – искренне удивилась она. – Буду хорошей женой! Буду каждый день печь мужу что-нибудь вкусное...

– Слушай, да ты ведь готовить совсем не умеешь, – рассмеялась я. Она улыбнулась в ответ. Люблю эту улыбку с ямочкой. – А единственное, что ты умеешь делать с тестом – покупать хлеб в магазине через дорогу. Это, конечно, если не считать поедание того, что печет бабушка.

– Но ведь и ты на вопрос «Что ты больше всего любишь делать по дому?» – всегда отвечаешь «Ходить!»... – беззлобно хихикнула она.

– Так я и замуж не хочу, если ты заметила...

– Ай, да я что-то тоже уже не хочу, – махнула она варежкой в сторону сутулой манекенши и подмигнула мне.

Я пожалала плечами, и мы побрели по нетронутому снежному газону, оставляя за собой две неаккуратные цепочки косолапых следов.

Желтый

*Пока ты желтая...
5'nizza*

Я уже давно брожу здесь – меж высоких деревьев – наблюдаю за тем, как течет сквозь них время. Как опадают листья. Как покрываются инеем и снегом ветви. Как набухают почки. Как появляются новые листья. И как они вновь опадают.

Иногда мне кажется, что души этих деревьев бродят по парку вместе со мной.

Порой думаю, что единственный способ заставить человека посмотреть на небо – это перевернуть его вверх ногами, чтобы он видел это небо при ходьбе. Может, так он снова научится любоваться облаками, считать звезды, мечтать о желтой осенней луне... и даже увидит на ней лунного кролика, пекущего рисовый пирог...

Смотрю в окно на желтую смерть – сегодня она как-то особенно хороша. Вспоминаю тебя. А рок-певец, взявший себе имя самой известной блондинки

прошлого века, поет, что точно знает, что завтра обратится в грязь, или тут уместней перевести «в прах»?.. «Зачем так торопиться?..» – думаю я. Он отвечает: «Сегодня я точно знаю, что я грязь». До чего оптимистично...

Ускорила шаг – за мной гонится привидение из очередных развалин. Оно стучит желтеющими листьями деревьев и, ухмыляясь, машет мне рукой. «Зря бежишь, все равно ведь догоню», – звучит у меня в голове. Схожу с ума? Греющаяся на солнышке бродячая собака осуждающе на меня смотрит... кажется, она бы покрутила пальцем у виска, если бы могла...

Смотрю в туманную даль. И мне, близорукой, кажется, что навстречу идет она – в балахоне и с косой – и задумчиво ворошит ногами опавшие листья. Мелькают белые костлявые щиколотки. Наверное, надо поздороваться. Поравнявшись с ней, киваю. Кажется, она улыбается в ответ. Хотя в ее случае этого нельзя утверждать наверняка. Проходит мимо. После нескольких томительных секунд сомнений я оборачиваюсь. Аллея пуста. Лишь ветер продолжает ворошить опавшие листья.

Иду по желтым сухим листьям, нанизывая их на шпильки полусапожек – знаешь, как забавно потом смотрятся такие вот каблучные канале...

Пуговицы моей новенькой, буквально вчера дошитой шинели бронзово блестят, мечтая о союзе с солдатским ремнем, который мне обещал привезти из армии одноклассник. А я хмурюсь. Мне все кажется, что ты не вернешься ко мне. От этих слов мороз по коже.

Солнце слепит глаза. Листья дерева, что за моим окном, ухмыляются наглой желтизной. Они, видимо, знают что-то, чего не знаю я. Ну и Будда с ними, если честно. Хочется, чтобы пошел дождь. Обычно после дождя у этих листьев гораздо менее довольный вид, будто они начинают осознавать, что их существование подходит к концу.

Выйду на улицу, обойду здание, чтобы подойти к этому самому дереву, и буду топтать осыпавшихся собратьев этих желтых насмешников... пусть видят... может, это поубавит им нахальства?..

Предпоследние конвульсии уходящей осени. Листья, уже не желтые, а сухо-коричневые, ворчливо переворачиваются под ногами. У реки сквозь бетонные плиты, поросшие мхом, напоминая растительность из мультфильмов про Алису Селезневу, проросли пока еще слабые деревца. Хотя нет, вон там уже вполне матерые алыча и тутовник. По берегу бежит рыжий котенок.

Если не оборачиваться назад – на многоэтажные дома микрорайона «Дубки» – начинает казаться, что ты в заброшенном городе. Замысловатые бетонные обломки того, что когда-то укрепляло берега, здесь лежат Стоунхенджем, там – истуканом с острова Пасхи. Я сижу, свесив ноги, на миниатюрной копии Пизанской башни.

Двести лет после полного исчезновения людей с лица земли. Наверное, неплохое будет время. Жаль, что не увижу этого...

Может, осень тогда делается желтее? Может...

Голубой

Первые числа февраля. Ночью прошел дождь. А утром светило солнышко... самое обычное начало конца зимы.

Ярко-голубое небо отражалось в мокром асфальте, конечно, не как в зеркале, но этого отражения было достаточно, чтобы казалось, будто машина едет по неровному голубому шелку. Светящаяся голубая лента, обрамленная кучами грязи и мешками мусора, который жители частного сектора выносят к дороге, чтобы мусорщикам было легче его собирать.

– А ты не пишешь стихи? – спросил водитель Василий.

– Нет, – я тряхнула головой. – Почему спрашиваешь?

– Мне кажется, ты должна писать их.

– Должна? Кому? – не особенно остроумный ответ, но для семи утра сойдет.

– Никому...

– Вот я так думаю – никому.

– Просто мне кажется, у тебя получится. Вот прям смотрю на тебя и думаю: она поэтесса.

– Мне это уже говорили. Но стихов я не пишу.

Василий разочарованно наморщил нос.

– Не кривляйся. Морщины раньше времени появятся.

Ответа не последовало. Я на это и рассчитывала, если честно.

Небо больше не отражалось в асфальте. Он был покрыт инеем и грязью. Грязно-белый вместо глянцево-голубого. Неудачная замена.

Машина остановилась, я вышла. Поскребла носком сапога асфальт, но волшебного голубого шелка под этим ужасом не обнаружила.

Пришлось пожать плечами и сесть обратно в машину.

– Никак не помирюсь со своей девушкой, – ни с того ни с сего объявил Василий.

– А ты стараешься? – из вежливости спросила я.

– Ну, да.

– Значит, или плохо стараешься, или скоро помиришься.

– Она в позу встала... мол, я ей якобы изменил, и она меня теперь видеть не хочет.

– А ты не изменил?

– Ну... не то, чтобы... как тебе сказать... – мялся водитель.

– Послушай, тут есть только два варианта ответа: а) да; б) нет. Выбирай.

– Это для меня ничего не значило!

– Значит, да. Давай я не буду вести заумных бесед о том, что женщина вкладывает в слово «измена», а что мужчина. Просто представь, ты пришел домой и говоришь: «Милая, ты мне изменяла?». Она отвечает: «Ну, спала пару раз с Леней из 42-й и Петей из 35-й, но это для меня ничего не значило!». Что скажешь на это?

– Убью! Всех троих! – потупился Василий.

– Ну вот. Дальше и говорить ничего не надо, да? А то, что она в позу встала – ничего страшного.

– Как это?

– Постоит немного и успокоится... устанет, присесть захочет, прилечь, быть может... а ты ей диванчик поудобней предложи. А пока пусть стоит в своей позе, не мешай. Может, она там очень удобно встала, а ты лезешь.

– Так мне совсем ничего не делать? – удивился Василий.

– Как же ничего? Будь хорошим и извиняйся по мере возможности, – я посмотрела на его озадаченное лицо и отвернулась к окну, давая понять, что хочу посидеть молча.

То, что открывалось за окнами автомобиля, было самым настоящим миром стимпанка: строения из красного кирпича, грязный снег, темные, дымящие трубы. Я все ждала появления какого-нибудь джентльмена в цилиндре и с тростью под ручку с дамой в корсаже... Не дождалась. Даже кареты или самого завалящего дирижабля – и тех не дождалась...

Зато нашла какое-то жутко футуристическое строение заводоподобного типа. Претенциозно, но безобразно... так часто бывает в жизни: хочешь сделать нечто из ряда вон выходящее – получается: оно из этого ряда выходит настолько вон, что сил никаких не остается. А проку – ноль.

Еще, если кому-то до сих пор хочется отомстить за Цезаря, я нашла его убийцу. Ну, или, во всяком случае, обнаружила, что, если верить дорожным указателям, он проживает где-то неподалеку.

Я все искала голубую ленту под колесами автомобиля. Но она исчезла. Может, Брут утащил? От него каких угодно подлостей можно ждать.

– Ты чего так тарачишься в окна? – с усмешкой спросил водитель. – Из

города никогда не выезжала что ли?

– А что мне – на тебя таращиться? – ответить ему, видимо, было нечего.

Я ехала в другой город. Не так, чтобы слишком близко, но и не очень далеко. Дорога туда была сложной. Когда голубая лента оборвалась, в лобовое стекло кто-то заботливо бросил пару кило грязи. Дворники чудесным образом не справились со своей задачей. Сел туман. Нас окружили стены – темно-серая спереди и мутно-белые отовсюду. Туман вскоре рассеялся, а вот останавливаться и вытирать стекло вручную приходилось примерно раз в двадцать минут.

Недалеко от въезда в город мы увидели аварию. Две груды искореженного металла. Я даже не сразу осознала, что недавно это было автомобилями. И тела на обочине.

– Какой кошмар! – воскликнул водитель. Его руки, лежащие на руле, заметно дрожали. – Видимость нулевая... дороги ужасные! Да в такую погоду вообще ездить никуда нельзя!

Я не ощутила ничего. Ни страха, ни отвращения. А пораженный Василий еще долго говорил об увиденном.

«Странно, – подумала я, – может, на него это так повлияло потому, что он за рулем?»

Какое-то время мы ехали молча. Затем у меня зазвонил телефон. Мы остановились. Я вышла.

– Привет.

– Привет.

– Я приехала. Где встретимся?

– А где ты сейчас?

– Можно подумать, я знаю... стою на мосту, рядом табличка «р. Терек». Значит, мост через реку Терек, – знаю-знаю, мой могучий интеллект в очередной раз сработал на славу.

– Их в городе несколько... – легкая безнадежность в голосе.

– Тут еще кошки на обоих концах моста стоят. Желтые, если тебе это поможет. И дядька такой большой на коне чуть поодаль.

– Хм... – раздалось в трубке. – Никуда не уходи. А то заблудишься.

– И не собиралась. Если учесть, что я в незнакомом городе, я заблудилась прямо с порога.

Сам город показался мне игрушечным. Декорацией. Будто его здесь не было до моего приезда и не будет после. Людей на улицах почти не было. Мы ходили, держась за руки. Мне казалось, что если я в следующий миг неаккуратно дотронусь до чего-нибудь, оно непременно рассыпется. Сплошная бутафория и постоянные опасения, что меня сейчас погонят с чужой сцены, придавали прогулке такой закулисный шарм, который словами не передашь.

Мы были в кафе. Я толком не помню его. У меня так часто бывает. Вот вроде только что сидела где-то, говорила с кем-то, смотрела на что-то, а припомнить детали не могу. Иногда даже думаю, что дымка, которой покрыты эти смутные воспоминания о недавнем прошлом, не из моей памяти произрастает. Думаю, я просто все именно так и вижу – через дымку. То есть замечаю нечто, а все остальное само по себе, совершенно без моего участия затягивается ею. Помню, что кафе было через дорогу от тюрьмы, что за соседними столиками сидели люди в форме. Помню, что мысленно назвала все это «Завтрак с видом на СИЗО» и очень радовалась этой аллюзии. И все.

Мы навестили библиотеку. Точнее, библиотекарей. Очень милые люди.

В библиотеке был ремонт. Был, есть и будет. Если есть в жизни больших государственных плохо финансируемых строений что-то непреходящее, то это ремонт.

Все время, бродя по улицам, я вглядывалась в тротуары, дороги, даже в газоны. Мысленно звала: «Голубая лента, вернись!». Она не отзывалась.

– Встретилась с тем, с кем должна была? – спросил Василий.

Я кивнула головой и что-то промычала, стараясь звучать радостно. Я и была радостной. Но быть и звучать почему-то совершенно не зависящие друг от

друга вещи.

Дорога обратно лично мне показалась легкой. Я не испытывала напряжения. Казалось, что я сижу в неподвижном авто, а мимо кто-то пронесит ночной пейзаж.

Фары выхватили из темноты дорожный указатель «Иран 2» со стрелкой влево. Я тут же представила себе коренных иранцев, живущих в желтоватых каменных домах, добывающих нефть и природный газ, отсылающих их каким-то неведомым мне способом в Турцию... или еще куда-нибудь.

– Если бы было светло, я бы заставила тебя остановиться и сфотографировать меня у этого указателя.

Водитель лишь философски хмыкнул. Начинает привыкать к моим причудам.

– А еще на кладбище съездили бы.

Водитель хмыкнул еще раз. Вот только философского смысла в этот звук вложил куда меньше. Так мне показалось.

Я смотрела в темноту. Казалось, вот – заканчивается пространство автомобиля, участки, освещенные фарами, и начинается ничто. Если подумать, нас тут даже не двое – я и водитель. Мы сидим рядом, но мы ведь едем совершенно по отдельности. Каждый сам по себе и наедине с этим «ничто».

Так мы и живем – каждый в своей темноте. У каждого свой параллельный или перпендикулярный другим мир, своя ниша. В ней нет других людей.

Но иногда между нами вспыхивают цепочки. Сидишь один, и вдруг звонит телефон. В твоей темноте появляется кто-то. Будто фары выхватили что-то из тьмы вдоль ночной трассы. Разговариваешь, кладешь трубку. Тот, кто звонил, постепенно исчезает из твоей темноты – цепочка медленно гаснет.

Каждый из нас живет в собственном отдельном мире. Эти миры соединяются, только когда мы видим или слышим друг друга. В другое время нас нет. Или, скорее, нет никаких доказательств того, что мы на самом деле есть.

«Иран» – существует ли это место? Или оно есть только в моем воображении? Может, и указателя этого нет? Может, услужливое мироздание подсунуло его мне, чтобы это место появилось. Я вообразила себя демиургом. Увидела надпись на дорожном указателе «Иран 2», вообразила, что это за село Иран, как там живут люди, чем занимаются, и оно появилось.

– Вот так и сходят с ума, – сказала я.

– Ты чего? – не понял Василий.

– Просто прочитала то, что написало мне мироздание на твоём лобовом стекле...

– Точно спятила. Там нет ничего, – усмехнулся водитель.

– Ты просто смотришь не так, – я пожалала плечами.

Вдруг прямо перед машиной вспыхнуло что-то голубое. Водитель резко затормозил. Я вышла, не сказав ему ни слова, ступила на голубую ленту, вытянувшуюся до горизонта, и пошла по ней, не оглядываясь.

Небо отражалось в мокром асфальте, и оттого он делался похожим на неровный голубой шелк. Я шла по этому шелку, отмеряя идеально ровные шаги, и любовалась. Боковым зрением я едва различала мешки с мусором, сложенные вдоль ленты. В левой руке я ощущала чью-то руку. Я догадывалась, кто это, но не поднимала голову, чтобы удостовериться. Мне было достаточно этой догадки и голубого шелка под ногами.

ФИОЛЕТОВЫЙ

Утром меня разбудила смска с неизвестного номера. Собственно, это даже стопроцентным утром еще нельзя было назвать. Сквозь узкую щель в плотных шторах виднелось едва-едва начинающее сереть небо. Телефон завыл Кентервильским привидением и зажужжал. В смс было написано: «Конец света

будет фиолетовым». Счастье-то какое...

Ближе к одиннадцати позвонила подруга. «Фио-фиолетово, фио-фиолетово-черный», – запел мой телефон таким родным голосом солиста группы «Пикник». Про черный в смс ничего не говорилось!..

– В три часа жду тебя в нашем кафе на углу! – безапелляционно заявила подруга и повесила трубку.

Немного позже в дверь позвонили. Я открыла и увидела на пороге двоюродную сестру.

– Вот, посмотри, пожалуйста, – без всяких вступлений сказала она, едва войдя в прихожую, и протянула мне несколько листов А-4, исписанных фиолетовым острым угловатым почерком. – Почитай и скажи, сможешь помочь?

– «Фиолетовый великан брел по полю, заросшему фиолетовой травой. В фиолетовом небе фиолетовые тучи затягивали фиолетовое солнце...» – да что за бред такой?! – возмущилась я.

– Преподша в универе дала задание перевести это на французский, – проворчала моя младшая сестра, ковыряясь в носу безымянным пальцем. Интересно, удобно? – Ты дальше читай.

– А что? Там есть что-то интересное? «Фиолетовый великан стал собирать букет, педантично раскладывая фиолетовые цветы по оттенкам. Изредка на его фиолетовом лбу появлялась морщинка (ну, по логике вещей должно быть «фиолетовая морщинка»), и он отбрасывал непонравившийся цветок в сторону – слишком фиолетовый!» – мне даже комментировать не хотелось. Там было еще страницы три этого фиолетового счастья. В самом конце текста было написано: «Как известно, фиолетовый мир – плоский мир. Фиолетовый великан пришел к фиолетовому концу мира и бросил свой (фиолетовый!!!) букет в фиолетовую неизвестность...».

– Поможешь перевести? – сестренка состроила глазки рыжего кота из мультфильма про зеленого великана. Стоп, к чему эти цветковые эпитеты? Неужто это заразно? Я нехотя кивнула. Не буду оставлять ребенка наедине с этим фиолетовым безумием.

Освободилась я как раз к тому времени, когда было уже давно пора бежать в кафе.

Выйдя из квартиры, уперлась взглядом в перила лестницы. В фиолетовые перила. Кому понадобилось красить перила в этот дурацкий цвет? На улице соседская девчушка что-то увлеченно рисовала цветным мелком на асфальте. Подойдя ближе, я обнаружила, что она рисует фиолетовую корову.

– Здравствуйте! – воскликнула она – девочка, не корова – и поправила перепачканной рукой очки на своем маленьком курносом носике, мгновенно окрасившемся в фиолетовый. – Посмотрите, какую я корову нарисовала!

– А почему она такого цвета? – осторожно поинтересовалась я.

– А какого же еще? – искренне удивилась девочка. Ну, конечно... какого цвета быть корове, если не фиолетового?..

Подруга уже ждала меня за столиком кафе.

– Ты знаешь, Даш, нам такого забавного новенького вчера привезли! – сквозь смех сказала она.

– Лен, я тебя умоляю... когда к вам в отделение в последний раз поступал не забавный новенький? – спросила я, задумчиво рассматривая фиолетовый крем на только что принесенном надменной официанткой лимонном пирожном. – Девушка, а что с цветом крема? И почему кофе больше напоминает чернила?

– У нас фиолетовая неделя. Блюда, отмеченные в меню галочкой, идут по пятидесятипроцентной скидке и в них обязательно должно быть что-то фиолетовое.

Я начала было недовольно бурчать, но потом решила, что от добра добра не ищут. К тому же это еще и экономия. Официантка выжидающе смотрела на меня, барабая по столу темно-фиолетовыми наманикюренными ногтями. Я улыбнулась ей как можно приветливей и поинтересовалась, какого цвета будет следующая неделя. Вместо ответа она вытащила из кармана ярко-алый лоскут

ткани, помахала им перед нашими носами и ушла, виляя тем, что притягивало взгляды мужской половины посетителей, с особым достоинством, присущим исключительно надменным официанткам.

– Да ну, – отмахнулась подруга. – Этот – совершенно не похож на остальных.

– И? – пришлось делать вид, что мне, и правда, интересно.

– Он предсказывает фиолетовый конец света!

– Каждый второй псих... – начала было я и осеклась. – Что? Какой-какой?

– Фиолетовый, – подруга оторопело уставилась на меня, явно не понимая, с чего такая перемена настроения.

– Меня сегодня с утра преследует этот цвет... На вот, почитай, – я протянула ей листки, которые утром получила из рук сестры.

– Как похоже на то, что говорит наш пациент! – радостно заявила подруга.

– В смысле? – осторожно спросила я.

– В смысле, тоже ахинея полная. И тоже все фиолетовое!

– Слушай, мне еще и сообщение странное утром пришло...

Подруга начала смеяться, как сумасшедшая. Нехорошее сравнение, если принимать во внимание место ее работы...

– Знаешь, этот новенький украл ночью мою записную книжку и мобильник нашей санитарки. А обнаружилось это лишь утром. Так что ты познакомилась с ним еще до того, как я тебе о нем рассказала, – веселилась подруга. А мне что-то было совсем невесело. День-то все равно бессовестным образом офиолетовлен!..

Распрощавшись с подругой, я решила пройтись по магазинам. Вдоволь налюбовавшись фиолетовыми предметами гардероба, в изобилии висящими в каждом уважающем себя магазине, я решила, что мне все глубоко фиолетово и пора возвращаться домой.

«Фио-фиолетово, фио-фиолетово-черный», – загадочно сообщил мой карман.

– Алло.

– Ты сделала мне перевод?

– Да. Можешь зайти.

– А ты сейчас дома?

– Через пять минут буду.

– Уже бегу. Кстати, тебе папа диск передал.

– Да? Какой?

– «Deer Purple», – последовал ответ.

Я натянуто улыбнулась и поблагодарила.

Черный

Эту историю следовало бы начать словами, которые здорово отдают детской «страшилкой»: «В одном черном-черном городе была черная-черная улица. На этой черной-черной улице был черный-черный дом. В этом черном-черном доме жила черная-черная старуха». Но я, пожалуй, начну иначе.

В обыкновенном южном городке, название которого не имеет особого значения, была самая обыкновенная улица, упирившаяся в кладбище (так и хочется сказать «в самое обыкновенное кладбище», но я отчего-то плохо себе представляю, какое кладбище можно назвать обыкновенным, а какое – нет). На этой улице было множество почти идентичных многоэтажек. В одной из этих многоэтажек жила одинокая старуха.

Никто не знал, были ли у нее дети, внуки или хотя бы дальние родственники. Она не общалась ни с кем из соседей, очень редко и мало кому отвечала на приветствия, все время носила только черные мешковатые балахоны с такими длинными рукавами, что из них не было видно даже кончиков пальцев. Ее абсолютно белые седые волосы были всегда собраны в аккуратный пучок.

Когда ей казалось, что на улице слишком холодно, слишком светло или слишкомлюдно, она набрасывала на голову капюшон. То есть она ходила в капюшоне большую часть времени. Как следствие, никто толком не видел ее лица.

Думаю, не надо уточнять, что ее очень боялись дети. Да и не только дети.

Кто-то рассказывал, будто видел, как в темноте в ее глазах горят красные огоньки. Кто-то утверждал, что видел ее ночью бредущей в сторону кладбища с лопатой, а потом возвращающейся с каким-то мешком. И все слышали, как в ее квартире что-то все время скребется в двери, а иногда и издает странные вопли.

Однажды к подъезду, где она жила, подъехало невероятных размеров такси. Очевидцы позднее скажут, что даже само такси было очень подозрительным и зловещим. Такси было черного цвета, что, согласитесь, встречается, как минимум, редко. Стекла его – в том числе и лобовое – были тонированы глухим черным цветом. Невидимый (из-за тонировки) водитель посигналил. Этот звук напоминал скрежет металла по стеклу.

Через пару минут вышла она (надо сказать, что у свидетелей приезда этого автомобиля изначально не было никаких сомнений по поводу того, к кому он приехал). Водитель, одетый во все черное, вышел из машины и пошел открывать багажник. Они вдвоем долго возились под крышкой и, в итоге, начали кое-как вытаскивать какой-то длинный прямоугольный предмет, обернутый черной непрозрачной пленкой. Затем они подхватили его с двух концов – водитель с видимым усилием, старушка – будто кусок пенопласта – и занесли его в подъезд.

Привыкшие к странностям старухи соседи не придали бы этому эпизоду особого значения, если бы через пару месяцев все не повторилось с точностью до мельчайшей детали, будто водитель и старуха действовали строго по заученному сценарию.

***

Я поднималась по лестнице на шестой этаж и вдруг заметила, что одна из дверей – черная с цифрой 13 – была приоткрыта. Если задуматься, то на шестом этаже да еще и не в первом подъезде 13-й квартире делать нечего. Я посмотрела на номера соседних квартир – 57 и 59. До свидания, арифметика.

«Немного странно, но не более», – решила я про себя. И уже прошла было мимо, но тут меня подвело врожденное любопытство – оно схватило меня за шиворот и неумолимо потащило к двери. Мой нос, которой чаще слушается не меня, а именно мое любопытство, уже унюхал совершенно божественный запах выпечки, доносившийся откуда-то из глубины квартиры. Кое-как договорившись с носом и с собой, я начала пятиться от двери, но тут, видимо, подул ветерок, и она закрипела. Звук доносился, будто прямоком из фильма ужасов. Вдруг я услышала, как в темноте прихожей кто-то томно произнес: «Мао?» Не успела я удивиться, кто это тут вспоминает китайских вождей, как в полосу света вышла кошка. Черная. Когда животное плюхнулось на пол и начало гигиенические процедуры, я поняла, что это не кошка, а кот. А столь четко произнесенное слово «Мао», очевидно, было всего лишь его личным способом приветствия. Или же кот – ярый приверженец китайской версии коммунизма... Удивляться нечему. Еще и не такое в жизни бывает.

Потом кот поднялся, посмотрел на меня и направился туда, откуда так божественно пахло. Подумав пару секунд, я решила счесть это приглашением. Дверь за собой я закрыла, и в прихожей стало совсем темно. Так что я споткнулась обо что-то тяжелое, вскрикнула, не удержала равновесие, упала и очутилась... в гробу. Да-да я упала не куда-нибудь, а в большой, просторный и, справедливости ради отмечу, очень удобный гроб. Подо мной что-то зашевелилось и, с воплем явно кошачьего происхождения, выпрыгнуло из гроба.

Видимо, шума я подняла много, потому что тут же в прихожей появилась

хозяйка квартиры и включила свет. Я бы сказала, что она представляла собой классическую милую старушку, если бы не ее черное одеяние, крест на груди и выкрашенные в черный цвет ногти. Можете себе вообразить эффект от встречи с милой доброй бабулей, одетой как глава Департамента по защите прав готов. Прибавьте еще, что вы лежите у нее в прихожей в гробу, а она стоит над вами с огромным тесаком в руках.

– Ой, деточка, а я-то уже решила, что ко мне вор пожаловал... – сказала она. Я очень надеюсь, что сожаление в ее голосе мне послышалось...

***

Полчаса спустя мы сидели на ее кухне и пили черный чай с печеньем – шоколадным – это оно своим ароматом заманило меня сюда. Она рассказала мне историю появления в ее доме двух совершенно одинаковых гробов – в первый я упала в прихожей, второй стоял в гостиной. В них спали кошки. Кошек у нее было восемь. Я попала в чернокошачий рай?

Первая из ее кошек досталась ей от подруги. Подруга умерла, и кошку было некому приютить, а она сжалилась над животным. Подруга содержала бюро ритуальных услуг в том же помещении, в котором проживала. Поэтому, как несложно догадаться, похоронной символики и атрибутики в ее доме хватало, а кошка была настолько привязана к хозяйке, что все время крутилась возле нее. Вот и привыкла спать в гробу, стоявшем рядом с рабочим столом.

Моей новой знакомой пришлось привезти гроб следом за кошкой, потому что та отказывалась есть и спать, пока не получила свое привычное убежище. К этому времени в доме как-то незаметно появилось еще несколько кошек, и каждая норовила устроиться спать в гроб. Когда количество жаждущих спать в гробу кошек выросло до восьми, старушка поняла, что пора расширяться и попросила сына умершей подруги привезти второй гроб – точную копию первого.

Я старалась вести себя так, будто слышу самую обычную историю, какая только может существовать, кивала в нужных местах и исправно почесывала лоб коту, требовательно заглядывавшему мне в глаза. О причинах, по которым она одевается так, как она одевается, расспрашивать я не решалась. Хотя очень хотелось. Я ерзала на стуле – черном стуле – чем вызывала явное раздражение сидевшего у меня на коленях черного кота, сидела за черным столом, передо мной стояла черная чашка на черном блюде, занавески на окнах были черными, все восемь кошек в доме были черными. Мне начало казаться, что другого цвета в природе просто не предусмотрено.

Наверное, выражение моего лица вполне адекватно отразило это мое состояние, потому что старушка – кстати, она представилась как Куронекко – сказала:

– Кажется, тебя удивляет такое обилие черного в моем интерьере.

Ладно, назовем это столь безобидным словом, как обилие, если ей так удобней, – подумала я и кивнула.

– Я вполне могла бы тебе рассказать эту странную историю, – вздохнула она и немного печально улыбнулась. – Я ее никому не рассказывала. Это, знаешь ли, самая настоящая тайна, покрытая самым настоящим мраком.

Казалось, старушка вот-вот начнет рассказывать. Я молчала, опасаясь, что она передумает.

– Так тебе интересно или нет? – вдруг очень громко спросила она, сверкнув глазами.

– Да-да, – часто закивала я.

– А то, смотри мне, если нет – собирайся домой! Чай вон уже допила! Нечего рассиживать по гостям, если не находишь истории хозяев интересными! – сдвинула брови старушка. О да, теперь мне было легко понять тех соседей, что приписывали красные огоньки в глазах и ночные походы на кладбище этой не в меру эксцентричной и суровой пожилой женщине.

– Что вы! Мне очень интересно! – поспешила заверить я. Почему она так охотно и приветливо (если учесть, что с другими она вовсе не разговаривает) со мной болтает?

– О, – моя собеседница тут же сменила тон на задушевно-задумчивый, – этой истории почти столько же лет, сколько мне. Началось все в раннем детстве. Я всегда была страшно невезучим ребенком. Если я надевала новое платьице, то обязательно находила хотя бы одну самую завалящую лужу, чтобы его выпачкать. Если в относительной близости от меня оказывалась собака, она считала своим неременным долгом меня укусить. Если я шла по, казалось бы, совершенно ровной дорожке, я находила единственный торчащий из земли корень дерева, запиналась об него и падала. На меня всегда все налетали в коридорах, роняли свои полные тарелки в столовых, опрокидывали чернильницы, наступали на ноги и так далее. Несложно представить, что я все время была вся в синяках, ссадинах, вся моя одежда была в пятнах разной степени неотстирываемости. Ни дня не проходило, чтобы со мной не случилось что-нибудь неприятное, не катастрофическое, но доставляющее массу хлопот.

– Как же вы живете так? – я искренне сочувствовала ей.

– О, сейчас все в полном порядке! – улыбнулась старушка. – Я научилась противостоять этому.

– Как? – на всякий случай спросила я. А то вдруг опять разозлится, решив, что мне неинтересно.

– В какой-то момент я осознала, что мои неприятности подчиняются определенной закономерности. Все дело было в цвете.

– Не понимаю...

– Так не перебивай меня, и я все объясню! – прикрикнула на меня старушка. Вот же... снова не угадала... – Так вот. Если я надевала, например, что-то красное или розовое, я обязательно чем-то пачкалась. Если я надевала что-то синего или голубого цвета, меня кусали собаки, метили кошки и птицы. В одежде оттенков фиолетового на меня падали кирпичи с крыш, горшки из окон. В желтом и оранжевом меня норовили сбить машины или велосипеды. Потом я вдруг заметила, что, когда надеваю черное, все мои неприятности будто испаряются.

Как же мне хотелось покрутить пальцем у виска! Но я отчаянно сдерживалась, мало ли как бабуляотреагирует. Она еще долго перечисляла, какой оттенок цвета как влиял на степень травматичности той или иной ситуации. В итоге, я выбралась от нее часа через два.

Поднимаясь домой, я все гадала, почему же эта нелюдимая старушка ни с того, ни с сего так со мной разоткровенничалась. Войдя в квартиру, я сняла черные высокие сапоги, черную кожаную куртку, распустила собранные в аккуратный пучок на затылке волосы, отпихнула ногой мешавшегося черного кота. Вот тут-то меня и осенило...

Бухадиев Муса**Нохчийн махкахь**

Берийн зевне аьзнаш дека,
 Нохчийн махкахь массанхьа,
 Лаьмнийн баххьаш детех лепа,
 Дашо маьлхан зӀаьнаршца.

Тхан Даймохк – тхан хьоме нана,
 ХӀора денна хазлуш ю,
 Хьо евзаш ю кху дуьненна,
 Хьобца тхо ма ирсе ду!

Нохчийн махкахь бертахь деха,
 Массо къаьмнаш вовшашца.
 Адамаш нохчийн дерза цӀехьа,
 Дехар ду вай толамца.

Тхан Даймохк – тхан деган жайна,
 Хьо – тхан туьйра, тхан илли,
 Хьо – массарел аьхна, тайна
 Тхуна-м совгӀатна еллий.

Сийна стигал екхна маьрша,
 Соьлжа-ГӀала – нускал кӀайн,
 Адам, Ӏалам – жовхӀарш цӀена,
 Кьонахий бу мехкан дай.

Тхан Даймохк – тхан хьоме нана,
 ХӀора денна хазлуш ю,
 Хьо евзаш ю кху дуьненна,
 Хьобца тхо ма ирсе ду!

Зезаг кӀайн

Дезачарна даьал доцу
 Маьлхан дуьне, маржа яӀ!
 Оьмар-зама хьобца йоцу,
 Деган безам, озда йоӀ.

Муха ловр ду жимчу даго...
 Деха Деле, баккха кхаь.
 Кийча ву лан муьлххаь хало,
 Дехар кхочушдехьа цхьаь.

Йисна хан сайн хьобца екьа,
 Кхерсташ догу кийрахь дог.
 И чим хилла ахь дагийта,
 Гехош лекха гӀертахь шок.

Ас ца боху хьобь, Малика,
 Бахам дебо йола сайн.
 Безам бекъа йола соьга,
 Ирсан орам, зезаг кӀайн.

Эшарш, туьйра, деган безам,
 Бераллера еьна схьа.
 Жайна, серло, сан синкьерам,
 Соьца яха йола дӀа.

Маьлхан зӀаьнарш, дашо хьаса,
 Безамах ирс дуцийта,
 Беттан серло – цуьнан хьаша,
 Кьайле цаьрга йийцийта.

Стиглахь седарчий ду хьобца,
 Бертахь тайна хиндерг гуш,
 Хатта цаьрга, сан-м са лощу,
 Уьш ду суна безам луш.

Кхоллам стиглахь кхуллуш буйла,
 Хиьна суна бераллехь,
 Хинцца хиьна ирсе вуйла,
 Хьо карийча дахарехь.

***

Синтем байна собар доцуш,
 Саца йиш яц бохуш хьайн,
 ШайтӀане урх елла кхоччуш,
 Ахь хӀун лощу, адам, хӀай?

Ведда, хьаьдда, кьежаш, цӀийзаш,
 Фарзаш тӀаьхьа тоьттуш хьайн,
 Сирделла хьан Ӏаьржа мекхаш,
 Хан еллий-те дала кӀайн?

Лощуш ву хьо дуьне даа,
 Деган лаам кхочушбан.
 Цуьнан лай хьо мел ву, хаа,
 ГӀийла, меца хир ду са.

Хила адам, деган эла,
 Меца хир дац тӀаккха са,
 Фарзаш кхочушде ахь Делан,
 Дезаш ду-кха вай дала.

Дуьне доца ду, хьан лазам,
Цхьаь и бен, цхьа эла вац,
ШайтIане урх ма ло, адам,
АллахI воцург накъост вац.

Е-е гора, кура кIентий

Циэн-кIеда маьхьесешший,
Куй месал, галпешший,
Арахь – куьрк, чохь – пешший,
Дакъош кхозу дуьмешший.

Даккхий-кегий цIеношший,
Куц тайна стом-бешший,
ГIаз-котам, кIорнешший,
Чохь – кузаш, гIайбешший.

Дац хьан боху вай элий?

Иаьржа догу бIаьргашший,
КIайн къега цергашший,
Шун-хедар, зайлешший,
ПхьегIа-мегIа, ялгIошший.

Делара дилла вайн гIелий.

ГIагI-турс гомуккый,
Дайн хьаьвзина мердукый,
Готта-юткIа гIодаюккый,
Белш шуьйра наж-буккый.

Аша хедо лекха дуьллий.

Топ-тапча, тур-шавлтий,
Цул-серан гуо-керттий,
Кхаж кхуран еза шеддий,
Цуьнца цхьаний Iад-веддий.

Е-е гора, кура кIентий!

Чоа-верга, гIовталлий,
Дато доьхка, турмаллий,
Чохь яьржина сал-паллий,
Йина йоцу сискаллий.

Дуй теша вай элий?

Дин, нуьйра, мажаррий,
Едда яьлла ХIажаррий,
Ша висна пекъаррий.

Дац теша вай элий?

Уоза беца шиь еттий,
Туодан деза ков-керттий,
Хьоь ца йогIу Нурсеттий,
Лелий вала, кIант, сеттий.

Вайх ца хилла цIиэн элий.

Чуг хьаьвзина маж-меккхий,
Шена дисна цаца-теккхий,
Вуола чехка хи чу эккхий
Хьан гIулкхийн яц чаккхе.

Е-е гора, кура кIентий!

Жималла

Дено-дено генаюьйлуш,
Хьо ма хераюьйлу сох,
Сирла, цIена сатийсамаш –
Дерриг доьзна хилла хьох.

Гуттар лаьттар ю хьо моьттуш,
Кхоччуш хам ца би ас хьан,
Айса – сайга жобпаш доьхуш,
Вити ахь со яхна дIа.

Ас ца боху юхайола,
Массо хенаь ю шен хан,
Литтанех ма хуьлу хола,
Ахь ирс делла бина там.

ЦкIа а суна йицлур яц хьо,
Аьрха, каде, безаме,
Хьуна хии сан дог дашо,
Ирс сан, безам, сан дуьне.

Жималлера цIена ойла
Луш хьайн суна совгIатна,
Некъ нислуш, хьо марша гIойла,
Сан жималла, сан хазна

Воккхаллина серло елларг
Маьрша, ирсе ваха Iа,
Марша Iойла, декъалхиларг,
Жималлийца жималла.

**Андарбек Яндаров,
Галина Заурбекова,
Индарби Бызов**

Майкопская культура в свете комплекса последних научных данных

Археологическая составляющая концепции. Из всех народов, живущих на сегодняшний день в пределах Северного склона Большого Кавказа, от Черноморского побережья до гор Дагестана, автохтонными языками представлены две группы его обитателей: адыги (адыгейцы, кабардинцы, черкесы) – западнокавказская семья и вайнахи (чеченцы, ингуши) – восточнокавказская семья. Абазинцев мы не включили в этот список лишь по той причине, что их этногенез тяготеет к южным склонам Кавказа – горам, предгорьям и побережью, прилегающим к Понту. С учетом этого, нам предстоит дать этническую характеристику археологической ситуации на Северном Кавказе с эпохи ранней бронзы и привязать ее к последним данным лингвистики и ДНК-исследований.

Раннюю бронзу мы взяли не случайно. Начиная с рубежа IV–III тыс. до н.э., культурогенез народов Северного Кавказа проходит в отрыве от культур предшествующих эпох неолита и энеолита данного региона и сохраняет с ними связь лишь в виде субстратного типа отдельных комплексов находок. В указанной нами хронологической нише на Северном Кавказе, от Таманского п-ова до южной Абхазии (Бжания, 1975: 10–11) и от Прикубанья до границ современного Дагестана, неожиданно появляются племена, обладающие высокими культурными достижениями, резко отличными от таковых у племен предшественников. Это были представители понтийского типа большой европеоидной расы, принесшие с собой уже сложившийся комплекс навыков и достижений производящего хозяйства, таких, как: экстенсивное скотоводство, земледелие, гончарный круг (Бобринский-Мунчаев, 1966), металлообработка. В дополнение к общей картине, они имели далеко зашедшую социально-имущественную дифференциацию. Согласно целому ряду находок из погребений и поселений рассматриваемой эпохи, можно говорить с большой долей вероятности о зачатках коневодства и верховой езды (Мунчаев, 1973). Все данные характеристики мы рассмотрим ниже.

Впервые предметы Майкопской культуры были обнаружены при раскопках курганов у ст. Новосвободная в 1969 г. (Майкопский р-н Республики Адыгея) и в Майкопе в 1897 г. (столица Республики Адыгея). По географическому расположению первых находок вся эта культурно-историческая общность получила свое название (Крупнов, 1954: 45–70).

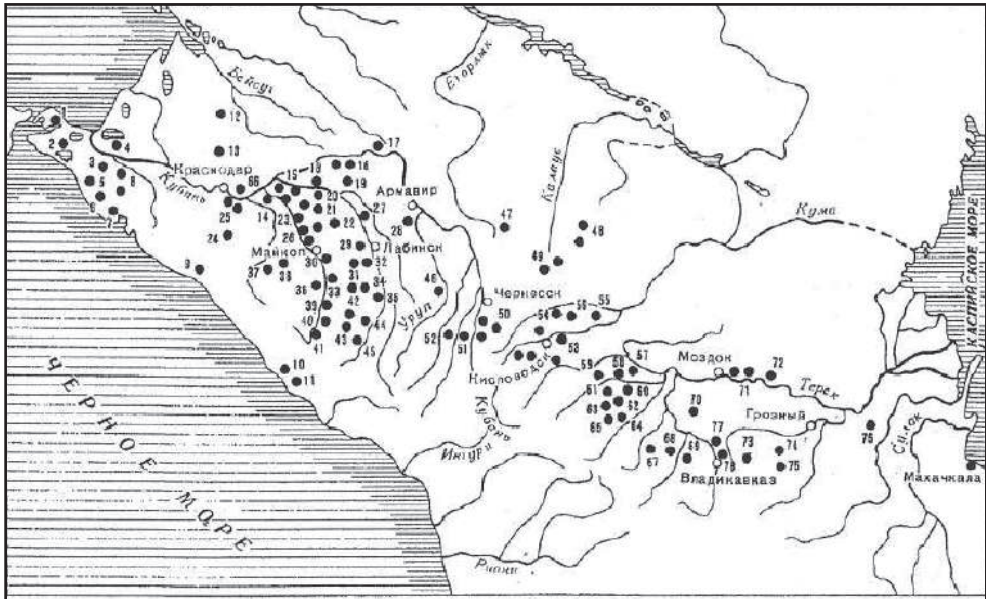
В ходе работ археологических экспедиций, особенно 70–80-х гг. XX в., специалисты пришли к выводу, что племенной состав населения, оставившего после себя памятники Майкопской культуры, не был однородным. Пришлый элемент впитал в себя местное население, в силу чего майкопские памятники представлены тремя локальными вариантами – западным и восточным, границей между которыми стало Пятигорье (Чеченов, 1974: 60–61), и, кроме того, выделяется верхнекубанская группа с характерными только для нее признаками. При всем своем единообразии каждый из вариантов имеет местные особенности, вплоть до хозяйственных предпочтений.

Западный вариант отличает скотоводческое доминирование в хозяйстве его носителей, о чем свидетельствует не только местный инвентарь и количество остатков костей животных, но и планировка поселений. Своим местом жительства западномайкопские племена выбирали высокие холмы, окружая жилища мощными каменными оборонительными сооружениями. Так, судя по поселениям Мешоко и Ясенева поляна (оба в Адыгее), планировка их устанавливается как круг или овал из жилищ с площадью-загоном для скота в центре (Формозов-Черных, 1973: 108). Постройки каменные или турлучные на каменном основании (Чеченов, 1974: 60–61).

Синхронные им пойменные поселения восточного варианта не имеют укреплений, расположены они на ровных местах, а их планировка указывает на сельскохозяйственный характер их обитателей. В поселении Долинском (Кабардино-Балкария), к примеру, дома разбросаны бессистемно на большом расстоянии друг от друга, разделенные, как предполагается, участками под посевы или посадку культурных растений (Круглов-Подгаецкий, 1941: 170). Постройки исключительно турлучные, из плетеного тростника, обмазанного глиной. Кроме того, в восточном варианте ощущается заметный синкретизм с культурными традициями расположенной южнее Куро-арматской культуры, занимавшей горные районы очерченной территории (Мунчаев, 1961).

Большая часть жилых построек Майкопской культуры имеет вид толоса – круглой постройки с прямоугольной хозяйственной пристройкой. Подобный тип жилища распространен на Ближнем Востоке достаточно широко в ареале Халафской культуры востока Анатолии (5050–4300 гг. до н.э.), культуры Эль-Убеида в Южном и Северном Двуречье, у предшественника Халафа – Хассуна (Mallowan-Rose, 1935). Между тем, повсеместно в Переднеазиатском регионе было распространено прямоугольное, жилище, и только в Иерихоне встречаются круглоплановые дома, синхронные халафским образцам.

Говоря о круглоплановом жилище, стоит отметить, что подобного типа жилище постройки отмечены в культурных слоях Закавказья VI–IV тыс. до н.э., но это

Карта 3. Памятники Майкопской культуры. Составил Р.М. Мунчаев

1 – погребение на п-ове Фонтан, 2 – курган у пос. Сенная, 3 – курган у ст-цы Варениковской, 4 – курган у пос. Адагум, 5 – курганы у хут. Рассвет, 6 – курган у ст-цы Равеской, 7 – поселение Мысхако, 8 – могильники Общественно I, II и Мингрельский II, 9 – гробница Пельбе, 10 – Воронцовская пещера, 11 – Ахитырская пещера, 12 – курган у ст. Тимашевская, 13 – клад у ст-цы Старомышадовской, 14 – поселение Свободное, 15 – курганы у сел. Красногвардейское, Ули и др. в Красногвардейском р-не, 16 – курганы на "участке Зиссермана" и близ ст-цы Тифлисской, 17 – курган у ст-цы Казанской, 18 – курган у ст-цы Новолабинской, 19 – курган у ст-цы Воздвиженской, 20 – курган близ Ульского аула, 21 – Сергеевское поселение и курганы в Шонгеновском р-не, 22 – курган у ст-цы Келерисской, 23 – курган у ст-цы Белореческой, 24 – курган у ст-цы Саратовской, 25 – Пекузские поселение и могильник, 26 – курганы в Майкопе и в 3 км к северу от него, 27 – курган 12 между ст-цей Михайловской и хут. "Красное Знамя", 28 – курган в районе Армавира, 29 – курган у ст-цы Ярославской, 30 – Улакское пещера, 31 – поселение Ясенова Поляна, 32 – курган у ст-цы Махощевской, 33 – курган у ст-цы Тульской, 34 – курганы у ст-цы Новосоводной, 35 – курган у ст-цы Костром-

ской, 36 – поселение Скала, 37 – грот Матузка, 38 – Гуамский грот, 39 – поселение Халдох, 40 – поселение Мешоко, 41 – Даховская пещера, 42 – Каменномостская пещера, 43 – поселение и курган у хут. Веселый, 44 – курган у ст-цы Андриковской, 45 – курган у ст-цы Песобайской, 46 – Больнотегинское поселение, 47 – Талышское поселение, 48 – курганы у хут. Жуковского, 49 – курганы у сел Друшевское и Калиновское, 50 – поселение и курганы у г. Усть-Джегута и хут. Валуевского, 51 – курган у аула Кубина, 52 – курган у ст-цы Кардоникской, 53 – поселения и курганы в районе г. Кисловодка, 54 – курган у пос. Инноземцево, 55 – курган у г. Пятигорска, 56 – курган у ст-цы Воровакской, 57 – курган у сел. Кншлек, 58 – курганы у сел. Чемем II, 59 – курганы у сел. Лечинкай, 60 – курганы у сел. Чемем I, 61 – Долинское поселение, 62 – Нальчикское поселение, 63 – курганы в Садках, 64 – Нальчикская гробница, 65 – курган у сел. Солонменка, 66 – курган у ст-цы Старокорсуновской, 67 – курган у сел. Лескен, 68 – поселение у сел. Старый Урух, 69 – курган у сел. Старый Урух, 70 – курган у сел. Верхний Акбаш, 71 – поселения Галюгай I–III, 72 – курганы у ст-цы Мекенской, 73 – Луговое поселение, 74 – Бамутский могильник, 75 – курганы между селами Ахлой Мартан и Бамут, 76 – курган у сел. Бачиюрт, 77 – курганы у сел. Даурикара, 78 – курганы у сел. Суужа

единственный общий элемент для двух культурно-исторических зон (Джавахишвили, 1973).

На территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, входившей в восточный вариант Майкопской культуры, были открыты такие важные памятники древности, как поселения Сержень-Юрт I и II, Бачи-Юрт, Луговое, Бамутский курганный могильник (Эпоха бронзы... 1994: 160), плавильные печи у Бамута и ряд других находок.

Отдельные следы экспансии майкопских племен обнаруживаются при раскопках на территории Калмыкии, правобережье Дона (Кияшко, 1968; 1969), в Крыму (Щепинский, 1965) и даже в степной части Украины (Нечитайло, 1984; 1991). Северной границей их обитания была Ставропольская возвышенность. Южные рубежи проходили с юго-востока на северо-запад по предгорьям Чечено-Ингушетии и Сев. Осетии с дальнейшим заходом в горную Грузию (Сванетия) и далее – в Абхазию.

Первоначально предполагалось, что Майкопская культура сложилась на западе их ареала обитания, мигрируя в Прикубанье с юга, вдоль Черноморского побережья, и уже позже распространилась на восток. Однако находки у станицы Галюгаевской Курского района Ставропольского края поставили под сомнение это утверждение, показав синхронность восточного и западного ее вариантов (Корневский, 1986). Не исключен вариант довольно стремительного переселения с запада на восток. Как бы там ни было, но вопрос о путях миграции майкопцев на Северный Кавказ остается пока открытым.

Гипотез относительно происхождения МКО (Майкопской культурной общности) выдвигалось множество, порой самых нелепых, что, впрочем, являлось следствием низкого уровня накопленных в довоенные годы знаний в области археологии. Основные труды появились уже в 50-е гг. XX столетия. Мы не станем касаться всей полемики в данном направлении, а в качестве базового источника возьмем сводную обобщающую работу из сборника серии «Археология СССР – Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии» (М.: «Наука», 1994 г.) (далее Эпоха бронзы... 1994), ряд тезисов докладов Крупновских чтений и отдельные выводы из работ советских и российских археологов, которые не вызывают возражений и споров в научном мире.

В первую очередь, для решения данной проблемы необходимо определить хронологические границы МКО, и только после этого можно будет приступить к сверке предметов ее материальной культуры с археологическими комплексами синхронного периода в прилегающих районах. Касаясь вкратце этого вопроса, отметим лишь, что на сегодняшний день установилась надежная и хорошо аргументированная датировка всех периодов развития Майкопа. Согласно мнению большинства специалистов, занимавшихся этим вопросом, верхней границей МКО является рубеж IV–III тыс. до н.э. (Эпоха бронзы... 1994: 168 и далее). Радиоуглеродный анализ восточной группы майкопских памятников из Галюгая I и Галюгая III, проведенный в лаборатории Оксфордского университета, подтверждает указанную датировку: 1) 2530±70 до н.э.; 2) 2650±80 до н.э.; 3) 2980±120 до н.э. (Корневский, 1993: 99–100). Нижняя граница оказывается, примерно, в середине третьей четверти III тыс. до н.э. – 23–24 вв. до н.э.

Не умаляя, в целом, труда Сафронова В.А. (Сафронов, 1989), стоит сказать, что выверенная радиоуглеродным анализом периодизация опровергает его попытку связать майкопские древности с миграцией на Северный Кавказ семитских племен из района Тель-Хуэйра и Харрана (юго-восточная Турция, на границе с Сирией) в 24–23 вв. до н.э. Кроме того, в работе указанного автора сказывается недочитанность или непонимание выводов Милитарева А.Ю. и Старостина С.А. о северокавказско-афразийских лексических параллелях (Сафронов, 1989: 424–258). Кратко напомним лишь, что в совместной статье двух советских лингвистов недвусмысленно говорится о том, что контакты правосточнокавказского языка-основы с афразийскими языками состоялись в V тыс. до н.э. в Ближневосточном регионе (без указания точной локализации). При этом в контактной зоне оказались как семитские, так и другие афразийские языки – кушитские, чадские и ливийско-берберские (Милитарев-Старостин, 1984). Таким образом, уже только этот небольшой эпизод снимает вопрос о присутствии семитов на Северном Кавказе, тем более в качестве племен майкопской культуры, верхняя хронологическая граница которой, напомним, конец IV тыс. до н.э.

Первое, что бросается в глаза, при рассмотрении находок майкопской культуры, это Ближневосточный характер основных ее культуруопределяющих компонентов,

особенно керамики и металла, и отсутствие для них прототипов в домайкопском энеолите Северного Кавказа. Хронологически близкие майкопским аналогии встречаются в комплексах типа Тепе-Гавра XII–IX (Ирак, Турция) и Амуку F в Сирии конца IV – начала III тыс. до н.э. Схожим оказывается погребальный микролитический комплекс Майкопского кургана и находки из подполья храма в Уруке (Эпоха бронзы... 1994: 170). При более детальном рассмотрении всех известных материалов, имеющихся в распоряжении археологов, обозначается более-менее четкий ареал, оказавшийся вовлеченным в миграцию. В него входит область, расположенная от Тепе-Гавра (возле современного г. Мосула в Ираке) на востоке до северной Сирии и смежных районов Анатолии на западе (Эпоха бронзы... 1994: 170). Ниже мы подробнее рассмотрим этот вопрос.

Довольно взвешенную точку зрения по вопросу этногенеза майкопских племен высказал А.А. Нехаев. Он считает, что в их формировании приняли участие как местные позднеэнеолитические племена, так и племена Северной Месопотамии (Нехаев, 1990: 20). Мы также разделяем точку зрения Нехаева. Косвенно демонстрирует правильность подобного вывода характер жилищ МКО, представляющих собой как постройки с прямоугольной формой стен, так и вариант с округлой формой, отмеченный также в Закавказье и Дагестане на поселениях куро-аракской культуры (Эпоха бронзы... 1994: 176–177). Рассмотрим основной комплекс майкопских древностей.

Погребальный обряд. Погребальный обряд майкопских племен имеет как схожие черты с обрядом предшественников, так и различия. И те и другие хоронили умерших под курганами, тело покойника посыпалось охрой. Но при этом ориентировка первых была головой на восток, в то время как вторые хоронили головой на юг (ранние), запад либо юго-запад. Энеолитическое домайкопское население укладывало покойников на спине в скорченном положении, в то время как их преемники клали умерших в скорченном положении на правом (мужчины) и левом (женщины) боку, кисти рук располагая перед лицом; дно ямы, а иногда стены обкладывали камнем, деревом или камышом, а сами ямы могли иметь округлую форму. Под насыпью кургана майкопцы выкладывали кромлех (Эпоха бронзы... 1994: 178 и след.). Примечательно, что метисация пришельцев с автохтонами отмечена уже на ранней стадии бытования МКО. Так, погребения у хутора Жуковского Ставропольского края совершены под курганами, на спине, головой на восток, при этом ямы могильника имели округлые формы майкопского типа (Державин-Тихонов, 1980: 76–77).

Последний этап МКО представлен Новосвободненским периодом. Попытки Сафронова В.А. и Николаевой Н.А. выделить данный этап в самостоятельную «кубано-терскую» культуру и связать ее возникновение с миграцией из Европы племен культуры шаровидных амфор из-за своей слабой аргументации не увенчались успехом и были подвергнуты жесткой критике ведущих специалистов по археологии Северного Кавказа (Марковин, 1988 а; 1990 а; Дергачев-Манзура, 1991), как и попытка Резепкина А.Д. связать новосвободненские древности с миграцией из Европы племен культуры воронковидных кубков (Резепкин, 1989: 18; 1991б: 189). Между тем, в своей работе Резепкин А.Д. сам не отрицал участие Переднеазиатского компонента в формировании новосвободненского культурного комплекса.

На позднем этапе майкопской культуры появляются погребения в каменных ящиках, что будет характерной чертой более поздних погребений на всем Северном Кавказе, особенно в его горных районах. Ряд таких погребений МКО совершен под курганами, как, например, в Бамутском могильнике (Мишина, 1989: 235–239; Резепкин, 1989: 5).

За все время археологических разысканий на Северном Кавказе открыто 13 богатых погребений, принадлежащих правящей верхушке майкопского общества. Помимо функционально-престижных предметов, в этих гробницах обнаружены остатки человеческих жертвоприношений, что говорит о сложной социальной стратификации майкопцев (Резепкин, 1983: 6). Обнаружение погребений отдельных частей тела и могил-кенотаф (Мунчаев, 1975: 319–320) говорит, скорее всего, о дальних военных походах, которые совершали местные вожди и их дружины. Обычай ставить пустые могилы-кенотафы погибшим на чужбине и не вернувшимся домой представителям рода-племени зафиксирован у многих народов мира с глубокой древности – у египтян, древних греков и т.д.

Древнейшими в Восточной Европе являются захоронения с повозкой, одно из

которых, обнаруженное у станицы Старокорсунской Динского р-на Краснодарского края, имело остатки двух колес, диаметром 60 см (Эпоха бронзы... 1994: 187); другое обнаружено в майкопском погребении в Калмыкии, у лимана Цаган-нур (Шилов, 1984: 186). Следует отметить, что многочисленные погребения с повозкой, отмеченные в могильниках ямной культуры, гораздо моложе майкопских.

О месопотамских чертах в ритуале захоронения свидетельствует обряд ломания предметов погребального инвентаря. Так, в захоронении у ст-цы Новосвободной обнаружены три большие флажковидные стрелы с обломанными основаниями; остатки преднамеренно битой посуды найдены в Устьдзегутайском могильнике и др. Этот обычай, уже с V тыс. до н.э., неоднократно отмечен в Северной Месопотамии (Мунчаев-Мерперт, 1981: 198–210).

При всех отличительных особенностях, имеющих место в погребальном обряде Майкопской культуры, видна общая канва единого ритуала. Подкурганное захоронение, характерное для нее, не является местным субстратом, поскольку такой же обычай бытовал у населения Месопотамии уже в более ранний период в ареале Хассунской и Халафской культур (Чмыхов, 1990: 101). Скорченное положение на боку костяков, отличающее пришельцев-майкопцев от автохтонного населения неолита, хоронившего своих покойников на спине с подогнутыми ногами, также характерно для халафских племен.

Оружие. Несмотря на широкое использование камня в быту, из всего комплекса вооружения майкопских племен он представлен только кремневыми наконечниками стрел и охотничьими ножами. Стрелы миндалевидной формы, покрытые мелкой ретушью, имеют прямые параллели в ряде месопотамских памятников раннединастического периода (Мунчаев, 1975: 323–324). Другие виды наконечников стрел близки по формам Закавказским и местным субстратным оригиналам.

Бронзовое оружие, представленное кинжалами и одной находкой древнейшего в истории меча, сложилось на местной северокавказской основе (Эпоха бронзы... 1994: 204–205). Все они не имеют внешних параллелей, в отличие от массивных бронзовых наконечников копий, прототипами которых послужили копия из Передней Азии (Попова, 1963; Иессен, 1950: 172; Корневский, 1988: 11).

Украшения, пластика. Широкое использование камня в быту не стало исключением для производства пластики и украшений. Однако среди всей каменной продукции МКО хотелось бы отметить одну находку из кургана у ст-цы Новосвободной – каменную статуэтку быка. Это уникальная для своего времени вещь имеет углубления для глаз, выполненные с помощью пикетажа, которые были некогда инкрустированы. Сама статуэтка была окрашена черной краской, которая частично сохранилась. Это изделие напрямую восходит к Месопотамским и Анатолийским прототипам, где уже в то время зародился культ быка, получивший в III тыс. до н.э. широкое распространение, в том числе и в Минийском Крите (Эпоха бронзы... 1994: 197).

Костяная булава с округлым стержнем и треугольным навершием, обнаруженная в кургане у г. Усть-Дзегута, не имеет аналогов в синхронных памятниках Кавказа и идентична близкой по времени находке в комплексе Арслантепе близ Малатьи в Восточной Анатолии (Эпоха бронзы... 1994: 198).

Интересна находка деревянного ящичка из Новосвободненского могильника, который интерпретируют как остатки резонатора какого-то струнного музыкального инструмента типа арфы из погребений Ура первой половины III тыс. до н.э. (Резепкин, 1990: 455). Возможно, перед нами древнейший из сохранившихся образцов горской балалайки – пондара.

Металлический комплекс украшений МКО, главным образом из серебра и золота, в отличие от каменно-костяного, имеет как прямые прототипы в месопотамских памятниках того же периода, так и свои собственные, выработанные с учетом местных вкусов (Эпоха бронзы... 1994: 212–213).

Посуда и орудия труда. Каменные орудия труда характеризуются местными домайкопскими формами и довольно архаичны. То же самое можно сказать и о бронзовом инвентаре, не имеющем аналогов ни в предшествующей эпохе, нигде на Кавказе и в прилегающих к нему регионах. Это особенность местного генезиса всего комплекса орудий труда.

Бронзовая посуда также являет собой продукт местного изобретения – нигде в Старом

Свете в указанный период не производилась металлическая посуда в таком массовом количестве (Эпоха бронзы... 1994: 209). Искать ее истоки за пределами майкопской общности вряд ли целесообразно, так как она по форме является точной копией местной керамики и, скорее всего, сложилась на основе пришлых металлургических традиций и аборигенного изобретательства. Исключение составляет блюдо ирано-месопотамского типа из кургана у с. Чегем (Кореневский, 1981: 276).

Особо хочется отметить наличие в богатых погребениях больших бронзовых котлов. Они кованые, изготовленные из листовой бронзы толщиной в 1 мм и высотой от 21 до 57 см. Обнаружены они в находках у лимана Цаган-нур (Калмыкия), 2 экземпляра у Бамута (Чечня), у станицы Новосвободной, у ст-цы Ярославской и т.д. Некоторые из них украшены жемчужным орнаментом. Подобные котлы не имеют аналогов нигде за пределами Северного Кавказа и являются прототипами котлов более позднего периода (вплоть до XX в. н.э.), имевшими большое значение для местного населения (Эпоха бронзы... 1994: 209). Эта важная особенность местной культуры подчеркнута нами не случайно, а с целью показать преемственность местных традиций Северного Кавказа от эпохи раннего металла до наших дней.

Керамика майкопского типа не имеет прототипов в предшествующей эпохе и восходит к керамическим комплексам Сирии, Анатолии и Ирака. Здесь и аналогии в формах сосудов, и их цвет, и характер обработки поверхности, и орнаментация. Сделана керамика с использованием гончарного круга, преемственность которого с Переднеазиатскими типами несомненна, и лепкой. Нигде больше в Европе и на Кавказе в тот период гончарный круг не применялся (Эпоха бронзы... 1994: 213-223).

Коневодство. Говоря о Майкопской культурной общности, и в первую очередь, о преемственности месопотамских древностей с современным населением Северного Кавказа через ее посредничество, нельзя не сказать о коневодстве. Первым его признаком здесь оказались находки металлических псалий, обнаруженных на всем пространстве от Майкопа (Адыгея) до Бамута (Чечня). Встречаются они, как правило, в погребениях попарно. Просмотр через бинокуляр псалий из Бамута, проведенный лабораторией Института археологии РАН, показал, что на них имеются остатки кожи. Такой же просмотр днища котла, в который были помещены в древности эти предметы верховой езды, также подтвердил в нем наличие остатков кожи (Эпоха бронзы... 1994: 209). Это единственные в мире находки псалий, восходящие к III тыс. до н.э.

Исследователь майкопско-переднеазиатских контактов Трифонов В.А. отметил связь между богиней загробного мира, изображаемой в урукский период в Месопотамии с кольцами в руках, похожими на псалии, и традицией майкопцев класть этот предмет упряжи в качестве погребального инвентаря (Трифонов, 1987 а: 22–23). Схожие с майкопскими псалии найдены, также попарно, в гробницах Аладжа-Хююк (Анатолия). Заметим, что мотив связи коня с загробным миром прослеживается на протяжении всей истории Северного Кавказа, начиная эпохой бронзы и кончая принятием ислама основной массой горского населения, и никоим образом не связан со скифским или сарматским влиянием, как это пытаются утверждать до сих пор некоторые историки. Ниже мы подробнее коснемся этой темы.

Однако костей лошади найдено мало, и ими, вероятно, владели богатые семьи (Мунчаев, 1975: 389).

Изобразительное искусство. В этой сфере своей деятельности майкопские художники-ювелиры достигли высочайших результатов, но при этом явно прослеживается влияние Ближневосточного прототипа. Налицо общие тенденции с Двуречьем конца IV – начала III тыс. до н.э., вследствие чего Андреева М.В. пришла к выводу о близости майкопских изображений к памятникам первой половины Протописьменного периода Южной Месопотамии, но с характерными отличиями, не позволяющими связывать их напрямую. Довольно глубокое сходство в металлопластике обнаруживается с Восточным Средиземноморьем. Между тем, такие композиции, как «медведь между деревьями», эндемичны для Северной Месопотамии. В целом, Андреева приходит к выводу о тесной связи майкопского искусства с культурными центрами Сирии, Северной Месопотамии и Восточной Анатолии рубежа IV–III тыс. до н.э. (Андреева, 1978: 66–67)

Система знаков-орнаментов, покрывающая майкопскую керамику, исследовалась Кореневским С.Н., по выводам которого она имеет прямые аналогии в Передней Азии,

начиная с эпохи Джемдет-Наср. Между тем это не просто украшения, а тамгообразные символы, присущие отдельным родовым коллективам (Кореневский, 1992: 20–22).

Культ. В целом, нам очень мало что известно о религиозных культах майкопцев. Костяк майкопских племен, вокруг которого консолидировались автохтоны-предшественники, сложился в Передней Азии, откуда на Северный Кавказ был принесен культ быка. Одной из форм такого культа служат бронзовые двузубые вилки-букрании для извлечения мяса из котла, напоминающие своими формами рога буйвола. Подобного рода символика широко была известна в скотоводческом мире, но именно в среде культур и племен, связанных, так или иначе, с Переднеазиатско-Анатолийским миром, букрании получили наиболее широкое распространение (Илюков, 1979: 15).

Именно в майкопский период сложился на Северном Кавказе культ оленя, столь популярный вплоть до недавнего времени у местных жителей. В находках из погребений обнаружены ожерелья, представляющие собой не только связки из зубов этого животного, но и точную их имитацию, выполненную из кости (Формозов, 1965: 122, рис. 60, 3).

С культом огня связан обычай посыпать тело покойника красной охрой, сохранившийся на Северном Кавказе вплоть до позднего периода Кобанской культуры (III в. н. э.), и класть уголья в головы.

О культе солнца может сообщать бронзовый штандарт, представляющий собой колесо, диаметром 15 см, с четырьмя спицами и втулкой, обнаруженный в Новосвободненском кургане (Резепкин, 1991 в, рис. 8, 4).

Хозяйственный уклад. Подъемный материал с поселений и захоронений майкопских древностей указывает на их животноводческо-земледельческий уклад хозяйствования с преобладанием скотоводства и, в первую очередь, свиноводства, что резко контрастирует с синхронными культурами Дагестана и Закавказья, где ведущей отраслью являлось земледелие, и уже потом овцеводство. Охота занимала незначительное место в их жизни, из общей массы костей животных, обнаруженных в мусорных ямах майкопцев, только 4,4% принадлежат диким копытным (Эпоха бронзы... 1994: 224).

Подводя итоги этногенеза северокавказских племен эпохи бронзы, стоит еще раз подчеркнуть их гетерогенность. С одной стороны, в формировании майкопцев приняли участие местные энеолитические племена, с другой – пришлые группировки с территории современного Сирийско-Турецко-Иракского пограничья. На начальной стадии своего существования Майкопская культурно-историческая общность имела ярко выраженные черты Переднеазиатского характера (в элитарной группе предметов) и местные архаичные (в находках из рядовых погребений). Тем не менее, общий обряд захоронения и целый ряд указанных выше находок бытового назначения говорит о нивелировке пришельцев и автохтонов, а потеря связей с прародиной на позднем этапе существования Майкопа углубила процесс слияния двух традиций, деградируя Майкопский культурный комплекс. Этот процесс вылился в трансформацию переднеазиатских черт и местного субстрата в совершенно новую культурно-историческую общность – Северокавказскую (Эпоха бронзы... 1994: 254–286; Марковин, 1990: 8–9). Доминирующий характер культуры пришельцев при этом оказался основным источником для характеристики майкопского периода Северного Кавказа.

Попытки свести майкопские древности к простому импорту из Месопотамии не выдержали критики. Анализ химического состава металлокомплекса культуры и характер металлообработки показывают их местный этап развития на базе переднеазиатских навыков (Кореневский, 1978: 62–64; Кореневский, 1979: 14–15).

Причины миграции месопотамского населения на север до конца не ясны. Одной из них могло явиться оскудение почвы вследствие ее длительной обработки. Подсчитано, что за первые 5 тысячелетий земледелия в районе Восточной Анатолии и Загроса дождями было смыто в среднем до 2 метров плодородного взрыхленного обработкой слоя, особенно в горно-холмистой местности, что повлекло за собой миграцию земледельцев и козопасов шумеров в Двуречье. Уже придя в Месопотамию, они создают в середине V тыс. до н.э. уникальную культуру Убейда, которую принято считать шумерской (Perkins, 1949: 46–96; Porada, 1965a: 150–152; Ллойд, 1984: 68 и след.). Погребальный обряд убейдских племен отличен от такового у предшествующего населения – костяк вытянут на спине, могилы окружены оградками из сырцового кирпича. Одновременно

с Двуречьем, этот тип погребального ритуала распространяется на территории Элама.

Начало расселения шумеров, связанное с периодом Убейд III (4300–3900 гг. до н.э., Porada, 1965a: 176–177) послужило толчком к созданию синкретичной культуры Северной Месопотамии, получившей название Северный Убейд (Tobler 1950). Смешанный погребальный обряд на поселении Тепе-Гавра – кремация, труположение на спине и скорченно – говорят о проникновении нового населения с юга. Но скорченные захоронения, как и прежде, доминируют, а вещественные находки говорят о превалировании местных традиций Халафского типа.

В протописьменную фазу Д (3100–2900 гг. до н.э.) начинается ренессанс шумерской культуры, углубление социальной стратиграфии и активизация внешней политики зарождающихся городов-государств Двуречья (Perkins, 1949: 161; Porada, 1965b: 176–177). Монументальное дворцово-храмовое строительство требует большого числа бесплатной рабочей силы – рабов. Наряду с этим, усовершенствуется вооружение шумеров, увеличивается количество захоронений с боевым инвентарем, что свидетельствует в пользу как выделения касты воинов в самостоятельное сословие, так и повышения значения войны в жизни населения Двуречья. Одновременно с этим растет значение протогородских поселений побережья Средиземного моря, особенно Библа.

На территории Северной Сирии и Юго-восточной Анатолии в середине IV тыс. до н.э. происходят изменения культурного характера – исчезает расписная керамика, которую заменяет красная ангобированная лощеная, появляются сосуды с ручками, подражающие металлическим (Braidwood, 1960). Складывается комплекс материальной культуры, характерный для майкопских древностей.

Изменения социального характера, коснувшиеся шумерского и средиземноморского общества, привели к активизации на внешнеполитической арене. Изменения, происходившие в экономике и обществе, вели к формированию нового типа поселений с развитыми функциями убежища, ремесленных и политических центров. Поселения этого времени частично существуют на старых местах (Иерихон, Меггидо), частью возникают заново (Лахиш, Аи). Все они укреплены фортификационными сооружениями, которые усилены овальными или прямоугольными башнями.

Примерно к 4500 г. до н.э. относится мощное оборонительное сооружение в Мерсине XVI слоя, с каменными стенами полуметровой толщины, с характерной для Майкопа керамикой и медно-бронзовым инвентарем.

Таким образом, рассматривая социально-политическую ситуацию Переднеазиатского региона в контексте достижений материальной культуры, можно отметить, что военно-политическое давление на древнее население современного Сирийско-Иракско-Турецкого пограничья послужило одной из причин, побудивших местные племена к началу миграционных процессов (бегство или переселение – мы не знаем).

Антропологические составляющие концепции. Попытки локализации прародины племен Майкопской культуры предпринимались не раз на самых разных уровнях. Ареал Ближневосточной цивилизации довольно обширен, его временные рамки раздвинуты на несколько тысячелетий, благодаря чему гипотез выдвигалось немало. Мы не будем останавливаться на них подробно, а сделаем беглый анализ антропологического типа Переднеазиатских культурно-исторических областей, чтобы исключить лишние звенья в цепи логических рассуждений. Несмотря на то, что антропология как доказательная база этногенеза уязвима, в качестве косвенной дисциплины она вполне дополняет его картину.

Как мы уже говорили, майкопские племена представляли собой людей понтийского типа. Одна из версий происхождения майкопцев – палестино-средиземноморская, которая опирается на находки кладов в р-не Мертвого моря необычайно высокого художественного стиля. Какие бы доводы ни озвучивались в защиту этой концепции, но уже, примерно, с 4600 по 4000 гг. до н.э., территорию современных Палестины и Израиля занимают племена культуры Гассул-Беэр-Шева, чей расовый облик определенно относится к арменоидному типу большой европеоидной расы, т.е. происходит это за тысячелетие до миграции майкопских племен на Северный Кавказ (Mellaart 1966; Aharoni 1982). К 2800 г. до н.э. арменоиды фиксируются уже в древнем городе Кише, занимаемом шумерами (Месопотамия, слияние Евфрата с Ирриной),

где они составляют до 20% от общей коллекции найденных черепов (Ferembach, 1966). Здесь явное несовпадение краниологических данных обеих культур – Майкопа и Палестинской – что исключает Левант из числа претендентов на роль «отцов» Майкопской культуры.

По другой версии, шумерской, Майкопская культура занесена на Кавказ в результате миграции шумеров, которые к рубежам IV–III тыс. до н.э. уже вышли на историческую арену как мощная сила Ближневосточного региона. Между тем, уже в ранних шумерских захоронениях мы встречаем два антропологических типа, присущих населению Месопотамии. В первом случае они принадлежали к средиземноморской малой расе европеоидной большой расы. Шумерский тип и по сию пору встречается в Ираке: это смуглые люди невысокого роста, с прямым носом, курчавыми волосами и обильной растительностью на лице и на теле (Емельянов, 2001). Второй тип – семитский – также не входит в систему понтийского круга культур Древнего Востока.

Наиболее обоснованным, на первый взгляд, выглядит предположение об абхазо-адыгском происхождении Майкопской культурно-исторической общности. Между тем, подобный вывод противоречит всем накопленным в науке материалам и озвучен исключительно в виде рабочей гипотезы. Мы коснемся его непосредственно несколько ниже.

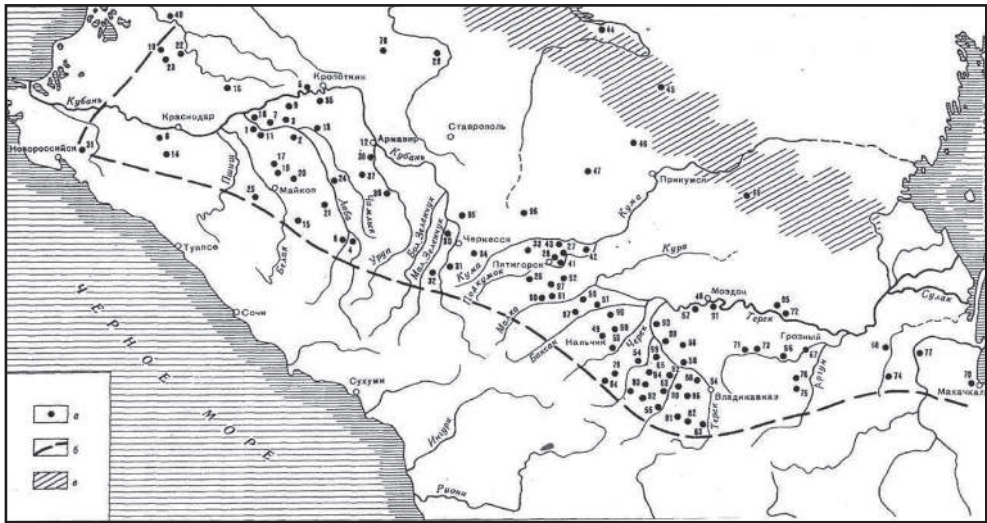
***

Дав характеристику культуругенеза, хронологические рамки и вероятный район происхождения Майкопской культурно-исторической общности, важно определить ее этническую принадлежность. Здесь мы будем говорить не о всей совокупности населения Северокавказского региона указанного периода, а только о той составной его части, которая могла мигрировать на север из Месопотамии и Анатолии, неся с собой основные культуроопределяющие признаки майкопской общности. При этом мы воспользуемся материалами лингвистики.

Лингвистический анализ. Первоначально стоит обратиться к такому источнику, как языкознание. Несомненно, что в Майкопской культуре, организовавшей самобытное и уникальное общество, в отрыве от прародины должны были сложиться свои собственные лингвистические особенности, отделявшие ее от языка-предка.

Из всех современных языков, занимающих территорию распространения Майкопской культуры, наиболее древними автохтонами принято считать западно-кавказскую семью, включающую в свой состав абхазский, абазинский, убыхский, адыгейский и кабардинский языки, и нахскую группу восточно-кавказской семьи, с чеченским, ингушским и бацбийским языками. Последний, согласно фольклорному материалу, занимал Владикавказскую равнину, и покинул указанную территорию уже в историческую эпоху (Эристов, 1855). Анализ глоттохронологии определил родство всех указанных семей в пределах правосточнокавказской (далее ПСК) общности, распад которой приходится на период конца VI – начала V тыс. до н.э. (Старостин-Николаев, 1984) Таким образом, столь ранняя дивергенция северокавказских языковых группировок – западной и восточной – исключает Майкопскую культуру из числа носителей ПСК языка-основы, не отменяя при этом северокавказский характер самого «майкопского» языка.

Распад абхазо-адыгского единства относится к рубежу XII–XI вв. до н.э. (Инал-Ипа), что также исключает его из числа претендентов на роль потомков условного майкопского языка. Поясним в этой связи, что для столь длительного существования общего языка-основы необходима небольшая, узкая локализация, в пределах которой равномерно протекают все его лингвистические процессы – от морфологии до словообразования. В то же время хронологические рамки празападнокавказского языка охватывают дистанцию почти в 3 тыс. лет, с 50–49 по 12–11 вв. до н.э., что говорит о первоначально небольшом ареале обитания его носителей. Даже учитывая тот факт, что момент обособления абхазо-адыгских языков от какого-то исчезнувшего языка-основы приходится на конец IV – начало III тыс. до н.э., т.е. на момент возникновения Майкопской культуры, то и в этом случае 2-тысячелетняя давность дала бы высокую частоту дивергенции на такой большой ареал, вплоть до образования отдельных языковых групп. Между тем, все языки абхазо-адыгской группы исконно

Ареал распространения Северокавказской культурно-исторической области, преемницы Майкопской культуры. На карте: а – археологические памятники, б – условная граница культурно-исторической общности, в – зона стыка культур.

сосредоточены в районе Причерноморья, и, случись их распад в северокавказском регионе, мы имели бы последствия подобной дивергенции в лице отдельных языков именно в данном ареале. Анализ культуры-наследницы Майкопа, Северокавказской культуры, напротив, показывает ее оторванность от Черноморского побережья и, что наиболее важно, исчезновение автохтонной культуры Прикубанья к среднему периоду под натиском степных племен катакомбной культуры.

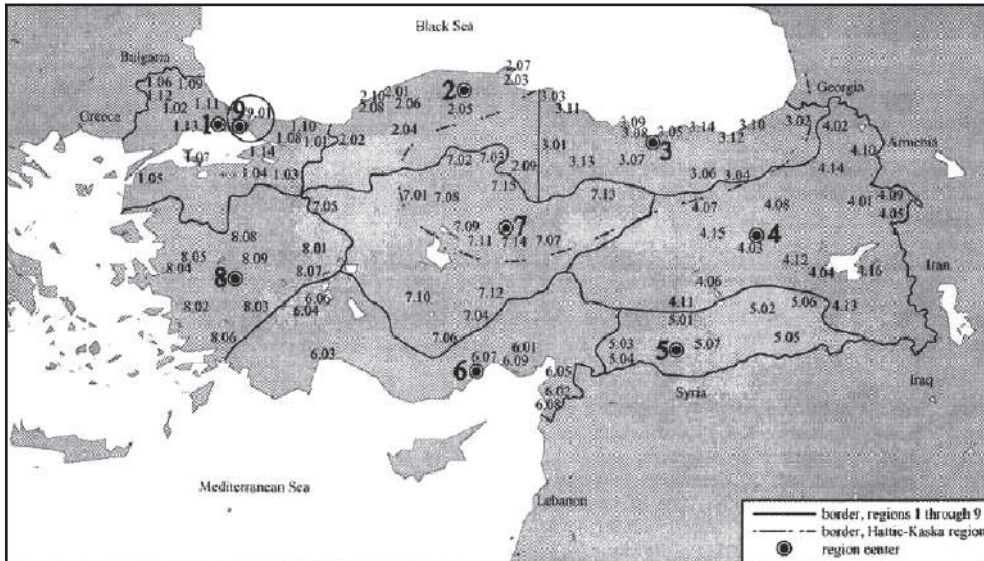
Археологические исследования в Абхазии указывают на исчезновение к концу III тыс. до н.э. на ее территории следов Майкопской культуры и говорят об активном продвижении прибрежных племен предшествующей и синхронной Майкопу эпох к горным перевалам Главного Кавказского хребта и далее на северо-запад вдоль Черноморского побережья (Бжания, 1975: 10-11). Этот факт недвусмысленно свидетельствует в пользу наших выводов – исходная точка продвижения предков абхазов, адыгов и убыхов на Северный Кавказ лежит на территории Северо-восточной Анатолии, что стыкуется с отсутствием культурной преемственности между Майкопской культурой р-на Причерноморья и последующими его обитателями.

Археологический материал более раннего периода также противоречит теории абхазо-адыгского происхождения Майкопских древностей. Районы Северо-восточной и Центральной Малой Азии, где, по мнению ученых, сложились основы хаттской культуры и западнокавказских племен прибрежных районов Черного моря – кашка и абешла – на момент конца IV – начала III тыс. до н.э. имеют свидетельства местного энеолитического происхождения. И хотя они развивались в дальнейшем под некоторым влиянием Месопотамских традиций, их самостоятельный характер довольно заметен и явно не имеет большого сходства с майкопскими, можно только указать на исходные формы прототипов для того и другого культурных центров.

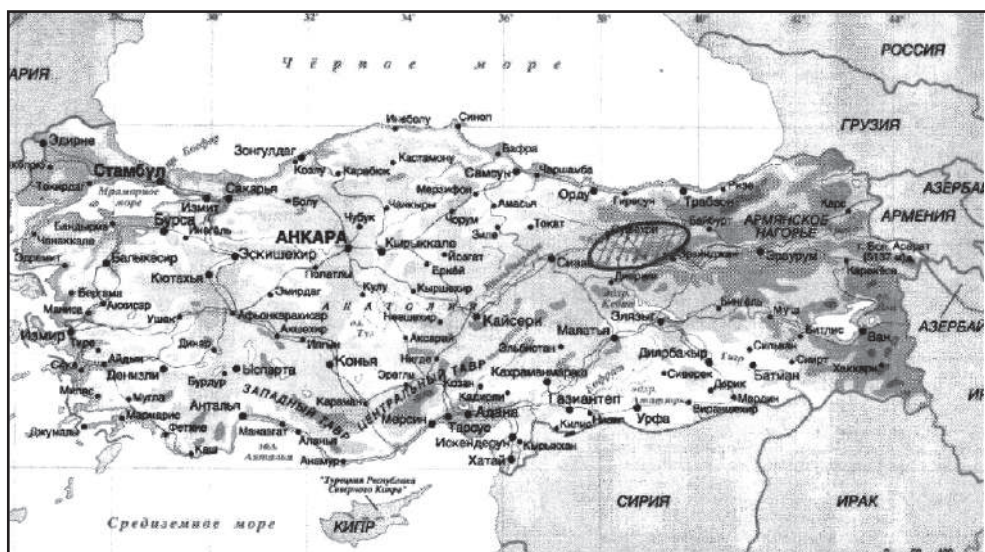
Жилые постройки малоазиатских поселений имеют совершенно иное происхождение, называемое в науке «мегарон». Миграционные потоки для культур Анатолии V–IV тыс. до н.э. свидетельствуют об их западной направленности. Так, к примеру, комплекс Троя I, существовавший примерно в 3600–3100 гг. до н.э. (Belgen, 1950), отменен керамикой с резным орнаментом, заполненным белой краской, белорасписная керамика темно-серого, коричневого и красного цветов, которая, после разрушения Трои I и возведения Трои II (Belgen, 1951; Belgen, 1963), сменилась лощеной красной ангобириванной. Впервые появляется в Малой Азии гончарный круг, что, несомненно, связано с миграцией из Месопотамии каких-то групп населения. Каких именно – мы рассмотрим ниже.

В горах и лесах причерноморского Тавра (северо-восток совр. Турции) древние

письменные источники фиксируют предков абхазо-адыгских народов – каскейцев (Ga-as-ga, кашка) – которые вели непрерывные войны с Хеттским царством на всем протяжении его существования (Маккуин, 1983; Замаровский, 2000). На связь каскейцев с предками адыгов указывали многие исследователи (Валиева-Непомнящий, 2004: 134). Хронологически наиболее серьезные столкновения приходится на 1530-е, 1510-е, 1450-е, 1390-е, 1380, 1280-е, 1275 и 1200 гг. до н.э. С падением Хеттской державы совпадает начало обособления отдельных подгрупп абхазо-адыгской группы, и начало миграции собственно предков современных западнокавказских народов на Северный Кавказ. Ассирийские источники XII в. до н.э. упоминают каскейцев уже на восточной периферии Малой Азии, по соседству с мушками и табалами. В последний раз их имя

Распространение хатто-каскайского языкового массива в конце III тыс. до н.э. (пунктирная черта). Под цифрами: 3.02 – Арвин, 3.03 – Бафра, 3.04 – Байбурт, 7.01 – Анкара, 7.07 – Кайсеры, 7.09 – Кыршехир, 7.11 – Невшехир, 7.14 – Уржюп.

Границы позднего Каскайского царства (заштриховано) в VII в. до н.э. (Бызов И.В.)

фигурирует в документах VII в. до н.э., где в верховьях рек Кызыл-Ирмак (античный Галис) и Келькит существовало небольшое Каскейское царство (Гиоргадзе, 1961; Меликишвили, 1954; Götzе, 1957).

Предки абхазов (самоназв. апсуа) – абешла – впервые упомянуты в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара II (1115–1077 гг. до н.э.). В дальнейшем, с I в.н.э., они фигурируют под названием апсилы (Воронов, 1975). Устойчивое бытование одних и тех же этнонимов на протяжении длительного периода – характерная особенность абхазо-адыгского языкового массива.

Топонимика Западной Грузии и Абхазии также указывает на миграции протоадыгов через эти местности. Такие адыгские гидронимы, как Ахыпс, Хыпс, Лащыпс, Дагарыпш, Рапш, Супса и мн.др. однозначно указывают древние пути миграций, причем, судя по самим топонимам, распад абхазо-адыгского праязыка состоялся уже в Закавказье (Меликишвили Г.А.). По мнению Анчабадзе З.В., топонимические реалии в северо-восточной части Малой Азии – Синопэ, Акампсис, Арипса, Апсареа, Дуабзу и др. – с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была также населена предками абхазо-адыгов (Анчабадзе 1976). Подобные сравнения проводил и абхазский ученый Инал-Ипа Ш.Д.

Топонимика Карачаево-Черкесии также демонстрирует их самостоятельное, абазинское происхождение, и абсолютно лишена абхазо-адыгского и даже абхазо-абазинского субстрата. Эта сторона вопроса была в свое время рассмотрена в работе Федорова Я.А. (Федоров, 1974: 99, 283). В то же время мощный абазинский субстратный слой топонимики засвидетельствован на территории от р. Бзыбь до г. Туапсе.

Нет следов регулярных контактов пракартвельского языка основы, как с абхазо-адыгским праязыком, так и с отдельными языками этой группы (Климов, 1964). Причем существование первого приходится на конец III тыс. до н.э. и охватывает IV–III тыс. до н.э. (Климов, 1964: 80; Климов-Алексеев, 1980: 167). Распад пракартвельского языка, по данным глоттохронологии, приходится на 19 в. до н.э. (Климов, 1964; Гамкрелидзе-Иванов, 1984: 881). Прародина пракартвельского языка общепринята в современной науке – это район Закавказья и несколько удаленные от Большого Кавказа к северу территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. По Дьяконову (Дьяконов 1982: 18) первичным ядром прародины является Кахетия, по Гамкрелидзе-Иванову – Центральное Закавказье (Гамкрелидзе-Иванов, 1984: 881). Западное Закавказье картвельские племена заселили уже после распада языка-основы (Гамкрелидзе-Иванов, 1984: 881). Археологически эта языковая общность однозначно ассоциируется с куро-аракской культурой (Кушнарева-Чубинишвили, 1970: 181–182; Мунчаев, 1975: 193). Хронологически ее распад синхронен распаду пракартвельского языка (Глonti-Джавахишвили, 1987: 81–83).

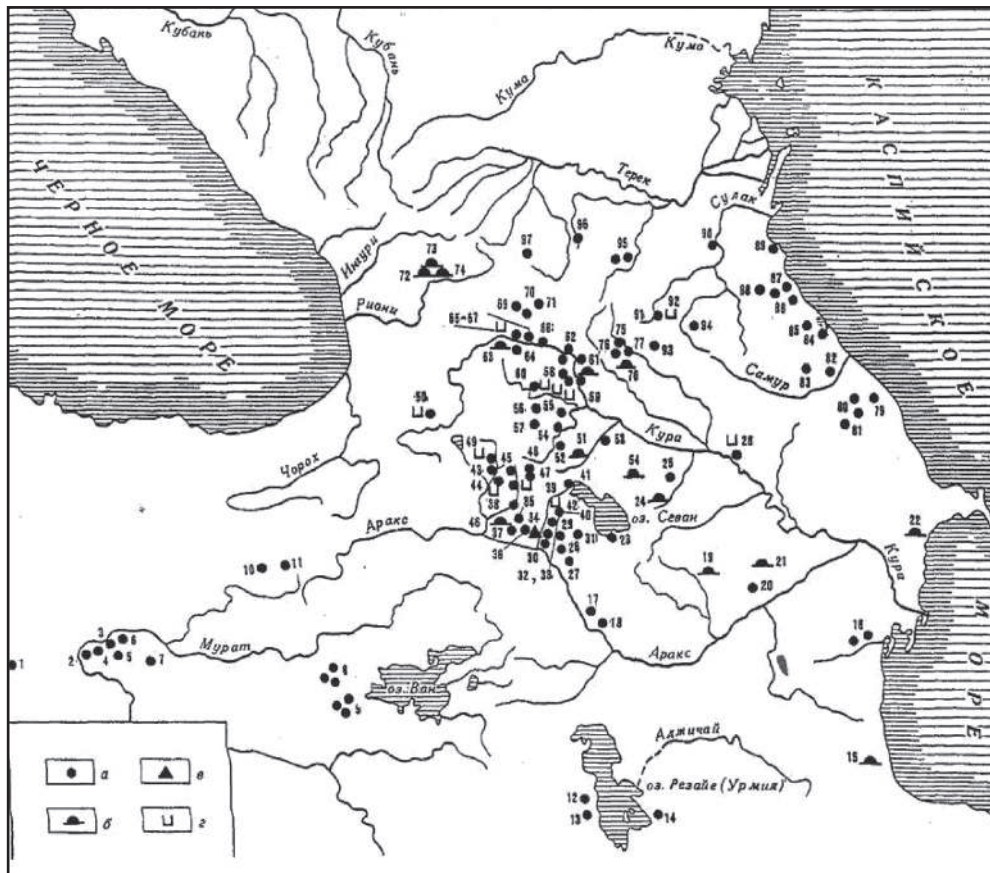
Майкопско-куро-аракские связи отмечены в работе ряда советских археологов (Глonti-Джавахишвили, 1987: 80–87; Николаева-Сафронов, 1980: 18–80). Контакты эти настолько тесные, что не могли не оставить следов в лексике картвелов. Мунчаев Р.М. определил довольно глубокий синтез двух культур в горных и предгорных районах Центрального Кавказа (Мунчаев, 1975: 351). Между тем, следов тесных взаимоотношений с абхазо-адыгским языковым миром в пракартвельском практически нет. В то же время, такие контакты, и довольно активные двусторонние, наблюдаются как с нахско-дагестанским праязыком, так и с отдельными его потомками, и в первую очередь с правахским. При этом связи с ними охватывают обширный круг вещей и явлений (Климов, 1964). Это говорит об отрыве западно-кавказского языкового мира от очага пракартвельской общности какими-то группами, чужеродными абхазо-адыгским языкам. Кто были эти «буферные» племена, мы гадать не станем, поскольку тема эта не входит в круг наших задач.

Касаясь пребывания северокавказских народов в период конца IV – III-м тыс. до н.э., стоит отметить кавказско-индоевропейские языковые контакты, а именно – связи с индоиранским массивом, чей маршрут коснулся Предкавказских степей. Время дивергенции этой группы языков – конец III тыс. до н.э. (Гамкрелидзе-Иванов, 1984: 415), при этом дардские и нуристанские ветви выделились несколько раньше, а индийская и иранская существовали в едином праязыковом состоянии до 2000–1800 гг. до н.э. (Mallory, 1989). Распад этот, по мнению ряда авторов, произошел в Причерноморье (Трубачев, 1977: 13–29).

На период расширения общearийского языкового континуума в Причерноморье и на территории Предкавказья Майкопская культура уже существовала на Северном Кавказе. Следовательно, контакты двух разнородных семей должны были оставить свой след в словарном фонде и тех, и других. Специально этим вопросом занимался в конце 80-х гг. XX столетия Старостин С.А. Согласно его выводам, 6 общеиндоиранских слов попало в восточно-кавказские языки, в то время как абхазо-адыгские не имеют следов подобных контактов. В число заимствований из арийских в праанхский фонд вошли:

- 1) чеч. верита, ингуш. ферта «бурка» = авест. **varθsa**;
- 2) чеч. борши, бацб. борш «бычок» = др.-инд. *vṛṣa* «бык», авест. **varθšna**; «самец»;
- 3) чеч. бёр, бацб. бадер «ребенок» = др.-инд. *vataṛa* «теленок»;
- 4) чеч. барз, ингуш. боарз «холм, курган» = авест. **bθrθz**;
«высокий, гора», перс. *burz* «гора» (Старостин, 1988: 113-114).

Рассмотрев этот материал вкратце, можно высказать мнение, что предки абхазо-адыгских народов в период Майкопской культуры еще не вышли на Северный склон Большого Кавказа, а располагались на территории Западного Закавказья и Восточной Анатолии.

Ареал бытования памятников Куро-аракской культуры: а – поселения, б – курганы, в – клады, г – погребения (Мунчаев Р.М.).

Хава Темаева

Проблема нравственного выбора в творчестве Чингиза Айтматова и ее отражение в чеченской литературе

Проблема нравственного выбора волнует человечество буквально с первых дней его существования, что нашло отражение в самых ранних фольклорных произведениях. Так, в русских народных былинах богатырь, выбирая дорогу, по которой ехать, одновременно оказывался перед необходимостью сделать нравственный выбор: «Налево пойдешь – богатство найдешь. Направо пойдешь – смерть найдешь». В чеченском устном народном творчестве мотив нравственного выбора также имеет место. Так, в чеченских героико-эпических песнях «илли» герой вынужден выбирать: либо смириться с несправедливостью феодальных владетелей, либо, рискуя жизнью, вступить в открытую борьбу с ними.

Проблема нравственного выбора нашла свое отражение на страницах как Библии, так и Корана. В христианстве особенно наглядно это проявилось в предании об Иове (пророке Аюбе). Посылая на него несчастье за несчастьем, Сатана стремится склонить его в сторону зла, однако Иов с честью выдерживает все испытания и сохраняет веру в добро.

Проблема нравственного выбора осмысливается в творчестве Ч. Айтматова через систему героев как положительных, так и отрицательных. Писатель изображает величие дерзаний человека, проявляющееся, прежде всего, в характере его главных персонажей и в конфликтах. В раннем творчестве он предпочитает малые прозаические жанры, поскольку они дают возможность сконцентрировать внимание на личности одного героя, во всей полноте раскрыть его характер.

Обращение к психологии и внутреннему миру героя, характерное для литературы второй половины прошлого века, имело место и в прозе Ч. Айтматова. Так, в его повести «Лицом к лицу» поначалу кажется, что Исмаил достоин жалости, но постепенно становится очевидным, что ушел он с фронта по слабости духа, им руководили беспредельный эгоизм и стремление поставить себя выше всех, включая близких и родных ему людей. Чтобы выжить самому, он готов отнять последнее даже у своей матери, сына и жены. Наконец, он идет на страшное преступление – крадет последнюю корову у семьи, глава которой погиб на фронте, прокладывая солдатам своего отделения путь через минное поле. Единственная надежда вдовы и трех ее малолетних детей – корова, которая вот-вот должна принести долгожданное молоко. Похитив ее, Исмаил обрекает целую семью на голодную смерть. Писатель внимательно следит за процессом разрушения личности, утраты человеческого достоинства.

И прямо противоположная перемена происходит с женой Исмаила – Сейде. В начале повести это во всем покорная мужу женщина. Ради него Сейде готова и жертвовать собой, но постепенно убеждается, что никакая жертвенность с ее стороны не будет хоть сколько-нибудь оценена Исмаилом. День за днем Сейде видит, как он из эгоиста превращается в опасного зверя, лишённого элементарных человеческих чувств и готового на любое преступление. Все это ставит Сейде перед нелегким нравственным выбором. И надо отдать ей должное – она не просто выдает убежище своего мужа-дезертира, но сама идет к нему, что предотвратило новое преступление Исмаила.

Преступив морально-этические нормы, Исмаил в конечном итоге оказался в открытом конфликте с самыми близкими ему людьми и с обществом в целом. Что и привело его к краху. В том же ключе разрешается морально-этический конфликт личности и общества в новелле «Торга» чеченского писателя Мусы Бексултанова. Юноша по имени Торга представлен в этом произведении настоящим рыцарем, в любую минуту готовым вступить в борьбу со злом, со всем, что унижает честь и достоинство человека. Торга – жертва предательства собственного отца Муртазы, который такой ценой становится главой горного селения. Однако теперь Муртаза оказывается в конфликте с жителями селения, которые отворачиваются от него: «В селе можем жить или мы, или ты», – таково их решение, и Муртаза уходит из гор на равнину, где следы его окончательно затерялись.

Джамиля и Данияр, главные герои повести Ч. Айтматова «Джамиля», показаны как

люди, не только не умеющие жить в полсилы, но и как герои, чье поведение нетипично для традиционного образа жизни киргизов. В центре повести расположена личная драма героев, которые глубиной своей любви должны доказать силу собственного характера.

Кажется, что Джамия Ч. Айтматова заслуживает осуждения за свой поступок. Ее муж Садык, как будто, по-своему любит ее, но собственные взаимоотношения с женой строит целиком в рамках традиционных киргизских обычаев, предписывавших мужу скрывать чувства. Это, в частности, проявляется в письмах, которые он пишет домой: «Посылаю это письмо по почте моим родным, живущим в благоухающем, цветущем Таласе, премного любимому, дорогому отцу Джолчубаю...». Далее шла его мать, а потом уже все мы в строгой очередности. После этого следовали неперменные вопросы о здоровье и благополучии аксакалов рода, близких родственников, и только в самом конце, вроде бы второпях, Садык приписывал: «А также шлю привет моей жене Джамиле...»¹

Джамия изображена Ч. Айтматовым как полная противоположность Садыка. Писатель подчеркивает индивидуальность Джамии, восхищается ее красотой, любовью к труду, показывает ее жизнерадостность. Дитя свободных гор с ярко выраженным чувством справедливости, любви к труду, «она имеет сильный и гордый характер, который просто невозможно втиснуть в предписанные обычаем жизненные рамки»².

Речь Джамии также отличается индивидуальностью, в ней преобладают восклицательные или вопросительные предложения. Буквально в каждой фразе проявляется цельность ее характера, читатель чувствует – все, что она говорит, основательно продумано ею. К тому же речь Джамии насыщена шутками, краткими и решительными замечаниями, что добавляет новые штрихи к ее индивидуальности.

Буквально с первых страниц повести мы видим, что Джамия (скорее даже неосознанно) не может полностью подчиниться вековым устоям, царящим в семье Садыка, да и в самом айле, где она очутилась, выйдя замуж. Чувство протеста, постоянно живущее в ней, начинает усиливаться и принимать вполне осознанный характер по мере того, как в ней просыпается и растет чувство к Данияру.

Кажется, что сначала Джамия не воспринимает всерьез Данияра, но вскоре становится очевидным, что ее шутки над ним есть не что иное, как попытка подавить внезапно пробудившуюся любовь. Джамия изо всех сил противится этому чувству, но не может его преодолеть. Благодаря мастерству Ч. Айтматова читатель убеждается, что измена мужу, раненному в боях за родину, со стороны Джамии «парадоксальным образом оказывается торжеством высшей морали над косностью и покорностью обстоятельствам»³.

Созданный Ч. Айтматовым непростой образ Джамии и ее нравственные искания убеждают читателя – в повести речь идет о гораздо большем, чем право киргизской женщины на любовь, счастье и уважение. Ч. Айтматова интересуется качественно новые черты человека, личность женщины, которая хранит национальные традиции, но сформирована в новое время. В условиях напряженной военной ситуации, в свете бескомпромиссной постановки этических проблем особенно ярко выделяются черты человека, который достигает той степени личной свободы, которая необходима для развития личности.

Поиск аналога Джамии в чеченской литературе приводит нас к Соби, героине повести С. Курумовой «Моя ошибка». Соби работает трактористкой и уже одним этим фактом вызывает раздражение у ревнителей старины. Тем не менее она смело борется за право самой избирать жизненный путь и быть счастливой. Ее любовь к кузнецу Койме по настоящему чиста и глубока, и счастье главной героини повести кажется полным. Однако Койма не дорожит ее любовью и пытается унижить ее человеческое достоинство, что предопределяет их разрыв. «Соби не из тех женщин, которые безропотны в семье. Ее первая любовь столкнулась с бездушием человека, пытающегося жить по канонам прошлой жизни. Тогда в ней заговорило чувство собственного достоинства»⁴.

Эта тема интересует чеченских писателей с самого зарождения национальной литературы. Так, еще в 1930 г. основоположник чеченской литературы Саид Бадуев попытался представить яркий, самобытный образ чеченской девушки в романе «Петимат». Бадуевская Петимат – натура тонкая, умная, честная и благородная. Она непримирима к проявлениям зла, носителями которого выступают в романе богатеи и священнослужители.

Повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» учит ненавидеть жестокость и жить в соответствии с высоким долгом человека – добром отвечать на добро, помнить об ответственности перед окружающим миром и перед собственной совестью. Автор

не дал своему маленькому герою имени. В повести он выведен просто как мальчик – единственный ребенок на кордоне, стоящем далеко от других поселений. Эта оторванность мальчика от мира играет в повести немаловажную роль – лишенный общения со своими сверстниками, он окружен первозданной природой.

Особое место в повествовании занимает сказка, придуманная самим мальчиком, о белом пароходе, что плывет через Иссык-Куль. На нем мальчик надеется найти не только отца, но и людей, которых ему не хватает на лесном кордоне. Образ мальчика у Ч. Айтматова глубоко символичен. Это ребенок с целомудренной душой, живущий одновременно в двух пересекающихся мирах.

С одной стороны, он живет в реальном, грубом мире кордона, в котором почти безраздельно властвует жестокий Орозкул, с другой стороны – в мире удивительной волшебной сказки о Рогатой Матери-оленихе и белом пароходе. У Айтматова этот образ становится символическим воплощением совести. А именно совестью проверяется не только внутренний мир каждого персонажа повести, но и нравственная значимость их поступков, отношение к природе и к современным общественным проблемам.

Моральным антиподом мальчика в повести «Белый пароход» выступает вечно хмурый и злой Орозкул. Это человек практически не развитый духовно и как будто даже ограниченный интеллектуально. Но и у него тоже есть мечта. Только мечтает он о «сладкой» жизни начальника в большом городе. Там ему грезится начать жизнь заново, жениться на красивой женщине, которая непременно родит ему детей. Некрасивая и бесплодная жена вызывает в его душе злобу и чувство жалости к самому себе, что нет у него потомства.

Как видим, Орозкул несчастлив, но мы не можем не отметить также, насколько примитивно просто и грубо материалистичны его представления о счастье. О чем он мечтает? О должности начальника, имеющего собственный кабинет. Но, как выясняется, и этот кабинет, и высокая должность Орозкулу нужны только для того, чтобы возвыситься над людьми. В нем самом нет ничего, что вызвало бы уважение к нему со стороны окружающих, и он надеется получить хотя бы видимость уважения благодаря «высокой» должности. Внешние атрибуты «уважения» со стороны окружающих для Орозкула важнее любви со стороны близких. Даже если это уважение не к нему как к личности, а лишь к той высокой должности, которую он занимает. Одно это показывает, насколько бездуховен и опустошен Орозкул как личность – в нем нет внутреннего содержания, для него не существуют духовные ценности – их заменяют ему внешние атрибуты: высокая должность, власть и деньги.

Нравственный мир героев повести «Белый пароход» наиболее зримо проявляется в их отношении к природе. Если для мальчика слияние с природой органично, она питает его душу красотой, то для его нравственных антиподов заповедный лес – это всего лишь «кругляк», которой можно продать с выгодой для себя, а маралы – это лишь «мясо» и «рожища», которые можно повесить на стену. Особой силы достигает этот контраст в финальных сценах повести, когда Орозкул устраивает дикое пиршество, где в целой системе сравнений, эпитетов, в самом ритме повествования автор творит гневный и праведный суд над утратившими совесть и всякую нравственность взрослыми, чья бездуховность и заставляет мальчика уйти в сказку.

Духовным близнецом Орозкула в произведениях Мусы Ахмадова выступает Жахарбек. Изгнанник, некогда принятый в чеченское горное село, он всеми возможными способами увеличивает свой материальный достаток, не останавливаясь перед убийством. Для него нет моральных запретов. Гордый своей неуязвимостью, Жахарбек сам себя сравнивает с лесным кабаном, весь был забрызган грязью. Бурьян и грязь для него – родная стихия, а убийство им человека его нисколько не смущает. (повесть «И муравейник не разрушай»).

М. Ахмадов на судьбе своих литературных героев показывает, как и насколько может деградировать личность, преступившая моральные нормы. Подобная метаморфоза произошла, например, с Тахиром, совершившим убийство ради старинного родового клада. Человек отличается от зверя тем, что размышляет над тем, что делает, сделал или собирается сделать. Тахир же не был человеком, он стал зверем. Если людям понадобились тысячелетия, чтобы отделиться от животного мира, то, чтобы вновь примкнуть к нему, достаточно и одного дня (рассказ «Золотая яма»).

Во всех ранних повестях Ч. Айтматова им подняты нравственно-этические проблемы. Такая же сосредоточенность на морально-этических проблемах характерна и для чеченской литературы эпохи позднего социализма (70–80-е гг. XX столетия). Особенно ярко эта черта проявилась в произведениях Мусы Бексултанова. Герои его рассказов – люди гордые и мужественные, любящие свой народ и свою малую Родину. Через их мысли, дела и поступки автор горячо осуждает ложь, предательство, трусость,

а персонажи, ставшие на сторону зла, даже если они и одерживают временные победы, в конечном итоге теряют больше – окружающие отворачиваются от них с презрением.

При этом сам конфликт добра и зла в произведениях М. Бексултанова может носить обыденный характер. Так, молодой и жизненно неопытный Ширвани, герой рассказа «Не смотри на меня», влюбляется в преподавательницу техникума, в который он поступил учиться. Заметив интерес юноши к себе, Лиза, человек, искусственный в амурных делах, умело пользуется его неопытностью, чтобы устроить с ним свою жизнь. Тем не менее окончание рассказа не создает у читателя впечатления об окончательном торжестве лжи. Ширвани снится сон, что мать, переодев его в чистую белую сорочку, уводит его домой. Таким образом, авторский замысел достаточно прозрачен: белая сорочка как бы символизирует новую, чистую жизнь, которая предстоит Ширвани под родительским кровом.

Именно в произведениях М. Бексултанова впервые в чеченской литературе с особой силой прозвучала тревога о духовном здоровье молодого поколения. Писатель хорошо знает психологию практичного, расчетливого эгоиста, обнищавшего духовно, забывшего о народной морали, пренебрегающего тем, что трудолюбие, умеренность во всем, уважительное и заботливое отношение к людям, порядочность, честность, щедрость всегда являлась мерилем достоинства человека. Как утверждает своими произведениями автор – отступление от нравственных норм отторгает человека от людей.

В романе «Плаха» Ч. Айтматов вновь заостряет внимание читателей на вопросах духовности, нравственности. Ничто высокое, человеческое не дается просто так, за все надо платить – зачастую очень дорогой ценой. Именно в этом сокровенный смысл названия романа. С другой стороны, роман «Плаха» всем своим настроением, всеми литературными образами направлен против зла, что составляет основополагающую особенность всего творчества Ч. Айтматова. Это произведение стало первым романом в советской литературе, в котором с предельной откровенностью поднимаются проблемы наркомании и наркобизнеса. Но этим содержание романа не ограничивается, поскольку это все же в первую очередь роман о проблеме будущего молодого поколения.

При всей невозможности исправить мир и полностью изгнать из него зло настоящий человек обязан предпринимать все возможное, чтобы этот мир улучшить. В этот заключается его нравственный долг. Авдий Каллистратов, один из героев произведения, понимает это, но не в силах исправить зло, с которым борется. В качестве противоположности Авдию в романе выступает старший облавщик Обер-Кандалов, который воспринимается как символ безмерной жестокости и садизма, на какие только способен человек. Всех примкнувших к нему он называет «хунтой», а самого себя воспринимает диктатором Моюнкумской степи. Авдий терпит поражение в столкновении со злом, его проповедь не была услышана и принята. Вместе с тем, в этом образе писатель воплотил идею необходимости осознания людьми простой истины: духовная деградация является для человека угрозой даже большей, чем физическая смерть.

Чингиз Айтматов ставит своих героев перед проблемой нравственного выбора, который оборачивается для них личной трагедией. Свообразно и с огромной художественной силой проблема трагичности нравственного выбора раскрыта выдающимся чеченским писателем Абузаром Айдамировым в романе «Долгие ночи» на примере конфликта сельского старшины Исы с его же собственными сыновьями. Во время Кавказской войны Иса прославился как один из самых жестоких пособников царских колонизаторов. Он участвовал во многих экспедициях, направленных на подавление «мятежных» чеченских селений, а порой даже возглавлял их. Он шел к своей цели, сурово расправляясь с участниками восстаний. При этом Иса примкнул к российским войскам не по идейным соображениям, а исключительно ввиду выгоды, возможных от службы царю, которого в глубине своего сердца он не любит. Его настоящее стремление – чины и власть, дарованная ему царем над односельчанами. Иса настолько ослеплен своими честолюбивыми желаниями, что его нисколько не смущает то обстоятельство, что в кровавой войне ему противостоят собственные сыновья, готовые умереть за народ. В конечном итоге, уже после завершения Кавказской войны Иса погибнет от руки одного из своих сыновей, возмущенного очередной несправедливостью, совершаемой им.

Главная цель Ч. Айтматова, лейтмотивом прошедшая через следующий его роман «Тавро Кассандры», – заставить читателя задуматься о глобальных масштабах зла, ненависти и страданий, обрушившихся на человечество. Сюжетная коллизия романа развивается вокруг письма, отправленного космическим монахом Филофеем самому Папе Римскому. В письме излагается разработанная Филофеем теория о кассандро-

эмбрионах, отличие которых от нормальных эмбрионов состоит в том, что уже в первые недели развития они предчувствуют бессмысленность своей будущей жизни, а потому посылают сигналы о нежелании жить. Причина столь загадочного поведения кассандро-эмбрионов кроется в охватившем мировое сознание ощущении порочности и гибельности людского бытия. Именно это убивает в некоторых человеческих эмбрионах тягу к жизни.

Многое в образе космического монаха Филофея объясняется его происхождением. Ведь в миру – это ученый-генетик Андрей Крыльцов, человек без рода, лишенный всяких корней. У него нет родословной, а значит, его прошлое лишено глубины.

Иксроды (результат целенаправленного научного эксперимента, при котором их лишают человечности, из их натуры изымают нравственные начала) – символ, через который Айтматов развивает мысль о том, что в человеческой эволюции велика ответственность каждого живущего как перед прошлым, так и перед будущим. Родовая вина, поколениями накапливаемая в индивиде, начинает оказывать негативное влияние на потомков. Бессознательный страх кассандро-эмбрионов перед жизнью – это не случайность, а закономерное явление, следствие накопленного веками зла, отчаяния, ненависти.

Автор в романе «Тавро Кассандры» выдвинул тезис о коллективной вине человечества, за которую оно должно нести коллективную ответственность и покаяние. Каждый верующий обязан искупить свою вину искренним покаянием.

Представление об ответственности человека не только перед потомками, но и предками отчетливо присутствует и в чеченской традиционной духовной культуре, отражаясь и на всей чеченской ментальности. Это хорошо известный всем чеченцам постулат о том, что за каждый свой поступок человек несет ответственность перед семьей своими предками и семью поколениями своих потомков. Любое преступление или недостойный поступок, совершенный им, темным пятном ложится на семь поколений прошлого и будущего и его вина будет прощена только в восьмом поколении. И только восьмое поколение его потомков освободится от вины за своего далекого предка, лишь оно полностью очистится от родовой вины.

В реальной жизни осознание своей ответственности перед прошлым и будущим удерживает человека от безнравственных поступков. Но что делать, если у человека нет осознания своей связи даже со своими современниками? Таким людям только и остается, что попытаться прийти к высокой духовности через личное покаяние.

Нравственно-этические нормы являются единственным способом достижения полной гармонии мира и человеческой души. Они же служат истинным критерием оценки добра и зла. Вместе с тем, это еще и мудрость предков, веками проверенный опыт поколений, который современное человечество для собственного самосохранения обязано сберечь и передать своим потомкам.

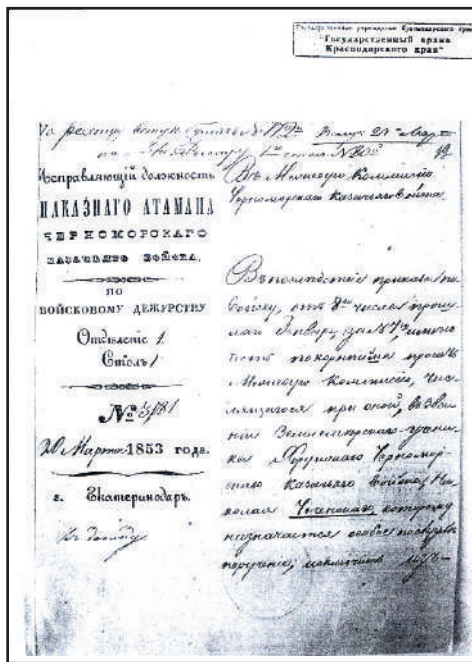
Литература

1. Айтматов Ч. Джамиля: Повести. – СПб., 2005. – С. 18.
2. Флиге Х. Вклад Ч. Айтматова в социалистическую литературу // Чингиз Айтматов в Германии: исследования, статьи, рецензии о творчестве. – Бишкек, 1991. – С. 99.
3. Опиц Р. Изображение героя нашего времени в повестях Айтматова / Чингиз Айтматов в Германии: исследования, статьи, рецензии о творчестве. – Бишкек, 1991. – С. 21.
4. Туркаев Х.В., Мальсагов А.У. Путь к зрелости. Заметки о современной чечено-ингушской литературе. – Грозный, 1968. – С. 75.

Татьяна Гвоздикова

«Имею честь покорнейше просить...»

В боевой истории нашей страны золотыми буквами выписаны имена целого ряда чеченских героев, верой и правдой отстаивавших Россию, ее честь и интересы во внешних войнах. Но, пожалуй, особое место среди них занимают российские воины, вышедшие из противников русского царизма. Скорее даже не самих противников, а их детей – детей участников национально-освободительной борьбы горцев Кавказа XVIII–XIX вв. Взятые малышами в разгромленных аулах, они воспитывались в русской среде, в семьях российских генералов и офицеров. Здесь некоторые из них получили хорошее образование, поступили на военную службу и отличились в ней мужеством, храбростью, воинским искусством, воинскими боевыми наградами. К сожалению, более-менее полные известия к нам дошли только об отдельных личностях из них. Например, о герое Отечественной войны 1812 г., удалом гусарском офицере и доблестном кавалерийском генерале Александре Чеченском – друге и сподвижнике гусарского партизана и поэта Дениса Давыдова. Георгиевский кавалер Александр Чеченский был удостоен похвалы на Бородинском поле самим фельдмаршалом Кутузовым.

Приказ по казачьему войску.

Многими наградами был отмечен и участник Русско-турецкой и Крымской войн Валерьян Чеченский. Начав службу рядовым, закончил ее пехотным генерал-майором. Характерно, что эти отважные, служившие в разное время, в разных местах, незнакомые друг с другом носили одинаковую фамилию «Чеченский». Этим самым подчеркивалось, из какого рода-племени они происходили.

Мне посчастливилось обнаружить в Государственном архиве Краснодарского края документы еще об одном офицере Чеченском – Николае. Николай Чеченский был офицером казачьих войск. Вот что говорится о нем в служебных документах.

Николай Чеченский, сын Яковлев, 8-го мая 1847 г. вступил казаком в Черноморское казачье войско. Двадцати лет от роду, вероисповедания православного, из пленных чеченцев. В казенных заведениях не воспитывался, обучался российской грамоте – читать и писать, закону Божьему, арифметике, геометрии и истории, географии, черчению и рисованию,

языкам: латинскому и французскому. Это выдержки из формулярного списка о службе и достоинстве хоруужего Черноморского казачьего войска Николая Чеченского. Где он родился, Николай Чеченский, как попал на Черноморье? Если Николай Чеченский «в казенных заведениях не воспитывался», то кто его взял на воспитание и дал ему хорошее образование? Этих сведений в документах нет.

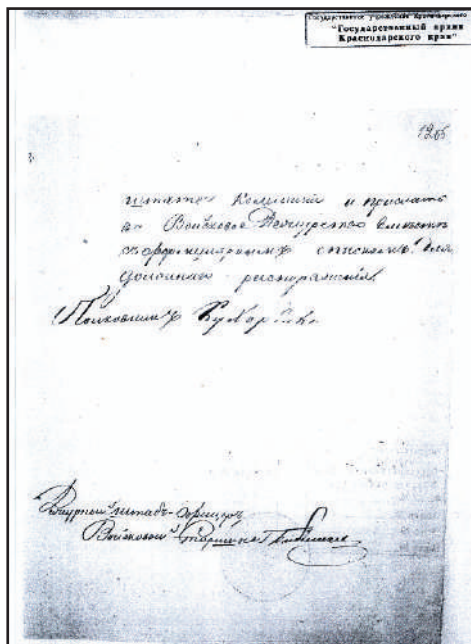
Обстановка в то время была тяжелая. Турция, несмотря на условия Андрианопольского договора, по которому она была принуждена отказаться от всяких притязаний на закубанские земли – на весь восточный берег Черноморья от устья р. Кубань до места южнее г. Поти, что закреплялся «в вечное владение Российской империи» – не смирилась с утратой своих позиций в этом регионе и при поддержке Англии постоянно подстрекала закубанских горцев против России и использовала их борьбу в своих внешнеполитических интересах. Военные укрепления Черноморского казачьего войска находились на взаимно отдаленных расстояниях, были малочисленны и не могли

оказать помощь и поддержку друг другу. И движения российских отрядов из одного укрепления к другому были небезопасны. Закубанские горцы, не смирившиеся с занятием их земель, периодически нападали на укрепления, на российские отряды, на приграничные станицы, угоняли скот, захватывали пленных. В ответ на это проводились военные экспедиции против неприятельских аулов, разорение их и вытеснение горцев на равнину.

Николай Чеченский, как было указано, 8-ого мая 1847 г. вступил казаком в Черноморское казачье войско, а 11-го мая 1847 г. он получил воинское звание урядника. Начиная с 15-го мая 1847 г. по 19-ое мая 1848 г., Николай Чеченский состоял на внешней службе в Закубанье в 5-ом пешем батальоне Черноморского казачьего войска. С 19-го мая 1848 г. он был прикомандирован в 6-ой пеший батальон и до 22-го мая 1849 г. был на внешней службе Закубанья в Абинском укреплении. За этот короткий период Николай Чеченский несколько раз участвовал в движении (в походе) (6–9 марта, 16–22 мая и 6–12 октября 1848 г.) в составе отрядов, следовавших от Ольгинского Мостового к Абинскому укреплению и обратно. В одном из движений 20-го мая 1848 г. Николай Чеченский участвовал в перестрелке с напавшими на отряд горцами и проявил храбрость. За отличие и мужество, проявленное в этом бою 16-го июня 1849 г., Всемилостивейший наградил его знаком военного отличия ордена Святого Георгия. Это особый военный знак высшей воинской доблести, получивший впоследствии наименование «Георгиевский крест». С 22-го мая по 28-ое октября 1849 г. был в составе 8-го пешего батальона на внешней службе в Мостовом Алексеевском укреплении.

С 28-го октября 1849 г. на основании отношения исполняющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска генерала Г.А. Рашпиля Николай Чеченский был зачислен в штат Межевой комиссии Черноморского казачьего войска землемерским учеником в чертежное отделение, где он состоял вплоть до 1 апреля 1853 г. Деятельность Николая Чеченского в качестве землемерского ученика Межевой комиссии в документах не освещается. Можно предположить, что он принимал участие в строительстве укреплений, поселений и дорог. Но, состоя в штате Межевой комиссии, Николай Чеченский не раз отзывался для выполнения особых поручений. Так, 19-го января 1852 г. Николай Чеченский по распоряжению военного начальства был прикомандирован в сборный отряд, действовавший при Ольгинском посту в Закубанье под командованием генерала Г.А. Рашпиля. 20–22-го января 1852 г. Николай Чеченский принял участие в переправе войск через р. Кубань, а 23-го января 1852 г. – в форсированном движении к Абинскому укреплению, на соединение с отрядом Черноморской береговой линии. В составе соединенного отряда под командованием вице-адмирала Серебрякова Николай Чеченский 25–27-го января 1852 г. принял участие в походе от Ольгинского укрепления в землю шапсугов в долине Богундир и Антхир для военных действий против неприятельских аулов, затем 29–30-го января 1852 г. – в перестрелках с горцами при движении отряда к Ольгинскому укреплению, а 31-го января и 1-го февраля 1852 г. участвовал в обратном движении отряда через р. Кубань. За проявленное отличие и храбрость Николай Чеченский 19-го ноября 1852 г. был произведен из урядников в хорунжие Черноморского казачьего войска со старшинством с 26-го января 1852 г.

В конце февраля 1853 г., получив приказ исполняющего должность наказного атамана Я.Г. Кухаренко о назначении его начальником ракетной команды Ейского военного округа и предписание непременно явиться в первых числах марта 1853 г. к заведующему ракетными командами Артиллерии капитану Неверовскому, Николай Чеченский 9-го марта 1853 г. подает рапорт об освобождении его от занимаемой

Приказ по казачьему войску.

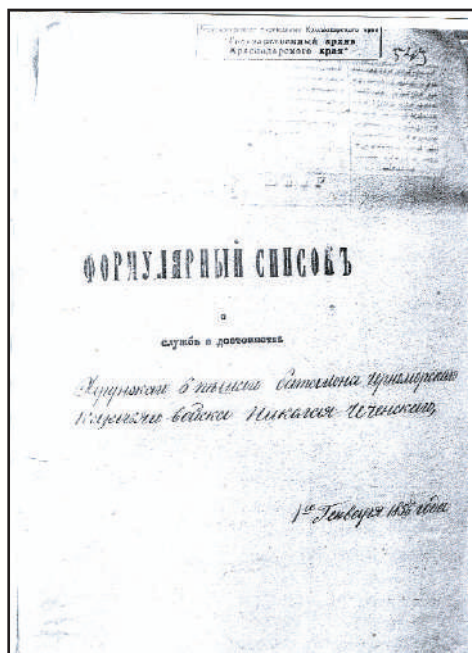
должности землемерского ученика Межевой комиссии. 20-го марта 1853 г. Межевая комиссия получает отношение исполняющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска: «...имею честь покорнейше просить Межевую комиссию числящегося при оной в звании землемерского ученика хорунжего Черноморского казачьего войска Николая Чеченского, которому назначено особое по службе поручение, исключить из штата Комиссии и прислать в Войсковое Дежурство вместе с формулярным списком для должного распоряжения». В своем заключении 6-го апреля 1853 г. Межевая комиссия сочла необходимым подчеркнуть, что, находясь в ее штате, землемерский ученик Николай Чеченский за отличие, проявленное в делах (боях) с горцами, был произведен из урядников в хорунжие Черноморского казачьего войска со старшинством с 26-го января 1852 г. и, указав на то, что в Положении «О размежевании земель Черноморского казачьего войска» «...повелено: §13. В число землемерских помощников и учеников могут быть назначены на сношении Председателя Комиссии с Войсковым Наказным Атаманом из состоящих при Войсковом Правлении урядников и казаков, которые признаны будут способными к черчению и ... (неразборчиво) съемке», приняла распоряжение «о прописании справки, уведомив г-на Кухаренко, чтобы на будущее время войсковые чиновники и нижние чины, служащие Межевой Комиссии, не перемещались из оной к другим должностям без предварительного сношения...».

Межевая комиссия на основании отношения исполняющего должность наказного атамана Я. Г. Кухаренко и рапорта Николая Чеченского исключила его с 1-го апреля 1853 г. из штата Межевой комиссии, обеспечив жалованием, и предписала ему явиться в Войсковое Дежурство. С 1853 г. Николай Чеченский находился на кордонной и внешней службе Закубанья. С 27-го февраля по 14-ое мая 1853 г. состоял на пограничной службе во 2-ом конном полку в 3-ей части Черноморской кордонной линии. С 14-го мая 1853 г. находился на внешней службе в Георгие-Афинском укреплении в 6-ом пешем батальоне.

Осенью 1853 г. началась Крымская война (1853–1855). В начале октября 1853 г. Османская империя объявила войну России. Главные события развернулись на побережье Крыма. Но, видя слабость турецких войск и флота, Англия и Франция делали попытки высадить десант на восточном побережье Черного моря и на Азовском море, чтобы проникнуть на Кавказ. Здесь столкновения проходили в районе г. Новороссийска, Анапы и на Таманском полуострове.

С 6-го августа по 14-ое сентября 1854 г. Николай Чеченский в составе Таманского отряда строил дамбу от Джингинского рукава до Закубанского материка. После переправы войск через Керченский пролив Николай Чеченский поступил в Феодосийский резервный отряд, сосредоточенный против англо-французских и турецких войск. А 16-го мая 1855 г. Николай Чеченский находился в составе гарнизона в укреплении Арабат во время бомбардирования этого укрепления англо-французской эскадрой.

Вывявленные документы о Николае Чеченском хронологически охватывают период с мая 1847 г. по 1-ое января 1856 г. Эти десять лет полны беспокойной и опасной военной жизнью. Как сложилась дальнейшая жизнь Николая Чеченского, пока неизвестно. Но из этих неполных и кратких сведений, которые содержатся в выявленных документах, возникает образ незаурядного, мужественного и храброго человека.

Формулярный список.

Лидия Довлеткиреева

Территория понимания, приятия и любви

С 16 по 21 марта на ВДНХ прошла XIV выставка-ярмарка «Книги России». Ведущие книжные издательства страны представили свою продукцию: от научной литературы до популярного чтения, от классики до детских конструкторов «Умная бумага». На открытии о значимости мероприятия и развитии книжной индустрии в современной России рассказали заместитель руководителя Федерального агентства печати В.В. Григорьев, генеральный директор Дирекции книжных выставок Н.Ф. Овсянников, председатель ЦИК РФ В.Е. Чуров, секретарь Союзного государства Россия–Беларусь П.П. Бородин, прозаик из Дагестана Ш.М. Казиев, зав. секретариатом РПЦ отец Клемент и президент ФСЭИП С.А. Филатов.

Особенностью этой выставки стало то, что Северный Кавказ был ее центральным экспонентом. Свою литературу представили Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Осетия и, конечно, Чечня. Кстати, наша республика впервые принимала участие во Всероссийской книжной ярмарке. Этим, наверное, объясняется то, что книги были привезены в единственном экземпляре, т.е. без учета возможности продажи, ассортимент их был менее разнообразен, чем у соседних республик, а в концертной программе Северного Кавказа, 17 марта, в день презентации нашего южного региона, не выступали только чеченские артисты. Их просто не было в составе делегации. Век коммерческих отношений сказал свое веское слово: на просьбу сотрудника Министерства печати ЧР выставить одну танцевальную пару руководитель одного из наших ансамблей в Москве ответил: «А сколько вы заплатите?» Его понять можно: почему профессионалы должны танцевать за так, труд должен быть оплачиваем, а с другой стороны – литераторы же бескорыстно честь своей малой Родины представляли.

Если говорить объективно, с организационной точки зрения мы несколько проигрывали. В составе всех делегаций Северного Кавказа были известные писатели, литературоведы, критики, руководители книжных издательств. Они не только показали свои книги, но и с первого дня цивилизованно занимались их торговлей, имея при себе опись товара, прейскурант, чеки, различные атрибуты «завлечения» клиентов: национальные костюмы на стендах, работы народного промысла, яркие национальные коврики, открытки, фотографии...

У стенда Чеченской Республики.

Выставка-ярмарка имеет несколько целей: популяризация чтения, установление дружеских мостов между регионами и различными этническими и религиозными группами, завязывание выгодных коммерческих и партнерских отношений с книгоиздателями, типографиями, редакциями, расширение этнического кругозора посредством знакомства с литературой многочисленных наций России, презентация книжных новинок, распространение книг...

Мы же поехали практически «дикарями»: оргкомитета с нашей стороны не было, никаких совместных встреч членов делегации и обсуждения «стратегии», соответственно, тоже. Каждый добирался своим ходом, финансирование тоже производилось «с миру по

нитке». Если бы Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, один из московских организаторов выставки, не пригласил поэта и публициста, главного редактора журнала «Нана» Лулу Жумалаеву и меня как литературного критика, известного по участию в форумах молодых писателей и публикациях в российской прессе, то Чечня была бы представлена только председателем Союза писателей ЧР Кантой Ибрагимовым, которого, впрочем, тоже пригласил фонд. От Министерства ЧР за два дня до поездки везти книги на ВДНХ было предложено начальнику отдела полиграфии Исе Ахматханову, а от издательско-полиграфического комплекса «Грозненский рабочий» – главному редактору Тоите Бураевой, которые в сжатые сроки собрали книги и буквально на своем горбу доставили их в Москву. Все-таки, у чиновников, как мне кажется, должно быть четкое представление, что в мероприятиях такого уровня каждый приглашенный туда чеченец «презентует» не себя лично, не какую-то организацию, а всю республику. Да и не надо ждать приглашений на такие встречи, информация о них есть в Департаменте печати РФ, на сайтах в Интернете, регионы сами должны быть заинтересованы в культуртрегерстве и обратной просветительской миссии «Кавказ – Москве и всей России», ведь от этого тоже во многом зависит создание положительного имиджа, а значит, надо и инициативу проявлять, и заявки посылать, и включать эти мероприятия в годовой план, чтобы потом не ломать голову, из какой статьи денежку выкроить, и рабочие группы создавать, и уж тем более поддерживать тех, кто приглашен официально организаторами с федеральной стороны. Впрочем, все эти оргпромахи можно оправдать тем, что участвовали-де в первый раз, не знали, что да как, но выводы делать надо: министерства печати, культуры, Союз писателей, пресс-служба Правительства, телевидение должны работать в таких случаях не разрозненно, а координировано, как единая команда.

Вернемся однако на выставку. На открытии стенда республик Северного Кавказа все выступавшие, а это и Глава Ингушетии Юнусбек Евкуров, и «живой классик» Андрей Битов, и президент фонда «Мир Кавказа» Ахсарбек Галазов, и заместитель секретаря президиума Генерального Совета партии «Единая Россия», вице-спикер Госдумы РФ, олимпийская чемпионка и просто красавица Светлана Журова, и председатель Ассамблеи народов России, ректор Института культуры Рамазан Абдулатипов, и другие гости, с болью отмечали, что Кавказ стал для россиян чуть ли не «зоной отчуждения», непонимания и такие книжно-культурные «десанты» прежде всего необходимы для того, чтобы восстановить этот информационный пробел, открыть друг другу настоящее, светлое «лицо кавказских национальностей» без пропагандистского боевого раскраса. Полифония эта звучала примерно так: «На Кавказе через одного – поэт, каждое сказанное слово имеет особый смысл... Кавказ – это страна любви. Сегодня этой любви нам не хватает... Здесь нет ни одной проблемы, которой бы не было в России, потому что мы единая страна» (Абдулатипов); «На ярмарке представлена литература Кавказа, лучшие писатели... И это поможет понять нас... Если таких встреч будет больше, не надо будет никому ничего доказывать. Говорить – одно, а видеть – другое» (Евкуров); «Кавказ – это сердце между Европой и Азией... Надо раненый палец хотя бы лизать, чтобы кровь не капала, а не проливать ее» (Битов); «Эта выставка уникальна... Посмотрите, сколько молодежи сюда пришло... Они точно не пойдут на Манежную площадь в слепой ненависти к «другим», ведь перед ними явил себя истинный лик Кавказа» (Журова)...

Программа ярмарки была весьма многообразна: инновации в области цифровой печати, электронном книгоиздании, маркетинговые технологии, новые модели бизнеса для современного издательства, традиционное сознание и вызовы современности, молодая литература Кавказа, что такое современный российский роман, кому выгодно запрещать книги, проблемы книжного рынка, книжный магазин на пороге перемен – какие только темы не звучали на «круглых столах». На многих из них довелось побывать и чеченской стороне, высказать свое видение тех или иных вопросов. А помимо этой интеллектуальной струи водопада – творческие встречи с поэтами, прозаиками и критиками, редакторами ведущих российских издательств, журналистами. С Александром Эбаноидзе, Львом Аннинским, Сергеем Кара-Мурзой, Валентином Распутиным, Александром Архангельским, Дмитрием Быковым, Сергеем Минаевым, Татьяной Толстой... А также автограф-сессии, многочисленные презентации. Так, большой интерес вызвала презентация книг мусульманского философа Харуна Яхьи «Атлас происхождения жизни», «Крах теории Дарвина».

Удивительно, но российские читатели проявили огромную любознательность по отношению к чеченским книгам. Причем это была весьма разнородная публика: профессора, студенты, пенсионеры, работники библиотек, «городские сумасшедшие»... Более всего спрашивали книги по истории, культуре Чечни и, как ни странно, языку,

справочные, энциклопедические издания, чеченско-русские словари пользовались большим спросом... На одну книгу записывалось по несколько человек. Книги с нашего отдела СК-стенда не распространялись до последнего дня, несмотря на чуть ли не слезные уговоры желающих их приобрести, иначе бы «Чеченская Республика» пустовала. В последний день дали волю – и книги получили те счастливицы, которые оставили удовольствие посещения ярмарки на этот крайний срок. Интеллигенты в очках были не удовлетворены тем, что не нашли глубоких исследований по отдельным периодам чеченской истории, домохозяйки и просто хозяйки – тем, что нет буклета «Национальная чеченская кухня», многие хотели бы приобрести энциклопедию по Чечне от А до Я, где бы были статьи о культуре, истории, политике, спорте, известных чеченцах и т.д. Таковой пока, к сожалению, нет. Отношение было разным: от примитивно-обывательского, выраженного агрессивно настроенной бабушкой: «А что, чеченцы умеют читать?» – до восторженного: «Мы вами восхищаемся. Столько пережили, но не сломились!» – звучавшего от многих посетителей стенда.

По предложению организаторов выставки, в рамках культурной программы мы представили три мероприятия, которые вызвали резонанс как среди журналистов и писателей, так и среди обычных посетителей: презентации журнала «Нана» (Лула Жумалаева) и книги Канты Ибрагимова «Дом проблем», которую автор провел лично, «круглый стол» на тему военной прозы в современной русской и чеченской литературах (в качестве ведущей в данном случае выступить предложили мне как специалисту по современной прозе). О том, что они прошли успешно, можно судить по отзывам коллег и простой публики, которые активно задавали вопросы, высказывали свои мнения, просто подходили и искренне нас благодарили. Так что, первый блин оказался вовсе не комом.

Кстати, после «круглого стола» по военной прозе многие выражали желание приобрести книги чеченских прозаиков на эту тему. Действительно, давно назрела необходимость издания на русском языке сборника художественных произведений наших авторов о последних войнах. Надо, чтобы Россия и мир слышали голос самих чеченцев, а не только русских писателей, многие из которых тоже правдиво отображали эти события, но все же это взгляд одной стороны. Долгое время говорили за Чечню и вместо Чечни, хотелось бы, чтобы голос чеченских писателей звучал не только в пределах нашей республики, и такое издание этому бы очень помогло. Мы должны совместно осмыслить трагедию российско-чеченской войны, чтобы не допускать подобного безумия больше ни в одном регионе страны.

*Круглый стол
«Военная тема в ракурсе современной русской и чеченской прозы».*

К нашим иллюстрациям**«Живу жизнью художника!»**

Султан Юшаев сегодня, пожалуй, один из самых известных чеченских художников. Многие его картины, выполненные в реалистическом жанре, в настоящее время находятся в частных коллекциях и галереях Европы и Америки.

Да и сам Султан (как и его младший брат Замир, художник-сюрреалист) давно проживает в той же Европе. Более того, в свободное от занятий живописью время тренирует подразделения бельгийского спецназа! Малоизвестный факт – братья Юшаевы являются не только талантливыми художниками, но и профессиональными спортсменами-каратистами.

Кому практически ничего неизвестно о прошлом Султана (до эмиграции в Бельгию в 2001 году), может показаться, что его настоящая жизнь, полная внешнего благополучия и всеобщего признания, – закономерный итог для художника, для которого в принципе «не должно существовать таких понятий, как границы между странами на пути к мировому искусству».

Однако точкой отсчета для него в данном случае стал отнюдь не приезд на ПМЖ в Бельгию. Все начиналось гораздо раньше – можно было бы сказать, со времени студенчества в Ленинградской академии художеств им. И.Е. Репина, где Султан приобрел свои профессиональные навыки, ознакомился со всеми достижениями мировой культуры... Но сам художник в одном из своих многочисленных интервью признается: «Своим первым учителем я считаю своего отца Тагира. Он был художником без диплома, так как не имел возможности учиться в годы депортации, но все же сумел мне привить любовь к творчеству». А потом, как вспоминает друг Султана, художник Джамалуди Товсултанов, была ведь еще и учеба в Избербашевском художественном училище. Кстати, Избербашевское училище – не единственная страница биографии художника, связанная с Дагестаном. Несмотря на то, что родовые корни Юшаевых находятся в Ножай-Юртовском районе, Султан (самый старший из трех братьев и двух сестер) родился в сентябре 1960 года в г. Хасавюрт, где в то время работал глава семейства Тагир Юшаев.

Возвращаясь к «первым шагам к славе», стоит отметить, что таковыми стали даже не картины Юшаева, а... ковры. Нет, ковромачеством Султан ни в прежние годы, ни в настоящее время не занимается. Просто в 1982 году, на знаменитой всемирной Лейпцигской ярмарке (тогда еще в Германской демократической республике) были выставлены два ковра, сделанные чеченскими мастерицами из Урус-Мартана по эскизам Юшаева. Искусство чеченских ткачих и художественный замысел Султана были отмечены двумя золотыми медалями. Чуть позже, но в те же студенческие годы, его картины впервые оказались за границей: друг Султана, известный китайский художник, профессор Пекинской академии художеств Дай Шихо, во время поездки в Англию представил несколько картин Юшаева на лондонской экспозиции. После окончания Ленинградской академии художеств в 1990 году, Султан вернулся на родину. В Грозном он работал главным художником в драмтеатре имени Ханпаши Нурадилова вместе с Русланом Хакишевым, известным театральным режиссером. А потом – реставратором в музее искусств имени Х. Ошаева. Кстати, опыт последней работы спустя годы пригодится ему в Бельгии: иногда Султан реставрирует старинные картины в музеях этой страны. Причем его авторитету отдается предпочтение большее, чем коренным бельгийским реставраторам. Одна из таких картин была изрядно повреждена еще в годы Второй мировой войны. «И так получилось, – говорит Султан, – что спустя столько времени, чеченский художник приехал с другой войны и отреставрировал ее!»

К сожалению, картины самого Юшаева, некогда вошедшие в фонд музея искусств им. Петра Захарова в Грозном, республиканского Краеведческого музея, а также находившиеся в его мастерской до первой российско-чеченской войны в 1994–1996 гг., уже никогда не попадут в руки реставраторов. Все они были уничтожены вместе с другими предметами искусства российской авиацией во время бомбардировок Грозного. Потеряв практически все, Султан не опустил руки: «Художник должен быть все время в работе, и после первой войны я снова стал писать. Но началась вторая война, и все вторилось по новому кругу»... именно в тот критический момент и пришло решение уехать.

Будучи членом Союза художников СССР, Султан Юшаев принимал участие во всевозможных региональных и республиканских выставках. Не стала исключением и его нынешняя жизнь в Бельгии. Уже несколько лет он состоит в Обществе бельгийских профессиональных художников, преподает уроки традиционного искусства (и это в стране, подарившей миру знаменитую «фламандскую живопись») и по-прежнему принимает активное участие в выставках («Живу жизнью художника») как в Бельгии, так и по Европе в целом. Кстати, свою первую выставку в Бельгии Султан провел самостоятельно. Несколько выставок картин Юшаева состоялись в Англии, где он некоторое время жил и работал по контракту. А последняя завершила работу совсем недавно в Швейцарии – 3 января 2011 года. Поклонники живописи могли по достоинству оценить как тематические работы художника, так и пейзажи, портреты. Среди последних особое внимание посетителей привлекли образы горцев и горянок, что нашло отражение в их восторженных отзывах: «Чеченский художник гениален!» И можно только догадываться, какие чувства испытывает сам чеченский Пигмалион к одной из таких Галатей-горянок! Ведь одной из них (и только ей одной) художник-поэт посвятил такие строчки:

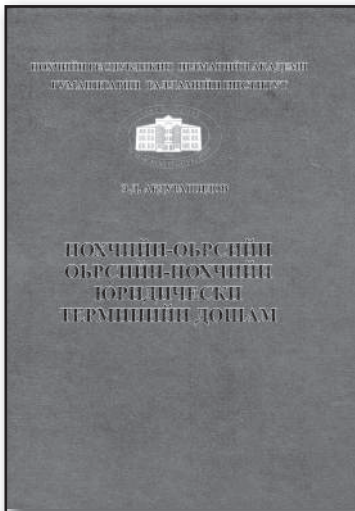
Мгновенье счастья мне с тобой дороже...
Чем вечность целой жизни без тебя...

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Чеченская девушка», 2 стр. – «Садо Мисербиев», 3 стр. – «Образ чеченской девушки», 4 стр. – «Утро в горах».

Роза Межиева

Книжные новинки

Юридические термины на чеченском языке

В Грозном при содействии Академии наук ЧР и Института гуманитарных исследований недавно вышел словарь юридических терминов на русском и чеченском языках. Словарь, автором которого является Э.Д. Абдурашидов, включает в себя порядка 2 247 терминов, в том числе иностранного происхождения, вошедших вместе с русским языком в юридическую терминологию чеченского языка. Построен словарь по так называемой гнездовой системе: слова расположены в строго алфавитном порядке, и каждое заглавное слово со всем относящимся к нему материалом образует самостоятельную словарную статью. Актуальность настоящей книги автору видится в том, что события, происходившие в России, в том числе и в Чечне, в течение последних веков изменили изначальное значение отдельных правовых терминов.

Так, объясняя первоначальное значение термина «авантюризм», имеющего французское происхождение и аналогичное русскому слову «проньрство» (чеч. глумакхе гуллакх), он отмечает, что сегодня, «как в русском, так и в чеченском языках под словом «авантюра» стали подразумевать нечто удалое, героическое, отважное, а не безнравственный поступок, совершаемый путем злоупотребления доверием людей. «Практика государственно-правового строительства показывает, что при правовом невежестве в обществе государственные структуры вынуждены прибегать к авантюризму. Соответственно, чем выше уровень гражданского правосознания в обществе, тем меньше авантюризма как в отношениях государства и гражданина, так и между гражданами»...

В приложении к словарю в интересах пользователей приводятся некоторые принципы, выражения и обороты, используемые в судебной речи и при составлении документов.

Роза Берсанова

Сведения об авторах и переводчиках

Резеда Эрсеной (р. 1943). Окончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ, аспирантуру в ЛГПИ им. А.И. Герцена. Кандидат филологических наук, работала в ЧИГУ с 1967 г. по 1981 г., а также в Тверском государственном университете преподавала историю зарубежной литературы с 1984-го по 1991 г. Научные рефераты и статьи начала печатать в 1967 г. (журнал «Горное дело», Москва). Опубликовала более 70 научных публикаций, монографию «Стендаль и Достоевский» (1991) и около 30 газетных статей. Известна также под псевдонимом Ризита Эрсеной (публиковались рассказы «Суфий», «На чужбине», в 1997 г. на чеченском радио была осуществлена радиопостановка пьесы «Квартал Монпарнас»).

Тауз Исс (Тауз Исаев). Родился в 1951 г. Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Елена Сердюкова Окончила в 1990 г. ЧИГПИ. В настоящее время работает заведующей психологической лабораторией ЧГУ. Занимается производством судебно-психологических экспертиз. Автор множества научных статей по психологии. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Нана» и «Вайнах».

Малика Мусаева. Родилась в с. Нарын-Худук Калмыцкой АССР. Окончила экономический факультет ЧГУ (2009). Стихи, рассказы на чеченском языке публиковались на страницах журналов «Орга», «Вайнах».

Сулиман Мусаев. Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 г. Редактор отдела прозы в литературно-художественном журнале «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 г. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации – в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборнике «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009). Участник семинара молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик, май 2008 г.), VIII и IX форума молодых писателей России в Липках (2008-2009). Магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов в 2009 г.

Андарбек Яндаров (р.1937). Окончил юридический факультет Казахского ГУ (1956–1961), аспирант кафедры философии КГУ (1961–1964), кандидат философских наук с 1964 г. С 1972 г. доктор философских наук. Основные публикации: 1963 г. «История общественной мысли чеченцев и ингушей»; 1968 г. «Ингушский просветитель Чах Ахриев»; 1975 «Расцвет культуры Советского Казахстана» [в соавторстве с проф. Канапиным А.К.]; 1976 г. «Суфизм и идеология национально-освободительного движения»; 2010-2011 гг. «Мифы и предания чеченского народа», Т. 1, Т. 2 [совместно с Заурбековой Г.В. и Бызовым И.В.]; 2011 г. «Нохчийн Гиллакхех» [совместно с Хасиевым С.-М.А. и Заурбековой Г.В.].

Галина Заурбекова (р. 1954). Окончила исторический факультет ЧИГУ (1972–1977), по специальности «преподаватель истории и обществоведения»; аспирантуру в Институте этнографии АН СССР (1983-1986). Кандидат исторических наук (1987). Публикации с 1984 г.: «Идеология национального освободительного движения горцев Северного Кавказа и постперестроечный сепаратизм в Чеченской Республике» (Вестник академии наук Чеченской Республики, № 1 (12), 2010); «Манипулирование этнополитическим конфликтом» (Жизнь национальностей, № 1, 2009); «Мифы и предания чеченского народа». М.: «Орбита», 2010, 2011, Т 1, Т 2 (фольклорно-этнографический сборник [совместно с Яндаровым А.Д. и Бызовым И.В.]); Нохчийн Гиллакхех. М.: «Орбита», 2011 (этнографическое обозрение [совместно с Яндаровым А.Д. и Хасиевым С.-М.А.]).

Индарби Мутушев (Бызов) (р.1971). Окончил исторический факультет ТашГУ. Основные публикации: статьи в «Объединенной газете» (2006–2008 гг.); статьи в журнале «Чеченское общество сегодня» (2008-2009 гг.); «Мифы и предания чеченского народа», Т. 1, Т. 2, 2010–2011 гг. [в соавторстве с Яндаровым А.Д. и Заурбековой Г.В.]; «Майкопская культура и этногенез чеченского народа» (статья в журнале «Известия Российского ДНК Вестника», 2011 г., № 11).

Хава Темаева (р. 1973). Родилась в г. Грозном. Окончила филологический факультет ЧГУ в 1995 г. В 2010 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Литература народов РФ». Основные публикации: «Становление личности в раннем творчестве Ч. Айтматова» («Вайнах», 2008), «Духовно-нравственный и художественный мир Ч. Айтматова и его традиции в северокавказской прозе» (монография, Майкоп, 2009), «Духовное наследие киргизского народа в исторической памяти чеченцев» (материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Ю.Д. Дешериева. Назрань, 2009), «Философское осмысление судьбы человечества в творчестве Ч. Айтматова («Вестник ЧГУ», Грозный, 2009) и др.

Татьяна Гвоздикова (р. 1950). Родилась в Гудермесе Чечено-Ингушской АССР. В 1976 г. окончила исторический факультет Ростовского государственного университета по специальности «преподаватель истории и обществоведения». С декабря 1969 г. работает в Центральном государственном архиве ЧИАССР (ныне Архивное управление Правительства ЧР). Пишет статьи, посвященные истории родного края. Публиковалась с 1974-го по 1994 гг. в газетах «Комсомольское племя» и «Грозненский рабочий».